

№ 2

2023

НАСЛЕДИЕ

ВЕКОВ

HERITAGE
OF CENTURIES

**ЭЛЕКТРОННЫЙ НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ
ЮЖНОГО ФИЛИАЛА
ИНСТИТУТА НАСЛЕДИЯ**

**СПЕЦИАЛЬНАЯ ТЕМА НОМЕРА:
НАСЛЕДИЕ КАВКАЗА В МЕНЯЮЩЕМСЯ МИРЕ:
ТРАДИЦИИ И СОВРЕМЕННОСТЬ**

ISSN 2412-9798

9 772412 979809

16+

№ 2
(34)

16+

●
2023

НАСЛЕДИЕ ВЕКОВ

HERITAGE
OF CENTURIES

ЭЛЕКТРОННЫЙ НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ ЮЖНОГО ФИЛИАЛА
ИНСТИТУТА НАСЛЕДИЯ

УЧРЕДИТЕЛИ:

ФГБНИУ «Российский научно-исследовательский институт культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачева»

АНО Центр духовного развития и патриотического воспитания «Родные традиции»

ИЗДАТЕЛЬ:

Южный филиал
ФГБНИУ «Российский научно-исследовательский институт культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачева»

Выходит 4 раза в год

Свидетельство о регистрации
средства массовой информации:

ЭЛ № ФС 77 - 76198
от 19 июля 2019 г.

ISSN 2412-9798

Адрес редакции:

350063, г. Краснодар,
ул. Красная, д. 28, оф. 28
Тел. +7 (861) 268-22-98

E-mail:

heritage.krasnodar@gmail.com

Мнение авторов может
не совпадать с точкой зрения
редакции

Номер сверстан: 29.06.2023
Размещен в сети Интернет: 30.06.2023

Главный редактор:

ГОРЛОВА

Ирина Ивановна,
доктор философских наук,
профессор, директор
Южного филиала Института
Наследия

Заместитель главного редактора:

КОВАЛЕНКО

Тимофей Викторович,
кандидат философских наук,
заместитель директора
Южного филиала
Института Наследия

Выпускающий редактор:

КРЮКОВ

Анатолий Владимирович,
кандидат исторических
наук, ученый секретарь
Южного филиала Института
Наследия

Распоряжением Минобрнауки России от 12 февраля 2019 г. № 21-р электронный журнал «Наследие веков» включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук.

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

АБДУЛЛАЕВА

Рена Габиб кызы

доктор искусствоведения, профессор, заведующая отделом культурологии Института архитектуры и искусства Национальной академии наук Азербайджана, Баку, Азербайджанская Республика

АКАЕВ

Вахит Хумидович

доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник отдела гуманитарных исследований Комплексного научно-исследовательского института имени Х. И. Ибрагимова РАН, действительный член Академии наук Чеченской Республики, Грозный, Российская Федерация

АЛЕКСЕЕВА

Галина Васильевна

доктор искусствоведения, профессор, руководитель образовательной программы «История искусств» школы искусств и гуманитарных наук департамента искусств и дизайна Дальневосточного федерального университета, Владивосток, Российская Федерация

АРАКЕЛОВА

Александра Олеговна

доктор искусствоведения, ректор Российской государственной академии интеллектуальной собственности, заслуженный работник культуры Российской Федерации, Москва, Российская Федерация

БОЛААН

Маицео Мгадла

PhD в области истории, доцент кафедры истории гуманитарного факультета Университета Ботсваны, Габороне, Республика Ботсвана

ВЛАДИМИРСКИ

Ирена

PhD в области истории, профессор, заведующая кафедрой истории общественной мысли Академического колледжа Ахва, Ахва, Государство Израиль

ГАПУРОВ

Шахрудин Айдиевич

доктор исторических наук, профессор, Президент Академии наук Чеченской Республики, заведующий кафедрой новой и новейшей истории Чеченского государственного университета, заслуженный деятель науки Чеченской Республики, Грозный, Российская Федерация

ЕГОРОВ

Владимир Константинович

доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник центра государственной службы и управления, заведующий кафедрой ЮНЕСКО Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Москва, Российская Федерация

ЕРЕМЕЕВА

Анна Натановна

доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник отдела комплексных проблем изучения культуры Южного филиала Института Наследия, Краснодар, Российская Федерация

КИТОВ

Юрий Валентинович

доктор философских наук, профессор кафедры культурологии, заведующий кафедрой культурологии Московского государственного института культуры, Москва, Российская Федерация

КУДРЯВЦЕВ

Александр Абакарович

доктор исторических наук, профессор, кафедры зарубежной истории, политологии и международных отношений Северо-Кавказского федерального университета, заслуженный деятель науки Российской Федерации, Ставрополь, Российская Федерация

КУМАР

Капил

профессор истории, декан исторического факультета Высшей школы социальных наук Индийского национального открытого университета имени Индиры Ганди, директор Центра по исследованию борьбы за свободу, Нью-Дели, Республика Индия

КУПЦОВА

Ирина Валентиновна

доктор исторических наук, профессор кафедры регионального и муниципального управления Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова, Москва, Российская Федерация

МАКГАЛА

Кристиан Джон

Ph. D. в области истории, профессор кафедры истории гуманитарного факультета исторического факультета Университета Ботсваны, Габороне, Республика Ботсвана

МАЛЫГИНА

Ирина Викторовна

доктор философских наук, профессор, заведующая кафедрой мировой культуры Московского государственного лингвистического университета, Москва, Российская Федерация

МАТВЕЕВ

Олег Владимирович

доктор исторических наук, профессор кафедры истории России Кубанского государственного университета, главный научный сотрудник Научно-исследовательского центра традиционной культуры Кубанского казачьего хора, Краснодар, Российская Федерация

НЕРЕТИН

Олег Петрович

доктор экономических наук, директор Федерального института промышленной собственности, лауреат премии Правительства Российской Федерации, Москва, Российская Федерация

НИСТОЦКАЯ

Марина Сергеевна

Ph. D. в области политологии, старший преподаватель кафедры политологии; научный сотрудник Института качества государственного управления Гётеборгского университета, Гётеборг, Королевство Швеция

ОРЛОВА

Надежда Хаджимерзановна

доктор философских наук, научный сотрудник Института философии Университета Зелена Гура, Зелена Гура, Республика Польша

ПАТИНЬО

Хуан Карлос

доктор экономических наук, профессор факультета политических и социальных наук Автономного Университета штата Мехико, Толука, Мексиканские Соединенные Штаты

ПРАБХАКАРА

Джантхьяло Рао

профессор лингвистики, директор Центра изучения иностранных языков Высшей школы гуманитарных наук Центрального университета Хайдарабада, Хайдарабад, Республика Индия

РАТУШНЯК

Валерий Николаевич

доктор исторических наук, профессор кафедры истории России Кубанского государственного университета, заслуженный деятель науки Российской Федерации, Краснодар, Российская Федерация

РАХАЕВ

Анатолий Измаилович

доктор искусствоведения, профессор, ректор Северо-Кавказского государственного института искусств, заслуженный деятель искусств Российской Федерации, кавалер Ордена Дружбы, Нальчик, Российская Федерация

РЫБАК

Кирилл Евгеньевич

доктор культурологии, ведущий научный сотрудник отдела государственной культурной политики Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачева, Москва, Российская Федерация

САЛАМЗАДЕ

Эртегин

доктор искусствоведения, профессор, директор Института архитектуры и искусства Национальной академии наук Азербайджана, член-корреспондент Национальной академии наук Азербайджана, Баку, Азербайджанская Республика

СОКОЛОВА

Алла Николаевна

доктор искусствоведения, профессор, ведущий научный сотрудник отдела изучения культурного наследия и экспертной деятельности Южного филиала Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачева, Краснодар, Российская Федерация

ШЛЫКОВА

Ольга Владимировна

доктор культурологии, профессор кафедры ЮНЕСКО Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Москва, Российская Федерация

NO.2
(34)

2023

HERITAGE НАСЛЕДИЕ OF CENTURIES ВЕКОВ

THE ONLINE RESEARCH JOURNAL OF THE SOUTHERN BRANCH
OF THE INSTITUTE OF HERITAGE

FOUNDERS:

Likhachev Russian Research Institute
for Cultural and Natural Heritage

Autonomous Not-for-Profit
Organization Center for Intellectual
Development and Patriotic Education
“Native traditions”

PUBLISHER:

Southern Branch of the Russian
Research Institute for Cultural
and Natural Heritage

Published four times a year

Mass Media Registration Certificate:

ЭЛ № ФС 77 - 76198

on July 19, 2019

ISSN 2412-9798

Editorial Office:

Address:

Office 5, 28 Krasnaya Street,
Krasnodar, Russia, 350063.

Telephone:

+7 (861) 268-22-98

E-mail:

heritage.krasnodar@gmail.com

The views expressed in the Journal
are those of the authors, and do not
necessarily coincide with those of the
Editors, the Editorial Board
or the Publications Council.

Imposed on 29 June 2023
Published online on 30 June 2023

Editor-in-Chief:

Irina I. **GORLOVA**

Dr. Sci. (Theory and History
of Culture), Prof., Director,
Southern Branch, Russian
Research Institute for Cultural
and Natural Heritage

**Deputy
Editor-in-Chief:**

Timofey V. **KOVALENKO**

Cand. Sci. (Theory and History
of Culture), Deputy Director,
Southern Branch, Russian
Research Institute for Cultural
and Natural Heritage

Managing Editor:

Anatoly V. **KRYUKOV**

Cand. Sci. (National History),
Academic Secretary, Southern
Branch, Russian Research
Institute for Cultural and
Natural Heritage

**By Order of the Ministry of Science and Education
of the Russian Federation No. 21-r of 12 February
2019, the electronic scientific journal *Heritage of Cen-
turies* was included into the List of Reviewed Scientific
Journals in which main scientific results of disserta-
tions for obtaining candidate (Cand. Sci.) and doctoral
(Dr. Sci.) degrees should be published.**

PUBLICATIONS COUNCIL

Rena Habib gizi	ABDULLAYEVA	Dr. Sci. (Theory and History of Arts), Prof., Head, Department of Culturology, Institute of Architecture and Art, Azerbaijan National Academy of Sciences, Baku, Republic of Azerbaijan
Vakhit Kh.	AKAEV	Dr. Sci. (History of Philosophy), Prof., Chief Researcher, Department of Humanities, Complex Research Institute, Russian Academy of Sciences; Academician, Academy of Sciences of the Chechen Republic, Grozny, Russian Federation
Galina V.	ALEKSEEVA	Dr. Sci. (Musical Art), Prof., Head of the Educational Program "History of Art", School of Arts and Humanities, Department of Arts and Design, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russian Federation
Aleksandra O.	ARAKELOVA	Dr. Sci. (Musical Art), Rector, Russian State Academy of Intellectual Property, Honoured Worker of Culture of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation
Maitseo M.M.	BOLAANE	PhD in History, Associate Professor in History, Faculty of Humanities, History Department, University of Botswana, Gaborone, Republic of Botswana
Vladimir K.	EGOROV	Dr. Sci. (Social Philosophy), Prof., Head, UNESCO Department; Chief Researcher, Center for Public Administration and Management, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russian Federation
Anna N.	EREMEEVA	Dr. Sci. (National History), Prof., Chief Researcher, Department for Complex Problems of Cultural Research, Southern Branch, Russian Research Institute for Cultural and Natural Heritage, Krasnodar, Russian Federation
Shakhrudin A.	GAPUROV	Dr. Sci. (National History), Prof., President, Academy of Sciences of the Chechen Republic; Head, Department of Modern and Contemporary History, Chechen State University, Honoured Worker of Science of the Chechen Republic, Grozny, Russian Federation
Yuri V.	KITOV	Dr. Sci. (Theory and History of Culture), Prof., Head, Department of Cultural Studies, Moscow State Institute of Culture, Moscow, Russian Federation

Aleksandr A.	KUDRYAVTSEV	Dr. Sci. (National History), Prof., Department of Foreign History, Political Science and International Relations, North Caucasus Federal University, Honoured Worker of Science of the Russian Federation, Stavropol, Russian Federation
Kapil	KUMAR	Professor of History, Dean, Faculty of History, School of Social Sciences, Indira Gandhi National Open University (IGNOU); Director, Indira Gandhi Centre for Freedom Struggle Studies, New Delhi, Republic of India
Irina V.	KUPTSOVA	Dr. Sci. (National History), Prof., Department of Regional and Municipal Management, Moscow State University, Moscow, Russian Federation
Christian John	MAKGALA	MPhil & PhD in History, Associate Professor in History, Faculty of Humanities, History Department, University of Botswana, Gaborone, Republic of Botswana
Irina V.	MALYGINA	Dr. Sci. (Theory and History of Culture), Prof., Head, Department of World Culture, Moscow State Linguistic University, Moscow, Russian Federation
Oleg V.	MATVEEV	Dr. Sci. (National History), Prof., Department of History of Russia, Kuban State University; Chief Researcher, Research Centre for Traditional Culture, The Kuban Cossack Choir, Krasnodar, Russian Federation
Oleg P.	NERETIN	Dr. Sci. (Economics and Economic Management), Director, Federal Institute of Industrial Property, Laureate of the Prize of the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation
Marina S.	NISTOTSKAYA	PhD in Political Science, Senior Lecturer, Department of Political Science; Research Fellow, Quality of Government Institute, University of Gothenburg, Gothenburg, Kingdom of Sweden
Nadezhda Kh.	ORLOVA	Dr. Sci. (Religious Studies, Philosophical Anthropology, and Philosophy of Culture), Researcher, Institute of Philosophy, University of Zielona Góra, Zielona Góra, Republic of Poland
Juan Carlos	PATIÑO	Dr. of Economics, Prof., Faculty of Political and Social Sciences, Autonomous University of Mexico State, Toluca, United Mexican States
Jandhyala	PRABHAKARA RAO	Dr., Professor of Linguistics, Coordinator, Centre for Study of Foreign Languages, School of Humanities, University of Hyderabad, Hyderabad, Republic of India

Valeriy N.	RATUSHNYAK	Dr. Sci. (National History), Prof., Department of History of Russia, Kuban State University, Honoured Worker of Science of the Russian Federation, Krasnodar, Russian Federation
Anatoliy I.	RAKHAEV	Dr. Sci. (Musical Art), Prof., Rector, North Caucasus State Institute of Arts, Honored Worker of Arts of the Russian Federation, Cavalier of the Order of Friendship, Nalchik, Russian Federation
Kirill E.	RYBAK	Dr. Sci. (Museology, Conservation and Restoration of Historical and Cultural Objects), Leading Researcher, Russian Research Institute for Cultural and Natural Heritage, Moscow, Russian Federation
Ertegin	SALAMZADE	Dr. Sci. (Theory and History of Arts), Prof., Director, Institute of Architecture and Arts, Azerbaijan National Academy of Sciences; Corresponding Member, Azerbaijan National Academy of Sciences, Baku, Republic of Azerbaijan
Olga V.	SHLYKOVA	Dr. Sci. (Theory and History of Culture), Prof., UNESCO Department, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russian Federation
Alla N.	SOKOLOVA	Dr. Sci. (Musical Art), Prof., Leading Researcher, Department for the Study of Cultural Heritage and Expert Activities, Southern Branch, Likhachev Russian Research Institute for Cultural and Natural Heritage, Krasnodar, Russian Federation
Irena	VLADIMIRSKY	Prof., PhD in History, Head, History Department, Achva Academic College, Achva, State of Israel

СОДЕРЖАНИЕ

СПЕЦИАЛЬНАЯ ТЕМА НОМЕРА:
«НАСЛЕДИЕ КАВКАЗА В МЕНЯЮЩЕМСЯ МИРЕ:
ТРАДИЦИИ И СОВРЕМЕННОСТЬ»
(РЕДАКТОР Э. В. КРЮКОВ)

ОТ РЕДАКЦИОННОГО СОВЕТА	13
НАСЛЕДИЕ КАВКАЗА В МЕНЯЮЩЕМСЯ МИРЕ: ТРАДИЦИИ И СОВРЕМЕННОСТЬ	15
<i>А. А. Хагба</i> Симфоническое наследие Абхазии: история формирования и перспективы сохранения	15
<i>Ф. А. Гаджалова, Э. Б. Рамазанова</i> Дагестанские традиционные блюда и продукты питания как маркер народной культуры и бренд региона	31
<i>К. Р. Базеян</i> К истории межкультурных связей в Армении: Ленинканский текстильный комбинат (20-80-е годы XX века)	46
ПАМЯТНИКИ ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЫ	54
<i>Е. С. Лахтионова</i> Зарождение деятельности по сохранению индустриального наследия в Свердловской области в 1970-1980-е годы (по материалам региональной периодической печати)	54

<i>Н. И. Горлова</i> Нормативно-правовые основания проведения международных волонтерских кампусов (лагерей) в сфере сохранения историко-культурного наследия	66
РЕГИОНАЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЫ	77
<i>С. С. Ипполитов</i> Творческий сектор Казахстана через призму геополитики: «мягкая сила» культурного наследия	77
<i>Э. М. Чачи</i> Фронтовые кинооператоры – уроженцы Крыма в годы Великой Отечественной войны: историко-биографический очерк	88
MUSEION: ВЫСТАВКИ, ФОНДЫ, КОЛЛЕКЦИИ	99
<i>О. И. Микитинец, В. А. Шилина</i> Музейный кластер: к возникновению и осмыслению понятия в контексте развития современной музейной терминологии	99
МИР ИСКУССТВА	115
<i>Ю. Ли</i> Жанр марины в технике гохуа (на примере творчества Сун Минъюаня)	115
ГУМАНИТАРНАЯ ПАНОРАМА: ОБЗОРЫ, КРИТИКА, ЭССЕ	125
<i>С. А. Колесникова</i> Литературное наследие Николая Канивецкого в современном театральном восприятии	125
КНИЖНОЕ РЕВЮ: РЕЦЕНЗИИ И БИБЛИОГРАФИЯ	134
<i>О. В. Шлыкова</i> Культурно-исторические повороты и траектория развития медиалогии	134

CONTENTS

THE THEME OF THE ISSUE:
**THE HERITAGE OF THE CAUCASUS IN A CHANGING WORLD:
TRADITIONS AND MODERNITY**
(EDITED BY ANATOLY V. KRYUKOV)

FROM THE EDITORIAL BOARD	13
THE HERITAGE OF THE CAUCASUS IN A CHANGING WORLD: TRADITIONS AND MODERNITY	15
<i>Adam A. Khagba</i> Symphonic Heritage of Abkhazia: History of Formation and Prospects for Preservation	15
<i>Zoya B. Ramazanova, Fatima A. Gadzhalova</i> Dagestan Traditional Dishes and Food as a Marker of Folk Culture and a Brand of the Region	31
<i>Karine R. Bazeyan</i> On the History of Intercultural Relations in Armenia: The Leninakan Textile Factory (1920s–1980s)	46
HISTORICAL AND CULTURAL MONUMENTS	54
<i>Elizaveta S. Lakhtionova</i> The Inception of Activities for the Preservation of Industrial Heritage in Sverdlovsk Oblast in the 1970s–1980s (Based on the Materials of the Regional Periodical Press)	54

<i>Natalya I. Gorlova</i> A Legal Basis for Holding International Volunteer Campuses (Camps) in the Field of Preserving Historical and Cultural Heritage.....	66
REGIONAL HISTORICAL AND CULTURAL STUDIES	77
<i>Sergey S. Ippolitov</i> The Creative Sector of Kazakhstan through the Prism of Geopolitics: The Soft Power of Cultural Heritage	77
<i>Ebazer M. Chachi</i> Front-line Camera Operators, Natives of the Crimea, during the Great Patriotic War: A Historical and Biographical Sketch	88
MUSEION: EXHIBITIONS, FUNDS, COLLECTIONS	99
<i>Olga I. Mikitinets, Victoria A. Shilina</i> Museum Cluster: To the Emergence and Understanding of the Concept in the Context of Modern Museum Terminology Development.....	99
THE WORLD OF ART: HISTORY, THEORY, METHODOLOGY	115
<i>Yue Li</i> The Genre of Seascape in the Guohua Technique (An Example of Song Mingyan's Art).....	115
HUMANITARIAN PANORAMA: REVIEWS, CRITICISM, ESSAYS	125
<i>Svetlana A. Kolesnikova</i> The Literary Heritage of Nikolai Kanivetsky in Modern Theatrical Perception	125
BOOK REVIEW	134
<i>Olga V. Shlykova</i> Medialogy: Cultural and Historical Turns and the Development Trajectory.....	134

СПЕЦИАЛЬНАЯ РУБРИКА

НАСЛЕДИЕ КАВКАЗА В МЕНЯЮЩЕМСЯ МИРЕ: ТРАДИЦИИ И СОВРЕМЕННОСТЬ

SPECIAL SECTION
THE HERITAGE OF THE CAUCASUS IN A CHANGING WORLD:
TRADITIONS AND MODERNITY

ОТ РЕДАКЦИОННОГО СОВЕТА
FROM THE EDITORIAL COUNCIL

УДК: 316.722:[316.422.4+316.42+316.733]:304.2 (479)“313”
ГРНТИ: 13.11.47
ВАК: 5.10.1.

DOI: 10.36343/SB.2023.34.2.000

КРЮКОВ Анатолий Владимирович
кандидат исторических наук, ученый секретарь
Южного филиала Российского научно-исследовательского
института культурного и природного наследия
имени Д. С. Лихачёва,
Краснодар, Российская Федерация
Anatoly V. KRYUKOV
Cand. Sci. (National History), Academic Secretary, Southern Branch
of the Russian Research Institute of the Cultural and Natural Heritage,
Krasnodar, Russian Federation
anatoly.kryukow@yandex.ru

Переживаемое нами время многими исследователями определяется как переломный момент в развитии всей глобальной цивилизации, и эта характеристика постепенно не только получает новых сторонников, но и обретает все более серьезную аргументацию. Экстраординарность эпохи объясняется во многом тем, что человечество впервые столкнулось с огромным объемом вызовов и противоречий, ранее не возникавших на его историческом пути. Значительный объем наблюдаемых магистральных проблем вызван глобализационными тенденциями, приобретшими особую мощь около четверти века назад с широким распространением компьютерных технологий и экономической экспансией развитых стран. Со временем подобный вектор развития привел к появлению новой системы общественных связей, основанной на бесконечном росте производства и потребления и закономерно изменившей отношения между локальным и глобальным во всех областях социальной практики – от сферы промышленного производства до духовной культуры.

Сама по себе глобализация, рассматриваемая исключительно в аспекте прогресса коммуникационных технологий, не несет в себе каких-либо изначально непреодолимых негативных моментов – существенным разрушительным фактором является именно засилье глобализированных рынков, породившее идеологию расточительного потребления, иррациональные эстетические устремления и некритическое предпочтение импортных продуктов товарам местной промышленности.

Особенно пагубно такая ситуация сказалась на состоянии местных сообществ, веками (а подчас и тысячелетиями) развивавших свою уникальную культуру, основанную на способах жизнеобеспечения и духовных ценностях, полученных в наследство от множества поколений предшественников. Еще полтора десятилетия назад казалось, что в долгосрочной перспективе этнические сообщества, основанные на этической культуре, перестанут существовать, будучи растворены в глобальной цивилизации. Однако эти относительно небольшие этнические коллективы отнюдь не всегда уступали массивированному натиску чуждых инноваций – оказалось, что в ряде случаев фундамент культуры, основанной на глубоких традициях, обладает колоссальным внутренним потенциалом, обеспечивающим устойчивое развитие общества вне зависимости от настойчивого воздействия извне. Без сомнения, наличием такого крепкого базиса отличаются и многочисленные этнические культуры Кавказа, на своем историческом пути не раз сталкивавшиеся с попытками негативного влияния на свою самобытность, но всегда находившие в себе силы для защиты многовекового наследия предков и дальнейшего созидательного развития. Нынешняя эпоха также не является исключением в этом смысле, между тем развитие гуманитарного знания помогает выявить возможные угрозы традиционной культуре, сделать более эффективной популяризацию ее непреходящих ценностей, используя для этого в том числе технические достижения, ставшие доступными в последние десятилетия.

Именно этой цели во многом служат статьи, опубликованные в специальной рубрике «Наследие Кавказа в меняющемся мире: традиции и современность» нового номера журнала «Наследие веков». Посвящены они проблемам, которые ранее не подвергались специальному изучению. В работе А. А. Хагбы рассмотрены этапы эволюции симфонического творчества и исполнительства в Абхазии, а также дается научная оценка современному состоянию национального симфонического наследия. В статье З. Б. Рамазановой и Ф. А. Гаджаловой исследуется механизм адаптации традиционной системы питания народов Дагестана к современной социокультурной ситуации, проявившийся в использовании некоторых блюд в качестве гастрономических брендов региона. Большой интерес вызывает и исследование К. Р. Базеян (Республика Армения), отражающее особенности межэтнических контактов, происходивших в г. Ленинкане (совр. Гюмри) в советский период, и устанавливается степень важности межкультурного взаимодействия для развития градообразующего предприятия (Ленинканского текстильного комбината) и городского социально-культурного пространства.

Думается, что представленные материалы ценны не только своим научным содержанием – через все публикации красной нитью проходит идея о том, что в нашем постоянно и стремительно меняющемся мире Кавказ и народы, неразрывно связанные с ним, олицетворяют неизблемость культурных традиций в сочетании с навыками созидательного осмысления любых позитивных новшеств, которые могут помочь развитию культурной самобытности и сохранению завещанного предками древнего наследия.

ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ СТАТЬЯ

FULL ARTICLE

ХАГБА Адам Анатольевич

соискатель кафедры музыкального и хореографического искусства
Института искусств Адыгейского государственного университета,
Майкоп, Российская Федерация

Adam A. KHAGBA

External Postgraduate Student, Adyge State University,
Maykop, Russian Federation
adamhagba@gmail.com

УДК: [785.11+782.1]:7.067(479.224)"311/313"

ГРНТИ: 18.41.09

ВАК: 5.10.1

DOI: 10.36343/SB.2023.34.2.001

Симфоническое наследие Абхазии: история формирования и перспективы сохранения

Symphonic Heritage of Abkhazia: History of Formation and Prospects for Preservation

В исследовании анализируются этапы эволюции симфонического творчества и исполнительства в Абхазии и определяется современное состояние национального симфонического наследия. Автор опирается на научные работы абхазских ученых, неопубликованные рукописи партитур произведений композиторов, живших и творивших в Абхазии, интервью с музыкантами – участниками событий. Анализируются дореволюционный, довоенный, послевоенный и постсоветский периоды истории музыкальной культуры, становление и распад Государственного симфонического оркестра, процесс формирования композиторской школы и актуальные проблемы, связанные с сохранением наследия композиторов, чье творчество было связано с Абхазией. Определено, что абхазское симфоническое наследие на данном историческом этапе находится в сложном нестабильном состоянии, поэтому сохранить его и передать следующим поколениям можно обеспечив соби́рание и публикацию музыкальных произведений, их качественное исполнение и фиксацию на цифровых носителях.

Ключевые слова: Абхазия, симфоническое наследие, симфоническая музыка Абхазии, Государственный симфонический оркестр Республики Абхазия, Государственный камерный оркестр Республики Абхазия, К. В. Ковач, О. А. Димитриади, Р. Д. Гумба, А. Ч. Чичба, П. Д. Петров, Л. Г. Джергения, А. Д. Хагба, В. М. Айба, Д. В. Терзян.

Введение. Самосознание абхазского народа в настоящее время обусловлено периодом определенного подъема, для которого характерно повышение общественного инте-

реса ко всему, что так или иначе связано с национальной историей и культурой. В число духовных ценностей, отражающих уникальность исторического пути, пройденного абхаз-

ской культурой, без сомнения, входит и академическая симфоническая музыка, созданная в регионе. Актуализирующий интерес к ней является закономерной реакцией на рост глобализационных процессов, в которых культурная самобытность малых народов рискует быть утраченной, что вызывает острую необходимость в осознании и сохранении этой самобытности. Это может быть достигнуто в том числе и проведением научных исследований по направлениям, связанным с изучением национальной культуры и ее истории. Задача по сохранению собственной культуры является критически важной для любого государства, несмотря ни на какие политические, экономические, социальные и другие трудности, это задача, которую каждому этносу необходимо решать для сохранения культурной самобытности.

О симфоническом оркестре и симфонической музыке Абхазии на русском и абхазском языках написано до настоящего времени сравнительно мало. Следует выделить материалы А.Г. Ашхаруа, в которых анализируется состояние абхазской музыкальной культуры в дореволюционную и советскую эпохи, приводятся портретные изображения и биографические данные многих абхазских композиторов [2]. Творческой и педагогической деятельности композитора А.Ч. Чичба посвящена монография М.М. Хашба [17]. В работе А.Р. Гумба исследована творческая и общественная деятельность композитора Р.Д. Гумба [3]. Существенный интерес представляет и рукопись соавторов В.А. Хагба и И.В. Митус «Музыкальное образование в Абхазии: история музыкального училища», которая в виде доклада представлялась на научной конференции в Майкопе [16]. Также определенный вклад в исследование истории симфонического оркестра вносит статья В.А. Хагба «Симфонический оркестр — важнейшая грань культуры современной Абхазии» [15]. Между тем в названных работах лишь частично затрагиваются вопросы симфонического творчества абхазских композиторов, отсутствует целостное представление о предпосылках формирования абхазского симфонического наследия, а также не учитывается его современное состояние.

Цель настоящего исследования состоит в анализе процессов становления и развития симфонического искусства и связанного с ним наследия в Абхазии, а также в определении современного состояния национального симфонического наследия. Данный целевой ориентир предполагает анализ предпосылок возникновения профессионального музицирования в Абхазии, раскрытие истории становления, основных вех деятельности и обстоятельств расформирования республиканского симфонического оркестра, а также рассмотрение событий, определивших возникновение абхазской национальной композиторской школы и дальнейшую судьбу симфонического наследия вплоть до современности.

Научная новизна работы заключается прежде всего в исследовании современного состояния симфонического наследия Абхазии, а также в определении мер, необходимых для его сохранения и популяризации.

В качестве материалов исследования использованы опубликованные научные и научно-популярные тексты, рукописи партитур абхазских композиторов. Немногочисленность источников вынудила автора «добывать» материал, занимаясь поисками музыкантов абхазского Государственного симфонического оркестра, в прошлом входивших в его состав, и проводя интервью с участниками и очевидцами описываемых событий (именно посредством интервью были восстановлены «белые пятна» в истории симфонического оркестра Абхазии).

Методологической базой исследования выступают сравнительно-типологический, культурологический подходы с учетом музыковедческих, исторических, социокультурных особенностей процесса развития симфонического искусства в Абхазии. Достаточно широко использовались в работе и методы интервью.

Представляется, что данное исследование актуализирует достаточно важную научную проблему, связанную с изучением и осознанием значительного культурного пласта академической музыки, связанной с территорией Абхазии, тем самым создавая у молодых представителей будущего профессионального сообщества ощущение преемственности, связи с композиторской школой. Кроме того, следует отметить, что изучение национального

симфонического наследия в аспекте истории его формирования послужит целям более глубокого познания прошлого и настоящего абхазской культуры.

Музыкальная жизнь в дореволюционной Абхазии. Республика Абхазия — страна с богатым музыкальным наследием, представленным и в области народного творчества, и в академической сфере. В традиционной музыке абхазов присутствуют образцы как вокальных, так и инструментальных жанров, а многие композиторы, работающие в сфере академической музыки, уделяли внимание в том числе симфоническим жанрам. Невозможно рассмотреть непростую судьбу симфонической музыкальной культуры в современной Абхазии не проследив историю ее зарождения и развития. Несмотря на то, что становление профессиональной академической, в том числе симфонической, музыкальной культуры в Абхазии пришлось на 1920–1930-е гг., предпосылки для ее формирования появились в дореволюционный период истории страны.

Присоединение Абхазии к Российской империи, которое произошло в 1810 г., не могло не оказать влияния на культурную жизнь абхазского народа. Просветительская политика, проводимая имперским правительством, содействовала открытию церковных и светских школ для местного населения и обучению представителей абхазской знати в российских учебных заведениях. Все это способствовало формированию абхазской интеллигенции. Значительную роль в процессе реализации просветительской политики сыграло Общество восстановления православного христианства на Кавказе (ОВПХК), под эгидой которого создавалась абхазская письменность, переводились на абхазский язык церковные книги, проводилась просветительская работа среди населения. «...В жизни абхазского народа Абхазская миссия ОВПХК сыграла важную роль. Из ее недр вышли известные деятели абхазской литературы, искусства, политики. Абхазцы знакомились с русской культурой, а через нее и с идеями и взглядами крупнейших европейских мыслителей, приобщались к сокровищнице мировой культуры» [19, с. 72]. В школьную учебную программу,

помимо общеобразовательных дисциплин, входили также занятия по изучению нотной грамоты, игра на музыкальных инструментах и хоровое церковное пение. В преподавательской и студенческой среде стали складываться устойчивые традиции музицирования, формировались ученические музыкальные ансамбли [2, с. 16].

Культурным и экономическим центром региона являлся Сухум. Силами творческой интеллигенции города в 1874 г. был создан кружок любителей музыки, в 1899 г. появилось общество любителей музыкально-драматического искусства, а впоследствии был образован любительский камерный оркестр, который успешно выступал на торжественных мероприятиях [2, с. 18]. Значительное место в культурной жизни города занимал военно-духовой оркестр Сухумского полка, выступавший на городской набережной несколько раз в неделю. В репертуар оркестра входили популярные вальсы, марши, поурри и увертюры.

В начале XX в. в Сухуме появились бесплатные музыкальные классы, содержащиеся за счет меценатов, был открыт магазин музыкальных инструментов и грампластинок. В 1910–1920-е гг. в город ежегодно приезжали оперные труппы из разных культурных центров России. Благодаря этому абхазская публика знакомилась с операми «Аида» Дж. Верди, «Фауст» Ш. Гуно, «Кармен» Ж. Бизе и другими оперными постановками [2, с. 19].

Безусловно, вышеупомянутые факторы оказали существенное влияние на приобщение населения Абхазии к академической музыкальной культуре, способствовали формированию в регионе интеллигенции и подготовили почву для создания абхазского академического музыкального наследия.

Музыкальная культура в советской Абхазии довоенного периода (1917–1941 гг.). Советская власть в Абхазии установилась не сразу. После революции 1917 г. большевистское правительство несколько раз предпринимало попытки подчинить себе территорию региона, однако окончательно закрепиться им не удавалось. Абхазия значительное время находилась под властью меньшевистского правительства Грузии.

В сложное время гражданской войны региональная культурная и музыкальная жизнь не утихала. В Абхазию приезжали с гастролями артисты, которые часто давали концерты совместно с местными исполнителями, культурная интеллигенция объединилась в содружества, была предпринята попытка открытия консерваторских курсов при Сухумской филармонии. Однако данные начинания не получили развития в связи с нестабильной политической обстановкой, арестами представителей абхазской интеллигенции.

Этот период в истории развития абхазской культуры требует дальнейшего исследования в связи с тем, что во время Отечественной войны народа Абхазии (1992–1993 гг.) была уничтожена значительная часть документов Государственного архива, где содержались, в том числе, сведения, относящиеся к довоенному периоду истории страны.

После окончательного установления советской власти в 1921 г. правительством был взят курс на осуществление своего рода «культурной революции», которая заключалась в коренном преобразовании всех сфер культурной жизни Абхазии с целью создания условий для доступа широких масс народа к достижениям мировой культуры, с одной стороны, и условий для развития подлинно национальной культуры, с другой. Ключевую роль здесь сыграла как поддержка со стороны власти во главе с председателем Центрального исполнительного комитета Абхазской ССР Нестором Лакоба, что позволило осуществить ряд ключевых преобразований в культурной жизни региона, так и наличие в Абхазии определенной «прослойки» культурной интеллигенции, которая могла возглавить процесс строительства новой культуры.

«Культурная революция» не могла не коснуться и сферы академической музыки. Руководство страны понимало, что невозможно выстроить систему музыкального просвещения без фундаментальной профессиональной подготовки музыкальных кадров. В 1921 г. была предпринята попытка открыть Народную консерваторию и драматическую студию при ней, однако учебное заведение просуществовало около года и было закрыто в связи с тяжелым материальным положением в стране.

Важнейшую роль в процессе формирования симфонического наследия сыграл выдающийся деятель абхазской культуры, композитор, фольклорист и просветитель *Константин Владимирович Ковач* (1899–1939). Его заслуги для культуры Абхазии сложно переоценить: он является автором первого изданного сборника абхазских народных песен, многие из которых композитор записывал лично, участвуя в фольклорных экспедициях, создал первые профессиональные симфонические произведения, основанные на абхазском мелосе — симфоническую сюиту «Песня об озере Рица», симфонические картины «Ткварчели» и «Твой путь» (все ок. 1929 г., местонахождение рукописей не известно).

Однако наиболее весомый вклад в академическую музыкальную культуру Абхазии К. В. Ковач внес, создав в 1930 г. главное профессиональное академическое музыкальное учебное заведение в стране — Сухумский музыкальный техникум (ныне Сухумское государственное музыкальное училище имени А. Ч. Чичба), а также выступив основателем первого в истории Абхазии профессионального симфонического оркестра, который появился в 1933 г.

Необходимо отметить, что такие учреждения, как музыкальное училище или симфонический оркестр, не могут существовать без наличия определенных факторов: 1) поддержка со стороны государственной власти, которая сможет обеспечить материальную базу для функционирования данных учреждений; 2) наличие профессиональных кадров, которые составят основу педагогического состава училища и исполнительского состава оркестра; 3) наличие потребности со стороны общества в осуществлении образовательной и культурно-просветительской музыкальной деятельности. Совпадение данных факторов, произошедшее в послереволюционные годы в Абхазии, позволило создать вышеупомянутые учреждения.

Значительную часть музыкантов образованного оркестра составили преподаватели музыкального училища, а первым дирижером стал сам К. В. Ковач. Некоторое время спустя на должность заведующего учебной частью училища, а также дирижера и художественного руководителя симфонического ор-

кестра К. В. Ковач пригласил молодого выпускника Тифлисской, а затем и Ленинградской консерваторий *Одиссея Ахиллесовича Димитриади* (1908–2005). Маэстро обучался искусству оперно-симфонического дирижирования у А. В. Гаука и И. А. Мусина, впоследствии руководил многими симфоническими оркестрами как в СССР, так и за рубежом, среди которых Государственный симфонический оркестр СССР, Симфонический оркестр Большого театра, оркестр Венской государственной оперы и другие коллективы. Важную роль в истории абхазской симфонической музыки О. А. Димитриади сыграл как педагог: в его классе в Тбилисской консерватории (ныне Тбилисская государственная консерватория имени Вано Сараджишвили) проходили обучение абхазские дирижеры Лев Григорьевич Джергения, Анатолий Дмитриевич Хагба и Вячеслав Максимович Айба.

Под руководством О. А. Димитриади симфонический оркестр исполнял произведения мирового классического наследия, а также популяризировал первые абхазские симфонические произведения, написанные К. В. Ковачем. Оркестр выступал на многих концертных площадках Абхазии, что способствовало проявлению у абхазской публики значительного интереса к серьезной симфонической музыке: «Молодой дирижер Одиссей Ахиллесович Димитриади поставил перед симфоническим оркестром масштабную задачу: проводить широкую пропаганду произведений мирового музыкального искусства для народных масс — с целью создания в Абхазии музыкальной среды, воспитания слушателей, способных сохранить и передать последующим поколениям достояние музыкальной культуры своего народа и мирового музыкального наследия» [16, с. 157].

Переломный момент наступил в 1936 г., когда в стране начались политические репрессии, которые во многом были нацелены на представителей абхазской интеллигенции. К. В. Ковач, внесший в развитие национальной музыкальной культуры неоценимый вклад, был обвинен в троцкизме и вредительстве. Эти события заставили композитора покинуть республику и обосноваться в Ялте. К. В. Ковач скончался в 1939 г., так никогда и не вернувшись в Абхазию. Его уход с поста

директора Музыкального техникума, а также ухудшающаяся политическая обстановка спровоцировали распад симфонического оркестра. О. А. Димитриади уехал из Абхазии и перешел на работу в Тбилисский театр оперы и балета [11].

Репрессии 1930-х гг., а также начавшаяся впоследствии Великая Отечественная война фактически остановили развитие абхазской симфонической культуры.

Музыкальная культура в советской Абхазии послевоенного периода (1945–1992 гг.). Послевоенные годы можно назвать расцветом в музыкальной культуре советской Абхазии, временем, когда формировался золотой фонд абхазского симфонического наследия.

После смерти Сталина существенно ослабло давление на абхазскую творческую интеллигенцию, что дало региональной симфонической культуре «второе дыхание». В 1950-е гг. в республике начинается процесс формирования плеяды профессиональных национальных композиторов, а также происходит восстановление в стране симфонического оркестра.

Появление абхазской композиторской школы. Первым национальным профессиональным композитором Абхазии является *Ражден Джгутанович Гумба* (1926–2007). Он активно включился в музыкальную жизнь республики в 1955 г., возглавив народный ансамбль песни и пляски — первый профессиональный хоровой коллектив в республике, для которого впоследствии будут писать многие абхазские композиторы. Работа в ансамбле подвигла Р. Д. Гумба на создание оригинальных музыкальных произведений, а глубокое понимание особенностей абхазского мелоса, который он впитывал с самого детства, позволило композитору создавать самобытную музыку, не имитирующую интонационные особенности народных мелодий, а являющуюся результатом подлинно народного музыкального мышления автора.

Значительную часть сочинений Р. Д. Гумба составляет симфоническая музыка. Он сочинил праздничную увертюру «Радость» (1971), две сюиты для симфонического оркестра (1972), симфонические поэмы «Мечта» (1975) и «Любимые мелодии» (1976), «Абхазскую

рапсодию» (1977), две симфонии (1977, 1981), произведения «Трагедия в горах» (1984–1988), «Об Абхазии» (1984–1988), симфоническую сюиту «Песнь героя» (1984–1988). (Большая часть рукописей находится в семейном архиве композитора.) Характерными чертами стиля Р. Д. Гумба является ясная ладогармоническая основа музыки, активное развитие тематического материала, опирающегося на интонационные особенности народных мелодий, яркое использование выразительных возможностей оркестра.

Вклад Р. Д. Гумба в историю абхазской академической музыки трудно переоценить. Подлинный художник своего народа, он оставил после себя богатое наследие самобытных профессиональных сочинений: «Опираясь на принципы и средства выражения народной музыки, композитор одновременно сам много сделал для их интонационного обновления. Это ему удавалось всецело, и зависело от умения художника слышать свое время» [3, с. 94].

Наряду с Р. Д. Гумба у истоков абхазской профессиональной симфонической музыки стоит выдающийся композитор *Алексей Чантович Чичба* (1925–1996). Он внес серьезный вклад в развитие абхазской симфонической музыки, являясь автором симфонической поэмы «Абрскил» (1973), шести симфоний (1974–1979), оперы «Шансоу» (1973), кантаты «Апсны» (1962) [21], оратории «Герои Кираза» (1964) и других сочинений. Важно отметить, что симфонии А. Ч. Чичба, написанные в период с 1974 по 1979 гг., являются одними из первых образцов данного жанра в абхазской музыке.

Характерной чертой стиля А. Ч. Чичба является сочетание простоты и ясности мелодико-гармонического материала с монументальностью оркестрового звучания, накалом драматического развития музыки. По мнению музыковеда М. М. Хашба, «индивидуальность творческого почерка композитора проявилась в стиле его разработок, в самом подходе к фольклору, к национальным по форме богатейшим возможностям выразительности, к веками накопленным традициям народного искусства» [17, с. 25].

Вместе с обширным списком симфонического наследия нельзя не упомянуть о вкладе композитора в историю культуры Абхазии

в качестве талантливого организатора. Будучи с 1967 по 1972 гг. директором Сухумского государственного музыкального училища (которое с 2002 г. носит его имя), А. Ч. Чичба воспитал значительное число музыкантов, обогативших симфоническую культуру Абхазии, среди которых: композиторы — Константин Антонович Ченгелия, Тото Тарашевич Аджипуа, Петр Дмитриевич Петров, Валерий Леварсович Чкадуа, Василий Михайлович Царгуш; дирижеры — Анатолий Дмитриевич Хагба и Вячеслав Максимович Айба, а также многие музыканты других специальностей.

Не менее значимым вкладом в абхазскую культуру является создание в 1971 г. Союза композиторов Абхазии, которое произошло благодаря активнейшему участию А. Ч. Чичба.

Значительное место в симфоническом наследии абхазской музыки занимает творчество композитора *Валерия Леварсовича Чкадуа* (р. 1947 г.). Он является автором Государственного гимна Республики Абхазия, а также первого абхазского балета «Рица».

У балета оказалась сложная судьба: написанный в 1980 г. в качестве дипломной работы выпускника аспирантуры Тбилисской консерватории, балет ни разу не был полностью поставлен на сцене. Однако широкую известность получили его фрагменты, среди которых особо выделяются «Утро в горах» — фрагмент, который исполнялся отдельно в виде симфонической поэмы, а также три эпизода под названием «Рыцарские состязания», вошедшие в репертуар Государственного симфонического оркестра [22].

Для стиля композитора характерно использование как новаторских для абхазской музыки композиторских приемов (хроматическая тональность, эмансипация диссонанса, нетерцовая структура гармонии, оstinатная ритмика), так и проникновенная лирика мелодии, широта оркестрового дыхания и опора на ладогармонические особенности абхазского мелоса. Творчество В. Л. Чкадуа оставило серьезный след в симфоническом наследии Абхазии.

Заметной фигурой в абхазской симфонической культуре является композитор *Мамия Титович Берикашвили* (1928–1992). Особенность его творческого пути в том, что, не являясь ни уроженцем Абхазии, ни абхазом

по национальности, композитор внес определенный вклад в развитие абхазской симфонической музыки. М. Т. Берикашвили поселился в Абхазии в 1959 г. по окончании Тбилисской консерватории. Перу композитора принадлежат симфоническая фантазия «В горах», увертюры «Торжественная» и «Горняки», картина «Песня ранения», симфония-поэма «Песнь о скале», а также многие произведения других жанров. К сожалению, на данный момент сложно установить время написания многих его произведений в связи с недоступностью рукописей и отсутствием информации в исследовательской литературе.

Для музыкального мышления композитора характерны эпичность, образительность, монументальность звучания, тонкое ощущение абхазского мелоса, мастерское использование колористических средств оркестра.

Творчество М. Т. Берикашвили существенно и самобытно вписывается в наследие абхазской симфонической музыки. Его произведения входили в постоянный репертуар Государственного симфонического оркестра Абхазии.

Ярким абхазским композитором, тонко чувствующим особенности национальной музыки, но не являвшимся абхазом по этнической принадлежности, является *Леонид Васильевич Чепелянский* (1941–2010). Центральное место в его творчестве занимают песенные жанры, однако, по возвращении в Абхазию после окончания Киевской консерватории (ныне Национальная музыкальная академия Украины имени П. И. Чайковского), композитор сосредоточенно работал в жанре увертюры и внес определенный вклад в абхазское симфоническое наследие. Он является автором увертюры для симфонического оркестра «Абхазская» и «Праздничная» (местонахождение не известно). Особую популярность получила поэма «Дмитрий Гулиа» [20], посвященная первому национальному поэту, основоположнику абхазского литературного языка. Важно отметить, что Л. В. Чепелянский является автором музыки к кинофильму «Время счастливых находок» (1969), снятому по одноименному рассказу Фазиля Искандера.

При анализе процесса формирования симфонического наследия абхазской музыки

следует особо отметить вклад композитора *Петра Дмитриевича Петрова* (род. 1949 г.). Русский по национальности, он родился в Абхазии и очень глубоко впитал особенности абхазского мелоса. Композитор, наряду с А. Ч. Чичба, является автором одного из первых произведений в жанре симфонии — Симфонии № 1 «Апсны», написанной в 1975 г. в качестве дипломной работы по окончании Киевской консерватории. Симфония сразу была включена в репертуар абхазского симфонического оркестра.

Из интервью с композитором стало ясно, что на настоящий момент (начало 2023 г.) П. Д. Петров является автором пятнадцати симфоний (среди которых семь — для камерного оркестра), «Праздничной увертюры» (1985), произведений «Абхазский танец» (1979) и «Абхазское скерцо» (1979) для симфонического оркестра, а также шести сюит для струнного и камерного оркестра. Кроме того, композитором написано двадцать семь концертов для солирующих инструментов с оркестром и большое число произведений инструментальной камерной музыки (большая часть рукописей хранятся в семейном архиве) [7]. Особую популярность получило произведение «Попурри на абхазские темы» (2012) для камерного оркестра [5], которое основано на музыкальных темах из разных сочинений композитора.

Музыкальный стиль П. Д. Петрова весьма разнообразен: в его творчестве встречаются стилизованные под фольклор попевки и ритмы джаза, ясность диатоники и терпкость хроматизма, прозрачные трезвучные гармонии и острые нетерцовые вертикали хроматической тональности. Однако вне зависимости от стиля музыка П. Д. Петрова демократична, понятна слушателю за счет безупречной отточенности музыкальной конструкции.

Говоря об абхазской симфонической музыке, нельзя не упомянуть имена композиторов, в поле творческого внимания которых она занимала не центральное место, но ими были созданы симфонические произведения, получившие широкую известность. Одним из таких авторов является *Константин Антонович Ченгелия* (1931–2019) — композитор, творчество которого в основном связано с песенными и хоровыми жанрами.

Как и его предшественники Р. Д. Гумба и А. Ч. Чичба, К. А. Ченгелия с детства был окружен подлинной живой народной музыкой, что определило стиль его музыкального мышления. Композитором написано большое количество песен, кантат и хоров, многие из которых обрели чрезвычайную популярность благодаря естественности мелодических оборотов, близости их интонаций подлинно народным.

Самым известным симфоническим произведением композитора является «Абхазское каприччио», написанное для малого симфонического оркестра. В нем сосредоточены лучшие стороны стиля композитора — ясность, демократичность музыкального языка с опорой на интонационные обороты народной музыки и профессиональное владение выразительными средствами оркестра в сочетании с филигранностью музыкальной формы.

«Абхазское каприччио», написанное в период обучения в Тбилисской консерватории (1960-е), сразу получило огромную популярность в республике и до сих пор остается одним из наиболее часто исполняемых абхазских симфонических произведений.

Важный вклад в историю абхазской музыки К. А. Ченгелия внес как организатор и как педагог. Благодаря неугасающей энергии и блестящим организаторским способностям композитор основал в республике несколько вокально-инструментальных ансамблей, подготовил плеяду учеников, ряд из которых продолжают профессиональную музыкальную деятельность и сегодня.

Помимо К. А. Ченгелия известнейшим абхазским композитором, специализирующимся на вокальной и хоровой музыке и оставившим некоторый вклад и в симфоническом наследии, является *Тото Тарашевич Аджануа* (1938–2023). Он написал скерцо для камерного оркестра «Абхазская шуточная» [1]. Как и К. А. Ченгелия, Т. Т. Аджануа является подлинно народным композитором, писавшим музыку, близкую и понятную широкому кругу слушателей. Для его авторского стиля характерна легкость, простота мелодики, разумная достаточность в использовании выразительных средств оркестра, объективность, повествовательность музыкального мышления, далекая от острых эмоциональных контра-

стов. Скерцо «Абхазская шуточная» входит в репертуар абхазского Государственного камерного оркестра.

Отдельно следует упомянуть имя композитора *Василия Михайловича Царгуша* (1938–2021). Автор окончил отделение хорового дирижирования в Государственном музыкально-педагогическом институте имени Гнесиных в Москве (ныне Российская академия музыки имени Гнесиных) и уже в годы учебы проявил тягу к сочинению музыки. Будучи руководителем Государственного ансамбля песни и танца Республики Абхазия с 1968 по 2020 гг., В. М. Царгуш в своем творчестве опирался в основном на вокально-хоровые музыкальные жанры. Важно отметить, что многие произведения композитора получили новое звучание в период после Отечественной войны народа Абхазии в переложении для хора и камерного оркестра. В этот период было написано Скерцо для камерного оркестра (издано в 2010 г. Министерством культуры Республики Абхазия [18]), которое входит в репертуар Государственного камерного оркестра Абхазии. Для музыки В. М. Царгуша характерна широта и лиричность мелодики, основанной на национальном мелосе, ясность гармонического языка и оркестровой ткани. Симфоническое творчество В. М. Царгуша, несмотря на относительно недавнее возникновение, безусловно, является важной составной частью абхазского симфонического наследия.

Таким образом, абхазская национальная композиторская школа окончательно сформировалась к середине 1970-х гг. и насчитывала девять композиторов с высшим музыкальным образованием. Шесть из них окончили Тбилисскую консерваторию, двое — Киевскую консерваторию и один — Российскую академию музыки имени Гнесиных. Такое количество композиторов говорит о востребованности профессиональных музыкантов в республике в рассматриваемый период.

Важно подчеркнуть, что обращение отечественных композиторов к симфоническим жанрам, на наш взгляд, сложно представить без наличия в стране симфонического оркестра. По мнению музыковеда Веры Анатольевны Хагба, «новым импульсом в деятельности оркестра стало формирование в 1971 г. в Абхазии Союза композиторов, в состав

которого вошла плеяда молодых абхазских авторов. Их произведения... стали хорошо известны музыкальной общественности Абхазии во многом благодаря тесному сотрудничеству с Государственным симфоническим оркестром» [15, с. 169].

Восстановление симфонического оркестра. Потребность в восстановлении симфонического оркестра отчетливо ощущалась в среде культурной интеллигенции периода «оттепели». Этому событию способствовали как сами композиторы, испытывавшие потребность в написании симфонической музыки, так и деятели в сфере музыкального образования, среди которых отдельно следует упомянуть имена директоров музыкального училища Шалвы Александровича Горгадзе и Алексея Чантовича Чичба, деятельность которых во многом способствовала как появлению кадрового состава, так и нахождению необходимых ресурсов для восстановления симфонического оркестра.

У истоков возрождения симфонического оркестра стоял первый абхазский национальный оперно-симфонический дирижер — *Лев Григорьевич Джергения* (1929–2003). Маэстро закончил Тбилисскую консерваторию сначала как скрипач, затем как дирижер. После этого работал в Московском государственном филармоническом оркестре в качестве скрипача. В 1957 г. по приглашению Министерства культуры Абхазии он приезжает в Сухум и становится на должность заведующего учебной частью Сухумского музыкального училища. При всесторонней поддержке директора училища Ш. А. Горгадзе в 1957 г. на базе учебного заведения вновь появляется симфонический оркестр, главным дирижером которого становится Л. Г. Джергения.

Костяк оркестра составляли педагоги и студенты училища, однако активная организационная деятельность дирижера позволила пригласить музыкантов из других регионов СССР. В 1969 г. оркестр получает статус государственного.

Расцвет симфонического оркестра приходится на 1970–1980 гг., когда коллективом руководили Л. Г. Джергения, Я. Иманов, В. М. Айба и А. Д. Хагба. По словам артиста оркестра Леонида Георгиевича Гребенникова, в этот период коллектив принимал участие

в постановке опер «Травиата» Дж. Верди, «Евгений Онегин» П. И. Чайковского, первой абхазской оперы «Аламыс» Д. Шведова, участвовал во всесоюзных фестивалях классической музыки, ездил с гастрольями по городам СССР. В репертуар входили многие произведения русской и зарубежной классики, произведения советских авторов, но основу репертуара составляла музыка композиторов Абхазии. На регулярной основе исполнялись «Радость» Р. Д. Гумба, Симфония № 1 «Апсны» П. Д. Петрова, кантата «Герои Киараза» А. Ч. Чичба, фрагменты из балета «Рица» В. Л. Чакадуа и другие произведения [6].

Период расцвета Абхазского симфонического оркестра завершился с началом Отечественной войны народа Абхазии 1992–1993 гг.

Музыкальная культура в постсоветской Абхазии. Отечественная война народа Абхазии 1992–1993 гг. нанесла серьезнейший урон практически всем сферам жизни страны. В контексте культурного наследия в целом и симфонического музыкального наследия в частности необходимо отметить наиболее существенные факторы урона: 1) повреждение здания государственной филармонии Республики Абхазия, в которой хранилась значительная часть рукописей произведений абхазских композиторов; 2) расформирование государственного симфонического оркестра Республики Абхазия, что привело к невозможности исполнять большинство произведений абхазской симфонической музыки; 3) отъезд значительной части музыкантов оркестра из страны; 4) нарушение творческих и образовательных связей с Тбилисской консерваторией, в которой проходили обучение многие абхазские композиторы. Рассмотрим некоторые факторы подробнее.

Расформирование государственного симфонического оркестра Республики Абхазия и дальнейшая судьба его коллектива. В годы войны концертная деятельность оркестра временно прекратилась, а дирижеры А. Д. Хагба и В. М. Айба встали на защиту Родины с оружием в руках. Первый послевоенный концерт, посвященный памяти погибших воинов, был проведен в 1994 г. под руководством А. Д. Хагба. Симфонический оркестр да-

вал концерты в течение двух лет после войны, однако тяжелые военные годы и не менее тяжелые последствия заставили многих музыкантов покинуть страну и искать работу за ее пределами.

Важным событием, косвенно оказавшим влияние на симфоническую культуру Абхазии, стало приглашение А. Д. Хагба на должность дирижера в Государственный симфонический оркестр Республики Адыгея, что дало возможность наладить тесные творческие контакты между республиками. Так, в 1994 г. в городе Пицунда был проведен первый в постсоветской Абхазии фестиваль классической музыки, куда были приглашены солисты из Москвы, республик Северного Кавказа, а также Государственный симфонический оркестр Адыгеи [15, с. 170]. Впоследствии творческое взаимодействие адыгейского и абхазского оркестров вышло на новый уровень и продолжается по сей день.

В 1995 г. произошло серьезное событие в истории абхазской симфонической музыкальной культуры. В связи с существенным сокращением исполнительского состава Государственный симфонический оркестр Абхазии был преобразован в Государственный камерный оркестр Республики Абхазия. Художественным руководителем и главным дирижером был назначен В. М. Айба. Перед руководством оркестра встала задача сохранить коллектив от полного распада, а впоследствии увеличить число музыкантов и вновь довести оркестр до статуса симфонического. Данная задача усложнялась тяжелым социально-экономическим положением в послевоенной республике.

Многие творческие коллективы после войны находились в состоянии дефицита кадров, однако положение оркестра усугублялось тем, что отсутствовала возможность подготовить необходимый кадровый резерв в связи с отсутствием преподавателей по оркестровым инструментам в Сухумском государственном музыкальном училище. Серьезной проблемой было также отсутствие репетиционной базы, так как оркестр располагался в разбитом здании Сухумской Лютеранской церкви. Новое помещение в здании Абхазской государственной филармонии коллектив обрел лишь в 2004 г.

По словам Ольги Георгиевны Хагба, занимавшей на тот момент должность концертмейстера, несмотря на серьезные трудности, Государственный камерный оркестр не прекращал концертную деятельность, гастролируя по городам Абхазии, выступая на сценах Абхазской государственной филармонии, Государственного органного зала Пицундского храма, в концертном зале санатория миссии ООН. В этот период большую поддержку оркестру часто оказывали музыканты Государственного симфонического оркестра Адыгеи [10].

Поворотным этапом в истории страны стало признание независимости Республики Абхазия со стороны Российской Федерации, которое произошло в 2008 г. Это событие позволило заключить соглашение между Министерством культуры Республики Абхазия и Министерством культуры Российской Федерации о взаимном сотрудничестве [12]. Благодаря заключенному соглашению в республике начали проводиться масштабные мероприятия, такие как музыкальные конкурсы талантов, фестивали классической музыки, музыкально-просветительские проекты, появилась возможность гастролей абхазских коллективов за пределами страны.

Признание независимости Абхазии не могло не отразиться и на деятельности Государственного камерного оркестра. Соглашение позволило более тесно сотрудничать с симфоническими оркестрами из России, организовывать совместные проекты и концертные выступления. Так, удалось наладить плодотворный творческий контакт с Муниципальным симфоническим оркестром города Сочи, а также с Государственной капеллой Москвы имени Вадима Судакова, сотрудничество с которой продолжается по сей день.

Новый этап в истории Государственного камерного оркестра начался в 2010 г., когда по приглашению художественного руководителя оркестра А. Д. Хагба из Мексики был приглашен на должность главного дирижера маэстро *Давид Вагеевич Терзян* (род. 1973). Под его руководством в 2011 г. оркестр принял участие в церемонии закрытия VIII Чемпионата мира по домино, который проходил в Абхазии. В программу концерта были включены в том числе произведения латиноамериканских

композиторов, что вызвало у публики восторженную реакцию, а президент Международной федерации домино Лукас Гиттард лично поблагодарил коллектив оркестра за исполнение латиноамериканских произведений.

Несмотря на трудности, стоящие перед коллективом сегодня, в том числе касающиеся кадровых вопросов, обеспечения музыкальными инструментами, народный артист Абхазии Д. В. Терзян ведет активную деятельность по пропаганде произведений абхазской музыки. Так, под его руководством в 2013 г. в Абхазской государственной филармонии имени Р. Д. Гумба в рамках двустороннего сотрудничества между Министерством культуры Абхазии и Министерством культуры России состоялся концерт абхазской академической музыки под названием «Страницы музыкальной истории Абхазии». Он был организован в рамках проекта музыкальных абонементов, его автором и руководителем является народная артистка Абхазии, директор Сухумского государственного музыкального училища имени А. Ч. Чичба Нинель Борисовна Бжания.

Важным этапом в развитии культурной жизни страны стало появление музыкально-просветительских проектов, нацеленных на приобщение юной публики к симфонической музыкальной культуре. В рамках данных проектов Государственным камерным оркестром были проведены ряд концертов, в том числе в общеобразовательных школах. «Музыкальный абонемент», благотворительный фестиваль «Дети — детям», «Парад концертов», конкурс юных музыкантов имени А. Ч. Чичба, международный конкурс «Новое созвездие» — в перечисленных проектах одну из ведущих ролей играл камерный оркестр.

Необходимо отметить, что упомянутый выше концерт «Страницы музыкальной истории Абхазии», программа которого состояла из произведений абхазских композиторов, написанных для симфонического оркестра, состоялся в рамках проекта «Музыкальный абонемент». С целью реализации данной задачи состав Государственного камерного оркестра был дополнен музыкантами из Муниципального оркестра города Сочи. Концерт стал серьезным событием в музыкальной жизни страны в связи с тем, что впервые за долгие годы позволил широкой публике услышать

в живом исполнении оригинальную симфоническую музыку абхазских композиторов. Из беседы с музыкальным руководителем проекта Д. В. Терзяном выяснилось, что в концерте были исполнены: праздничная увертюра «Радость» Р. Д. Гумба, «Рыцарские состязания» из балета «Рица» В. Л. Чкадуа, кантата «Апсны» А. Ч. Чичба, «Абхазское скерцо» П. Д. Петрова и некоторые другие сочинения [8].

Яркими событиями в музыкальной жизни страны стали творческие вечера, посвященные юбилеям абхазских композиторов, В. М. Царгуша, К. А. Ченгелия и Р. Д. Гумба. Вечера были организованы Министерством культуры Абхазии и позволили задействовать многие абхазские творческие коллективы, в том числе и Государственный камерный оркестр. Вклад данных событий в музыкальную культуру Абхазии состоит в том, что появилась возможность исполнить многие произведения юбиларов, в том числе специально написанные для камерного оркестра. На творческих вечерах прозвучали «Абхазское капричио» К. А. Ченгелия, «Скерцо» В. М. Царгуша и другие сочинения авторов.

Одной из наиболее важных сфер деятельности Государственного камерного оркестра является реализация гастрольной программы с выездом за пределы республики. Так, с 2017 г. оркестр практически ежегодно гастрольно выступает в Российской Федерации с концертами, на которых звучат как шедевры мировой классической музыки, так и произведения абхазских композиторов. Выступления творческого коллектива проходят в Рахманиновском зале Московской Государственной консерватории имени П. И. Чайковского, Малом зале Московского международного дома музыки, Кафедральном соборе святых апостолов Петра и Павла в Москве и на многих других концертных площадках. На зарубежных концертах оркестр обязательно включает в программу произведения абхазских композиторов. Так, на концерте, проходившем в Рахманиновском зале МГК имени П. И. Чайковского было представлено произведение П. Д. Петрова «Попури на абхазские темы», а на концерте в Камерном зале Московского международного дома музыки — обработка фортепианного этюда «Ветерок» Л. В. Чепелянского для фортепианного дуэта с камерным оркестром [4].

Безусловно, основными задачами Государственного камерного оркестра является приобщение широкой публики к шедеврам мировой классической музыки, исполнение произведений абхазских композиторов, а также пропаганда классической музыкальной культуры среди молодежи. Главная трудность, стоящая перед оркестром сегодня, — нехватка профессиональных кадров, что влечет за собой невозможность полноценно исполнять многие симфонические произведения, в том числе значительный пласт музыки абхазских композиторов. Однако, несмотря на обстоятельства, оркестр ведет активную концертную деятельность, сотрудничает со многими абхазскими и российскими коллективами. Концерты пользуются постоянным успехом как у абхазской публики, так и у российской, которая имеет возможность посетить концерты во время курортного сезона либо на гастролях оркестра в Российской Федерации. Руководство оркестра постоянно работает над повышением профессионального уровня музыкантов, расширением репертуара, увеличением числа творческих проектов, в которых коллектив принимает участие.

Симфонический оркестр является обязательным атрибутом культурной жизни любого государства, и, несмотря на ряд исторических причин, которые привели к распаду симфонического оркестра в Абхазии, необходимо, чтобы Государственный камерный оркестр вновь обрел статус симфонического.

Сохранение симфонического наследия абхазских композиторов. В вопросе сохранения наследия абхазских композиторов существует ряд критических сложностей. Одну из главных описывает В. А. Хагба: «Сочинения национальных композиторов, составляющие внушительную часть библиотеки Государственного симфонического оркестра (1933–1998), сохранились лишь в форме рукописей, многие из которых существуют в единственном экземпляре» [14, с. 123]. Такая ситуация возникла в связи с тем, что далеко не все произведения абхазских композиторов изданы, а многие даже не были исполнены в советский период. Серьезной проблемой является также тот факт, что во время войны были утеряны некоторые рукописи, находившиеся

на хранении у самих авторов. Так, на данный момент неизвестна судьба первого абхазского балета «Рица» В. Л. Чкадуа, который дошел до сегодняшнего дня только в виде оркестровых фрагментов. Такая же ситуация сложилась и с большинством симфонических сочинений А. Ч. Чичба (включая все симфонии), которые не были изданы при жизни композитора, а хранились в рукописном виде в библиотеке симфонического оркестра.

Однако большое число рукописей, написанных абхазскими композиторами, сохранилось до сегодняшнего дня, что ставит ряд задач по сохранению наследия абхазской академической музыки перед молодым поколением.

Большой шаг в вопросе сохранения абхазского симфонического наследия был сделан в 2013 г. с появлением музыкально-просветительского проекта под названием «Абхазия в нотах», который был разработан артисткой Государственного камерного оркестра, преподавателем Сухумского Государственного музыкального училища имени А. Ч. Чичба, музыковедом, музыкально-общественным деятелем Абхазии — Верой Анатольевной Хагба. Из беседы с ней стало ясно, что существенный вклад в осуществление возможности реализации проекта внес «Международный фонд “Апсны”», одной из целей которого является сохранение и передача будущим поколениям культурного и духовного наследия, истории и национальной самобытности абхазов [13].

Проект преследовал сразу две важные цели: 1) создание нотной музыкальной библиотеки, включающей издания произведений композиторов Абхазии и народных музыкальных произведений; 2) создание фонотеки, включающей музыкальные записи симфонических, камерных и вокальных произведений композиторов Абхазии и народных музыкальных произведений.

Для реализации поставленных целей были обозначены задачи проекта, предусматривающие организацию работы по электронному набору нотного текста произведений абхазских композиторов, организацию работы музыкальных коллективов Абхазии и солистов с целью звуковой записи данных произведений, а также по созданию сборников и хрестоматий для пополнения педагоги-

ческого репертуара музыкальных образовательных учреждений страны.

Серьезным достижением проекта было осуществление компьютерного набора и последующая публикация тиражом в 100 экземпляров партитуры Симфонии № 1 «Апсны» композитора П. Д. Петрова. Кроме того, в рамках проекта был осуществлен компьютерный набор нотного текста праздничной увертюры «Радость» композитора Р. Д. Гумба, но опубликовать данное произведение не удалось в связи с закрытием проекта [9].

Несмотря на отсутствие возможности продолжения реализации проекта «Абхазия в нотах» на данный момент, результаты, достигнутые в его рамках, показывают перспективу не только сохранения образцов абхазского симфонического наследия, но и их популяризации. Так, в рамках международного культурного сотрудничества между Республикой Абхазия и Республикой Никарагуа в 2022 г. был произведен обмен нотным материалом, где Абхазия представила в том числе праздничную увертюру «Радость» Р. Д. Гумба. Данный прецедент, на наш взгляд, показывает важность продолжения проекта не только ради сохранения рукописного нотного материала, но и с целью продвижения абхазской культуры далеко за пределы республики.

Безусловно, проекту «Абхазия в нотах» принадлежит ведущая роль в вопросе сохранения наследия абхазских композиторов, однако деятельность в данном направлении вышеназванным проектом не исчерпывается.

Определенный вклад в сохранение академического музыкального наследия вносят и обучающиеся в музыкальных учебных заведениях за пределами республики. В. А. Хагба разработала проект «Абхазия в нотах» будучи магистрантом Института искусств Адыгейского государственного университета, а сам проект, внесший столь серьезный вклад в сохранение культурного наследия Абхазии, вырос из практического задания в рамках курса обучения.

Автор данного исследования, будучи курсантом Военного института (военных дирижеров) Военного университета Министерства Обороны Российской Федерации, избрал в качестве выпускной квалификационной ра-

боты для государственной аттестации в 2022 г. произведение В. Л. Чакуа «Рыцарские состязания» из балета «Рица». Для этого потребовалось изначально произвести компьютерный набор рукописи симфонической партитуры, а уже затем — непосредственно выполнение одной из задач выпускной квалификационной работы — переложить симфоническое произведение для духового оркестра с целью последующего исполнения. В результате проделанной работы архив абхазской музыки пополнился цифровой версией симфонической партитуры избранных номеров, а музыка абхазского композитора (хотя и в переложении для духового оркестра) прозвучала в Большом зале Московской государственной консерватории имени П. И. Чайковского.

Симфоническое наследие абхазских композиторов, зарождение которого происходило в первой половине XX в., складывается из значительного количества самобытных произведений, разнообразных по формам и жанрам. В течение короткого исторического периода композиторами Абхазии были освоены жанры симфонии и сюиты (около 26 произведений), симфонической поэмы и увертюры (около 12 произведений), балетной и оперной музыки. Более десяти композиторов создавали свои произведения для симфонического оркестра, и эта музыка была востребована публикой. Достичь столь значительных результатов за небольшое историческое время было бы невозможно без существования в стране профессионального симфонического оркестра, который являлся одновременно и творческой лабораторией, и исполнительской базой для молодой композиторской плеяды. Тесные связи с Тбилисской консерваторией, привлечение талантливых музыкантов со всех уголков России (Абхазия не могла в полной мере обеспечить коллектив национальными кадрами) позволили оркестру достичь высокого исполнительского уровня. Этот факт, в свою очередь, вдохновлял композиторов на новые симфонические произведения. Для сравнения отметим, что в братской Адыгее Союз композиторов появился примерно на 20 лет позже, а число симфонических произведений исчислялось единицами.

На данном историческом этапе существует угроза утраты ряда произведений в связи с тем, что они сохранились в единственном экземпляре в виде рукописей. Это ставит перед современным поколением музыкантов ряд задач по сохранению и популяризации симфонических произведений абхазских композиторов. Кроме того, существенной проблемой в культурной жизни страны является отсутствие полноценного состава симфонического оркестра, что не позволяет исполнять в республике произведения, написанные для этого состава абхазскими авторами. В какой-то мере эту проблему компенсирует деятельность Государственного камерного оркестра, который, насколько возможно, взял на себя задачи по сохранению и пропаганде абхазской симфонической музыки, однако количество произведений, подходящих для исполнения таким составом, весьма невелико.

Данное исследование не исчерпывает в полной мере тему абхазской симфонической культуры. В качестве дальнейшего направления для изучения автор видит необходимым уточнение и конкретизацию состояния некоторых рукописей симфонических произведений, исследование роли симфонического оркестра и ряда абхазских национальных дирижеров, в сотрудничестве с которыми происходило формирование симфонического наследия, а также выявление актуальности мировой симфонической культуры для страны в целом на современном этапе развития республики Абхазия.

Автор выражает искреннюю благодарность своему научному руководителю, доктору искусствоведения, профессору Алле Николаевне Соколовой за ценные советы и рекомендации, которые способствовали улучшению качества настоящей статьи.

Adam A. KHAGBA

External Postgraduate Student,
Adyghe State University,
Maykop, Russian Federation
adamhagba@gmail.com

Symphonic Heritage of Abkhazia: History of Formation and Prospects for Preservation

Abstract. The study aims to analyze the formation and development of symphonic art and related heritage in Abkhazia, and to determine the current state of the national symphonic heritage. In the study, the author relies on the works of Abkhaz researchers, interview materials and handwritten texts of musical scores. Methods widely used in historical and cultural research were employed: diachronic, comparative typological and systemic. To collect new data, the author resorted to interviews with participants in the described events. When comprehending the logic of the development of the Abkhaz symphonic art, musicological, historical and sociocultural perspectives were involved. The author considers the period of the emergence of the professional musical art of Abkhazia and analyzes the contribution of Konstantin Kovács and Odysseas Dimitriadi to the formation of professional musical education and a symphony orchestra. The author examines the formation of the national composer school and briefly characterizes the contribution of national composers to the formation of the Abkhazian symphonic heritage. He analyzes factors that influenced the collapse of the State Symphony Orchestra, the circumstances of the reorganization of this group and the formation of the State Chamber Orchestra of the Republic of Abkhazia on its basis, its main creative achievements over the past two decades. The author focuses on the threat of loss of a number of original Abkhaz symphonic works and analyzes a number of projects aimed at minimizing this threat. The conclusion is made about the genre and style diversity of the Abkhazian symphonic heritage, which is an integral part of the musical culture of Abkhazia. During a short historical period, the composers of Abkhazia mastered the genres of symphony and suite (about 26 works), symphonic poem and overture (about 12 works), ballet and

opera music. The author emphasizes that composers achieved this largely due to the presence of a professional symphony orchestra in the republic. At this historical stage, the symphonic heritage is in a vulnerable state due to a number of tragic circumstances, a significant part of which occurred during the years of the Patriotic War of the people of Abkhazia (1992–1993). In this regard, the author calls for the adoption of significant measures to preserve the national symphonic heritage, its popularization and transmission to the next generations.

Keywords: Abkhazia, symphonic heritage, symphonic music of Abkhazia, State Symphony Orchestra of the Republic of Abkhazia, State Chamber Orchestra of the Republic of Abkhazia, Konstantin Kovács, Odysseas Dimitriadi, Razhden Gumba, Alexei Chichba, Petr Petrov, Lev Dzhergenia, Adam Khagba, Vyacheslav Aiba, David Terzyan.

Использованная литература:

1. Аджапуга Т. Т. Скерцо «Абхазская шуточная» для камерного оркестра: [ноты] // Библиотека Государственного камерного оркестра Республики Абхазия.
2. Ашхаруга А. Музыка и жизнь. О развитии абхазского профессионального музыкального искусства. Сухум: Дом печати, 2002.
3. Гумба А. Абхазская песня Раждена Гумба. Сухум: Б. и., 2016.
4. Маршан С. В Москве состоялся концерт «PianoDuo» с участием абхазских артистов [Электронный ресурс] // Министерство культуры Республики Абхазии. URL: <https://minkult.apsny.land/novosti/item/3092-v-moskve-sostoyalsya-kontsert-pianoduo-s-uchastiem-abkhazskikh-artistov> (дата обращения: 03.07.2023).
5. Петров П. Д. Попурри на абхазские темы: [ноты] // Личный архив Петра Дмитриевича Петрова.
6. Полевые материалы автора. Интервью с Гребенниковым Леонидом Георгиевичем, 1954 г. р. Абхазия, г. Сухум, 07.02.2023, конспект.
7. Полевые материалы автора. Интервью с Петровым Петром Дмитриевичем, 1949 г. р. 26.01.2023, конспект.
8. Полевые материалы автора. Интервью с Терзяном Давидом Вагеевичем, 1979 г. р. 15.02.2023, конспект.
9. Полевые материалы автора. Интервью с Хагба Верой Анатольевной, 1992 г. р. 15.12.2022, конспект.
10. Полевые материалы автора. Интервью с Хагба Ольгой Георгиевной, 1956 г. р. 27.01.2023, конспект.
11. Рыбакова Л. Д. Димитриади // Большая российская энциклопедия – электронная версия [Электронный ресурс] // Большая российская энциклопедия 2004–2017. URL: <https://old.bigenc.ru/music/text/1956020> (дата обращения: 03.07.2023).
12. Соглашение между Министерством культуры Российской Федерации и Министерством культуры Республики Абхазия о сотрудничестве в области сохранения, изучения, популяризации и государственной охраны памятников истории и культуры от 16 октября 2010 г. [Электронный ресурс] // Министерство культуры Российской Федерации. URL: <https://culture.gov.ru/documents/mezhdu-ministerstvom-kultury-rossiyskoy-federatsii-i-ministerstvom-kultury-respubliki-abkhaziya-161010/> (дата обращения: 03.07.2023).
13. Устав Общественной организации «Международный фонд Апсны» [Электронный ресурс] // Меж-

References:

1. Adzhapua, T.T. (n.d.) *Skertso "Abkhazskaya shutochnaya" dlya kamernogo orkestra [Noty]* [Scherzo "Abkhaz Comic" for Chamber Orchestra [Notes]]. Library of the State Chamber Orchestra of the Republic of Abkhazia.
2. Ashkharua, A. (2002) *Muzyka i zhizn'. O razvitii abkhazskogo professional'nogo muzykal'nogo iskusstva* [Music and Life. On the Development of the Abkhaz Professional Musical Art]. Sukhum: Dom pechati.
3. Gumba, A. (2016) *Abkhazskaya pesnya Razhdena Gumba* [Abkhazian Song of Razhden Gumba]. Sukhum: [s.n.].
4. Marshan, S. (2023) *V Moskve sostoyalsya kontsert "PianoDuo" s uchastiem abkhazskikh artistov* [A Piano-duo Concert Was Held in Moscow With the Participation of Abkhaz Artists]. [Online] Available from: <https://minkult.apsny.land/novosti/item/3092-v-moskve-sostoyalsya-kontsert-pianoduo-s-uchastiem-abkhazskikh-artistov> (Accessed: 03.07.2023).
5. Petrov, P.D. (n.d.) *Popurri na abkhazskie temy [Noty]* [Potpourri on Abkhaz Themes [Notes]]. Personal Archive of Pyotr Dmitrievich Petrov.
6. The Author's Field Materials. *Interview With Leonid Georgievich Grebennikov, Born in 1954*. 07 February 2023. Abstract. (In Russian).
7. The Author's Field Materials. *Interview With Pyotr Dmitrievich Petrov, Born in 1949*. 26 January 2023. Abstract. (In Russian).
8. The Author's Field Materials. *Interview With David Vageevich Terzyan, Born in 1979*. 15 February 2023. Abstract. (In Russian).
9. The Author's Field Materials. *Interview With Vera Anatolyevna Khagba, Born in 1992*. 15 December 2022. Abstract. (In Russian).
10. The Author's Field Materials. *Interview With Olga Georgievna Khagba*. 27 January 2023. Abstract. (In Russian).
11. Rybakova, L.D. (2023) *Dimitriadi*. [Online] Available from: <https://old.bigenc.ru/music/text/1956020> (Accessed: 03.07.2023). (In Russian).
12. Ministry of Culture of the Russian Federation. (2010) *Agreement Between the Ministry of Culture of the Russian Federation and the Ministry of Culture of the Republic of Abkhazia on Cooperation in the Field of Conservation, Study, Popularization and State Protection of Historical and Cultural Monuments Dated October 16, 2010*. [Online] Available from:

дународный фонд «Апсны». URL: <http://www.fondapsny.org/ru/ustav-organizacii> (дата обращения: 03.07.2023).

14. Хагба В. А. Перспективы развития системы музыкального образования в республике Абхазия // *Ab ovo: студенческий научный журнал Адыгейского государственного университета*. 2018. Т. 2. № 19. С. 117–126.

15. Хагба В. А. Симфонический оркестр – важная грань музыкальной культуры современной Абхазии // *Ab ovo: студенческий научный журнал Адыгейского государственного университета*. 2013. Т. 1. № 14. С. 168–171.

16. Хагба В. А., Митус И. В. Музыкальное образование в Абхазии: история музыкального училища // *Музыкальная летопись российских регионов: сб. науч. ст. VI междунар. науч.-практ. конф. (Майкоп, 11–12 октября 2016 г.)*. Вып. 6. Майкоп: Изд-во Адыгейского гос. ун-та, 2016. С. 154–163.

17. Хашба М. Через тернии к звездам (К 75-летию А. Ч. Чичба). Сухум: Б. и., 2001.

18. Царгуш В. М. Скерцо для камерного оркестра. Сухум: Б. и., 2010.

19. Цимцба А. Л. Учреждение общества восстановления православного христианства на Кавказе и его деятельность в деле просвещения абхазов // *Вестник Нижневартовского государственного университета*. 2022. № 2 (58). С. 61–74.

20. Чепелянский Л. В. Симфоническая поэма «Дмитрий Гулия»: [ноты] // Библиотека Государственного камерного оркестра Республики Абхазия.

21. Чичба А. Ч. Кантата «Апсны»: [ноты] // Библиотека Государственного камерного оркестра Республики Абхазия.

22. Чкадуа В. Л. Фрагменты из балета «Рица»: [ноты] // Библиотека Государственного камерного оркестра Республики Абхазия.

<https://culture.gov.ru/documents/mezhdu-ministerstvom-kultury-rossiyskoy-federatsii-i-ministerstvom-kultury-republiki-abkhaziya-161010/> (Accessed: 03.07.2023). (In Russian).

13. Apsny. (2023) *Charter of the Public Organization "International Fund Apsny"*. [Online] Available from: <http://www.fondapsny.org/ru/ustav-organizacii> (Accessed: 03.07.2023). (In Russian).

14. Khagba, V.A. (2018) *Perspektivy razvitiya sistemy muzykal'nogo obrazovaniya v respublike Abkhaziya* [Prospects for the Development of the System of Music Education in the Republic of Abkhazia]. *Ab ovo. Studencheskiy nauchnyy zhurnal Adygeyskogo Gosudarstvennogo universiteta*. 2 (19). pp. 117–126.

15. Khagba, V.A. (2013) *Simfonicheskiy orkestr – vazhneyshaya gran' muzykal'noy kul'tury sovremennoy Abkhazii* [Symphony Orchestra as the Most Important Facet of the Musical Culture of Modern Abkhazia]. *Ab ovo. Studencheskiy nauchnyy zhurnal Adygeyskogo Gosudarstvennogo universiteta*. 1 (14). pp. 168–171.

16. Khagba, V.A. & Mitus, I.V. (2016) [Musical Education in Abkhazia: The History of the Music School]. *Muzykal'naya letopis' rossiyskikh regionov* [Musical Chronicle of Russian Regions]. Proceedings of the VI International Conference. Maikop. 11–12 October 2016. Vol. 6. Maykop: Adyge State University. pp. 154–163. (In Russian).

17. Khashba, M. (2001) *Cherez ternii k zvezdam (K 75-letiyu A. Ch. Chichba)* [Through Thorns to the Stars (To the 75th Anniversary of A.Ch. Chichba)]. Sukhum: [s.n.].

18. Tsargush, V.M. (2010) *Skertso dlya kamernogo orkestra* [Scherzo for Chamber Orchestra]. Sukhum: [s.n.].

19. Tsimtsba, A.L. (2022) *The Establishment of the Society for the Restoration of Orthodox Christianity in the Caucasus and Its Activities in the Education of the Abkhazians*. *Vestnik Nizhnevartovskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2 (58). pp. 61–74. (In Russian).

20. Chepelyanskiy, L.V. (n.d.) *Simfonicheskaya poema "Dmitriy Gulia"* [Noty] [Symphonic Poem "Dmitry Gulia" [Notes]]. Library of the State Chamber Orchestra of the Republic of Abkhazia.

21. Chichba, A.Ch. (n.d.) *Kantata "Apsny"* [Noty] [Cantata "Apsny" [Notes]]. Library of the State Chamber Orchestra of the Republic of Abkhazia.

22. Chkadua, V.L. (n.d.) *Fragmenty iz baleta "Ritsa"* [Noty] [Fragments From the Ballet "Ritsa" [Notes]]. Library of the State Chamber Orchestra of the Republic of Abkhazia.

Полная библиографическая ссылка на статью:

Хагба, А. А. Симфоническое наследие Абхазии: история формирования и перспективы сохранения / А. А. Хагба. – Текст : электронный. – DOI 10.36343/SB.2023.34.2.001 // *Наследие веков*. – 2023. – № 2. – С. 15–30. – URL: <http://heritage-magazine.com/index.php/HC/article/view/547/465> (дата обращения: ДД.ММ.ГГГГ).

Full bibliographic reference to the article:

Khagba, A. A. (2023) *Symphonic Heritage of Abkhazia: History of Formation and Prospects for Preservation*. *Nasledie vekov – Heritage of Centuries*. 2. pp. 15–30. (In Russian). DOI: 10.36343/SB.2023.34.2.001

ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ СТАТЬЯ

FULL ARTICLE

РАМАЗАНОВА Зоя Буттаевна

доктор исторических наук,
ведущий научный сотрудник отдела этнографии
Института истории, археологии и этнографии
Дагестанского федерального исследовательского центра
Российской академии наук,
Махачкала, Российская Федерация

Zoya B. RAMAZANOVA

Dr. Sci. (Ethnography, Ethnology and Anthropology),
Institute of History, Archeology and Ethnography,
Dagestan Federal Research Center, Russian Academy of Sciences,
Makhachkala, Russian Federation

zoya.ram@mail.ru

ORCID: 0000-0002-0454-8394

ГАДЖАЛОВА Фатима Амирбековна

кандидат исторических наук,
научный сотрудник отдела этнографии
Института истории, археологии и этнографии
Дагестанского федерального исследовательского центра
Российской академии наук
Махачкала, Российская Федерация

Fatima A. GADZHALOVA

Cand. Sci. (Ethnography, Ethnology and Anthropology),
Institute of History, Archeology and Ethnography,
Dagestan Federal Research Center, Russian Academy of Sciences,
Makhachkala, Russian Federation

f-gadzhalova@mail.ru

ORCID: 0000-0002-3862-4316

УДК: [392.8+641.568]:791.641(470.67)

ГРНТИ: 03.61.91

ВАК: 5.6.4.

DOI: 10.36343/SB.2023.34.2.002

Дагестанские традиционные блюда и продукты питания как маркер народной культуры и бренд региона

Dagestan Traditional Dishes and Food as a Marker of Folk Culture and a Brand of the Region

Статья посвящена исследованию локальных особенностей традиционной системы питания народов Дагестана. Целью работы является определение наиболее знаковых национальных продуктов и блюд, характеризующих дагестанскую кухню, и выявление особенностей их современного использования в качестве своего рода символов (брендов) региона. Источниками послужили результаты научных изысканий отечественных исследователей и рецепты приготов-

ления пищи. Проанализированы с точки зрения популярности в современной культуре широко распространенные в рационе дагестанцев традиционные продукты (урбеч, сушеное мясо, колбасы), в том числе мучные блюда (хинкал, чуду, халва), которые популярны и в сфере общественного питания. Рассмотрены пути формирования гастрономических брендов Дагестана. Установлено, что в настоящее время наиболее типично-символические национальные блюда и продукты питания приобретают новые значения, исторически не характерные для локальной культуры, будучи воспринимаемы как этнические символы.

Ключевые слова: народы Дагестана, пищевые предпочтения, традиционные блюда и продукты питания, технология приготовления, гастрономические бренды, урбеч, сушеное мясо, хинкал, чуду, халва.

Традиционная пища — одно из составляющих материальной культуры и важнейший элемент жизни народа, ведь в наборах пищевых продуктов, способах их обработки, типах блюд, в традициях пищевого предпочтения, организации и ритуале трапез отражаются этнические и культурно-исторические особенности различных обществ. Как отмечает С. А. Арутюнов, «пища — это тот элемент материальной культуры, в котором более других сохраняются традиционные черты, с ним более всего связаны представления народа о своей культуре, и в то же время пища быстрее других поддается заимствованиям, вариациям, модификациям и новациям» [6, с. 10]. При этом исследователь уточняет, «что этнографическая специфика в пище сохраняется несравненно более стойко и долго, нежели в других сферах материальной культуры, например, в одежде и жилище» [6, с. 13].

Кухня народов Дагестана отличается оригинальностью приготовления и оформления блюд, вкусовыми качествами, богатством национальных традиций. Культура питания аварцев, даргинцев, кумыков, лезгин, лакцев и других народов имеет много общих черт, и вместе с тем у каждого этноса есть свои особенности, которые ярко характеризуют его традиционный быт и являются маркерами культуры.

Значимость поднятой авторами темы определяется наметившимся в последнее время интересом как к особенностям культуры, так и к общим национальным чертам отдельных народов, а также созданием и разработкой позитивных образов российских

регионов с использованием исторического наследия. Поэтому так важно сохранить и регенерировать знаковые компоненты народной культуры, которые могут составить основу в культурно-экономическом развитии территорий для нового направления, связанного с таким концептом, как «национальный бренд».

Брендинг используется в качестве эффективного инструмента, который необходим для продвижения национальных интересов, роста экономики, создания яркого и позитивного образа региона и узнаваемости в широком пространстве, а также укрепления самосознания этноса и сохранения его самобытности.

Этнографы, изучавшие историю, культуру и быт коренных дагестанских народов, рассматривали в комплексе и традиционную пищу [1] [3] [4] [7] [12] [13] [18] [20]. Общие и локальные черты в культуре питания народов Дагестана наиболее подробно рассмотрены и систематизированы в монографиях и научных публикациях одного из авторов данной статьи [27] [28] [29]. В исследованиях зафиксированы способы заготовки продуктов, технологии приготовления пищи и напитков с использованием специальной посуды и другой утвари, охарактеризованы особенности повседневной и празднично-ритуальной пищи и т.д. Таким образом, в этнографическом исследовании традиционной пищи Дагестана благодаря усилиям ученых достигнуты значительные успехи.

Этот фактологический материал и бытующая в современной культуре дагестанских

этносов традиционная пища, сохранившиеся и передаваемые из поколения в поколение народные рецепты являются частью основы для конструирования бренда региона, где территориальная идентичность выражается в том числе в пищевых предпочтениях и традиционных наборах блюд, которые могут стать «вкусными» символами. Здесь компонент материальной культуры приобретает новое значение, нехарактерное для локальной культуры исторически, и воспринимается как этнический символ/бренд. Тема бренда, этнокультурного брендинга — развивающееся направление в науке, которое исследуется учеными разных областей знаний. Экономисты и маркетологи рассматривают формирование бренда как коммерческого предложения на основе ярко выраженного позитивного имиджа продукта, включая уникальные возможности удовлетворения тех или иных запросов потребителей, они также разрабатывают новые брендинговые стратегии, анализируют многочисленные аспекты продвижения разных товаров и услуг [26] [34].

Тема бренда и брендинга территорий рассматривается в том числе антропологами и культурологами [15] [22], которые отмечают, что бренд помогает территории или региону выделиться прежде всего своей яркой индивидуальностью, которая у него есть в реальности. Бренд ориентирован не только на внешних потребителей, привлечение людей и ресурсов, которые необходимы региону для его развития, но и на местных жителей, способствуя формированию у них чувства единства, патриотизма, ответственности за свою малую родину. Вышеперечисленные исследования стали теоретической основой поднятой нами проблемы и помогли в реализации цели.

Дагестан — регион большого культурного многообразия и богатого историкокультурного наследия, что является хорошей основой для разработки комплексных, междисциплинарных подходов в брендинге этнических компонентов народной культуры и формировании бренда территории в целом. Цель данного исследования — выявить наиболее знаковые и распространенные в современной культуре питания продукты и блюда

дагестанской кухни и определить особенности их использования в качестве маркеров народной культуры и гастрономических символов, этнобрендов региона. Разработки одного из авторов данной статьи по теме брендинга традиционных блюд народов Дагестана уже опубликованы [11].

Источниками послужили результаты научных изысканий российских историков, этнографов, в том числе зафиксированные материалы о способах заготовки продуктов и приготовления традиционной пищи у разных народов, а также непосредственно сами национальные блюда. Разнообразие приготовляемых традиционных блюд в повседневной и праздничной культуре региона, широкое потребление полуфабрикатов и готовой еды в торговой сети общепита, «канонизированные» рецепты блюд и технологий заготовки продуктов дают непосредственный материал для исследования. Основными методами при этом послужили метод включенного наблюдения, сравнительный и системно-функциональный методы, а также различные способы анализа накопленного и зафиксированного этнографами материала. Данная работа значима тем, что на примере многонационального Дагестана одна из сфер материальной культуры — пища — рассматривается как символ/бренд региона, как составной компонент для формирования целостного этнического брендинга территории. Это внесет определенный вклад в развитие дальнейших исследований, что важно и с теоретической, и с практической точек зрения.

В работе будет рассмотрена традиционная пища, ее состав, технологии приготовления и формы бытования. Современные тенденции в пищевой культуре характеризуются также сочетанием традиционных продуктов с блюдами и напитками современной пищевой индустрии, что является свидетельством межкультурных коммуникаций. Традиционная кухня стала сегодня и сферой общественного питания. Развитие туризма популяризирует местные гастрономические традиции, национальные блюда воспринимаются гостями как часть самобытной культуры региона. Этому способствуют различные фестивали и конкурсы. Позиционирование традиционных

блюд в качестве этнических брендов в контексте концепта «национальный бренд» способствует популяризации в целом дагестанской культуры, расширению туризма в республике, сохранению традиционной культуры и укреплению самосознания проживающих здесь этносов.

Традиционная система питания народов Дагестана напрямую связана с типом их хозяйственной деятельности, с хозяйственно-культурным типом — исторически сложившимся комплексом особенностей хозяйства и культуры, характерных для народов, проживающих в определенных естественно-географических условиях, при определенном уровне их социально-экономического развития. Для Дагестана — это земледелие (огородничество, садоводство, виноградарство) и скотоводство (разведение мелкого и крупного скота) [19, с. 6].

Формы питания и виды пищи каждого народа находятся в теснейшей связи с его хозяйственно-культурными типами и в значительной степени определяются набором и способами производства характерных для него пищевых продуктов. В данном смысле хозяйственно-культурные типы, характерные для дагестанских народов, представляют собой результат развития производящего хозяйства, зародившегося на территории Дагестана в древности. Являясь комплексным, этот хозяйственный уклад сочетал возделывание зерновых с оседлым и отгонным скотоводством. Дагестанская кухня, таким образом, основана на традиции приготовления пищи из растительных продуктов, особенно зерновых, в сочетании с продуктами животноводства и собирательства.

Большую роль в формировании самого понятия «дагестанская кухня» сыграл целый ряд факторов, которые можно было бы отнести к климатическим и эстетическим. Традиционная культура питания тесно связана и с обычаями гостеприимства, развитыми и строго соблюдаемыми у всех народов Дагестана. Как отмечают исследователи, после посещения северокавказских республик у туристов первым по частоте упоминаний было местное население с его этнокультурными

особенностями и образом жизни, а наиболее ярким впечатлением стали воспоминания о вкусной местной пище [22, с. 27].

Разработка и представление знаковых для разных регионов России продуктов и блюд ведется по всей стране. В октябре 2020 г. в рамках XXII Российской агропромышленной выставки «Золотая осень — 2020» министр сельского хозяйства РФ Дмитрий Патрушев объявил о старте I Национального конкурса региональных брендов продуктов питания «Вкусы России». Он отметил, что практически в каждом регионе страны существует свой бренд продуктов питания, который стал «визитной карточкой» той или иной территории, и конкурс был призван популяризировать эти бренды. Дагестан представил на выставке шесть продуктов: баранину, абрикосовый нектар, овечий сыр, сушеную колбасу, чай и урбеч [16].

Этнокультурные процессы конца XX — начала XXI вв. способствовали включению блюд русской, европейской, восточной и общекавказской кухни в пищевую рацион не только городских, но и сельских дагестанцев. Этот процесс отмечали еще этнографы советского периода: «В дагестанской кухне сохраняются лучшие национальные традиционные кушания, хотя значительное место стали занимать также общеевропейские и восточные блюда» [32, с. 152]. Межэтнические контакты послужили формированию на сегодняшний день общих универсальных черт дагестанской кухни. Несмотря на обилие заимствованных блюд (овощные салаты, котлеты, борщи, запеканки и т.д.), пищевые предпочтения дагестанцы отдают традиционным, излюбленным блюдам (хинкал, курзе, чуду и т.д.). Причем современной тенденцией стал переход этих элементов национальной пищи из праздничных, практически в повседневные. Трансформационные процессы в традиционной культуре питания отмечают исследователи и у других народов [2] [5].

В прошлом дагестанские женщины из ограниченного набора местных продуктов готовили огромное разнообразие блюд на основе злаков, молока, муки разных видов, мяса говядины, баранины, птицы, различной зелени, овощей, фруктов и т.д. С улучшением бла-

госостояния постепенно исчезли лишь такие кушанья, бытование которых в дореволюционный период было обусловлено низким жизненным и культурным уровнем [32, с. 149].

Мы постараемся остановиться на наиболее излюбленных и традиционных продуктах питания и национальных блюдах, специфичных и характерных для большинства народов Дагестана. Как отмечают исследователи, сегодня взаимовлияние этнических компонентов в питании привело к складыванию в повседневном и праздничном быту представителей различных народов региона примерно одинакового набора блюд [31, с. 261].

Среди традиционных продуктов питания народов Дагестана, на наш взгляд, наиболее характерными являются два вида, так как они относятся к основному пласту, связанному с установившимся хозяйственно-культурным типом, именно в них нашли свое отражение земледельческо-скотоводческие традиции. Это *урбеч* — паста из семян льна, косточек абрикоса, различных видов ореха; сушеное мясо и колбасы — осенние заготовки на зиму из мяса крупного (говядина) и мелкого (баранина) рогатого скота.

Если рассматривать традиционные виды горячих блюд, характерных для большинства народов Дагестана (аварцы, даргинцы, кумыки, лакцы, лезгины, табасаранцы и др.), то можно выделить следующие: *хинкал* — мясное и мучное блюдо из разных видов муки, с многочисленными способами приготовления теста и формами его нарезки, *чуду* — традиционное мучное печеное блюдо с различными начинками, способами приготовления теста и выпекания, разными видами его подачи (аналог закрытого пирога и тонких лепешек с начинкой), а также мучная сладкая халва *бахзукъ* — жареное мучное сладкое ритуальное блюдо.

Рассмотрим каждый продукт питания и блюда дагестанской традиционной кухни по отдельности.

Одним из компонентов системы питания, являющимся традиционным для народов Дагестана, является *урбеч*. Это густая пастообразная масса, получаемая путем перемалывания (растирания) поджаренных или просто высушенных семян, плодовых

косточек или орехов [17]. Традиционно урбеч употребляют с хлебом на завтрак, а также используют как добавку к кашам (кураговой, кукурузной, рисовой и др.) и к горячему мучному блюду *чуду*.

Самым традиционным и широко распространенным видом считается урбеч, получаемый из семян льна кудряша. Продукт имеет темно-коричневый цвет, обладает приятным запахом, густой консистенцией, вяжущими свойствами. Для улучшения вкусовых качеств льняной урбеч смешивают с топленным маслом, пчелиным медом или густым сахарным сиропом. Как отмечают этнографы, «нам неизвестно наличие вышеописанного продукта у других кавказских народов, поэтому мы допускаем мысль о локальном, чисто дагестанском характере его» [13, с. 280].

Благодаря тому, что современная торговая сеть поставляет разные виды орехов и семян, которые не выращиваются в регионе, видов урбеча с начала нового столетия становится все больше. При сохранении традиционной технологии «с каждым годом ассортимент этого продукта все больше обогащается, пополняясь необычными вариантами (урбеч из кокоса, семян расторопши, тыквенных семян и т.д.). Многие виды урбеча, которые пользуются спросом среди современных любителей этого продукта, появились в середине 2000-х гг., до этого времени дагестанцам был знаком урбеч из льна, абрикосовых и кураговых косточек, грецких орехов, тыквенных семечек и др. Урбеч разных видов отличается цветом, вкусом, плотностью и содержанием в них различных полезных веществ» [17, с. 35]. Одним из дорогих видов считается урбеч из миндаля.

Изготовлением пасты из абрикосовых косточек известны селения Гергебильского района и даргинские селения долины реки Койсу (Цудахар, Хаджал-Махи и др.): садоводческие традиции выращивания абрикосов позволяют широко производить здесь данный продукт. Льняной урбеч традиционно готовят во многих селениях горного Дагестана.

Процесс изготовления урбеча имеет определенную технологию и делится на несколько этапов. Производством в прошлом занимались традиционно в сельской местности,

где на водяных (позже электрических) мельницах этот продукт производился с полным поэтапным соблюдением технологии. Сегодня мельницы появляются и в городе: «электрические мельницы в данный момент успешно функционируют не только во множестве сельских поселений, но и в городах, в частности в Махачкале. Как и сельские жители, горожане изготавливают урбеч как для собственных нужд, так и на продажу» [17, с. 37].

Городская культура расширила использование традиционного продукта. Еще с советского периода урбеч употребляли с заимствованными блюдами: русские блинчики и каши из покупных круп (манной, перловой и т.д.) заправлялись даргинским урбечем [13, с. 285]. Современные новации расширили пищевые сочетания. Урбеч используют теперь как начинку/наполнитель для мороженого, для конфет, в дагестанских кофейнях его добавляют в европейский кофейный напиток «раф».

Благодаря гастрономическому фестивалю, прошедшему в Махачкале летом 2022 г. и посвященному кофе, был создан новый рецепт горячего кофейного напитка под названием «Махачкалино». В его состав, помимо кофе и сливок, входит урбеч из абрикосовых косточек, щербет на топленом масле и горный мед [33]. Данный пример как нельзя лучше иллюстрирует удивительные трансформации и взаимовлияния, которым подвержены этнокультурные процессы в сфере народной кухни. Заимствованные напитки получили здесь своеобразное дополнение согласно дагестанским национальным традициям. Такие новые блюда можно с уверенностью назвать элементами современных этнокультурных процессов и межкультурных коммуникаций.

Урбеч сегодня — это полноправный гастрономический бренд Дагестана. В нем присутствуют внешний аппетитный вид и запах, доступная цена, это натуральный и полезный продукт питания, богатый микроэлементами. В торговой сети можно встретить широкий выбор дагестанского урбеча, эстетично упакованный, с большим разнообразием вкусов. Он уже заслужил любовь гостей Дагестана, туристы увозят продукт как гастрономический сувенир в память о горном крае.

Еще одним «классическим» продуктом питания дагестанцев являются сушеное мясо и колбасы, приготовленные в домашних условиях в осенний период: «отгонный характер животноводства, особенно овцеводства, замкнутость, натуральность хозяйства и другие причины способствовали складыванию у народов Дагестана традиции вяления мяса на зимний и весенний периоды» [32, с. 145].

Заготовкой мяса впрок занимались по всему горному Дагестану. Традиционно сушили баранину и говядину. Тушу барана чаще всего засушивали целиком, выпрямив, но не отделив ни позвоночного столба, ни конечностей. Мясо в наиболее толстых местах надрезали, и в надрезы закладывали соль [13, с. 284]. Исследования дагестанских этнографов дают подробное описание технологий мясных заготовок: «Туши разделявали таким образом, чтобы все части одновременно и хорошо просушились. В основном сушили мясо в тени на сквозняке. <...> Кроме того, заготавливали впрок колбасные изделия, начиненные фаршем из лучших кусков мяса с ароматическими добавками. Колбасные изделия сушились, как и мясо, на сквозняке. Кроме мяса горцы заготавливали впрок курдюки, которые солили и сушили. Заготавливали также и нутряной жир: его солили и засушивали» [29, с. 99].

Заготовка (вяление и сушка) мяса на зиму, изготовление колбас и сегодня традиционно бытуют в Дагестане в хозяйстве каждой семьи. В отличие от периода первой половины XX в., когда семья заготавливала мясо впрок на зиму только для своих нужд, сегодня сельские жители горного Дагестана делают мясные заготовки и для широкой продажи: практически в каждом горном селении есть свои мастера, которые при заготовке мяса придерживаются традиционной рецептуры. Процесс сушки мяса в горном селении придает продукту особый аромат и приятный вкус. Городские жители также занимаются мясными заготовками для личного потребления, но все же традиции сельского вяления мяса более развиты, имеют широкий спрос и находят сбыт в городах. Если в прошлом вяленые мясо и колбасы держали в прохладном темном помещении, то сегодня, благодаря доступно-

сти холодильного оборудования, хозяйки даже в горных селениях держат запасы мяса в отдельных морозильных камерах. Из сушеных заготовок варят хинкал, супы, делают чуду, рагу и т.д. Мясо и колбасы удобно отправлять в качестве дара близким, родным, живущим за пределами Дагестана, где они «приобретают статус “продукта с родины”» [19, с. 198].

Теперь рассмотрим блюда дагестанской кухни, которые являются общими для всех народов, проживающих в регионе, и вместе с тем здесь можно выделить и сугубо локальные черты, свойственные культуре питания отдельных этносов.

Хинкал — это распространенное и самое любимое блюдо дагестанцев. Как отмечают исследователи, возможно хинкал появился «в эпоху возникновения производящего хозяйства, когда хозяйственно-культурное единство внутреннего Дагестана сопровождалось этнической целостностью» [25]. «Кусочки теста, сваренные в жирном бульоне, и назывались собственно хинкалом, хотя этим термином принято также называть все блюдо в целом» [12, с. 49].

Сначала варили мясо (свежее или сушеное, а иногда и оба вида), затем его вынимали и бросали в бульон тесто, придав форму в зависимости от вида хинкала. Через некоторое время вареные куски теста вынимали с помощью шумовки и клали в отдельные глубокие миски. Сваренные кусочки теста ели с мясом и чесноком, обязательно заправляли подливой из поджаренного курдюка, сметаны, кислого молока, сывороточного уксуса, толченых грецких орехов, томата и т.д. После того как съедали хинкал, в эту же миску наливали горячий бульон, также заправляли его чесноком и другими приправами. Иногда хинкал варили без мяса, на воде. В этом случае подливок для заправки блюда было больше. Интересно, что у народов Южного Дагестана, в частности у табасаранцев, хинкал готовили и на курином бульоне. Отварную курицу подавали вместе с хинкалом [3, с. 116].

В XIX в. у каждого народа Дагестана хинкал отличался большим разнообразием видов и способов приготовления. Так, «у ботлихцев готовили хинкал трех видов, у годоберинцев — шести видов, даргинцы готови-

ли шесть видов, лакцы — пять. В зависимости от муки придавали хинкалу ту или иную форму» [4, с. 97].

Наиболее ранние по времени своего появления разновидности хинкала состояли из смеси бобовой, ржаной и ячменной муки. Один из таких видов готовили аварцы и лакцы: в кипящий мясной бульон медленно лили по ложке массу, изготовленную из бобовой муки, яйца и зелени (ореховая трава). Попав в кипяток, масса тут же сворачивалась в виде шариков [27, с. 94].

Из пшеничной муки даргинцы, кумыки, лакцы, лезгины, табасаранцы готовили кручёный хинкал. От крутого теста отрезали небольшие части, которые, в свою очередь, скалывали в стержни. И, разделив на маленькие кусочки, надавливали на них большим пальцем так, чтобы тесто закручивалось наподобие ракушек. Исследователи указывают, что «этот вид хинкала даргинцы иногда называли *“шамл хинкле”* (*“шал”* — свисток). Его часто готовили в качестве угощения при большом стечении гостей» [13, с. 273]. У кубачинцев подобный вид хинкала носил название *лускаттагужуд ккуц* (*лусс* — «скрученный») [21, с. 223], у кумыков — *сыр-сыр гьинкал* [3, с. 77], у табасаранцев — *сулгьар хинклар* [4, с. 116]. Из всех видов хинкала именно этот был наиболее популярным у лакцев и носил название *гьавккури* [7, с. 242]. Ели хинкал с бульоном, добавив толченый чеснок, орехи, иногда домашний уксус. Лакцы-кулинцы добавляли молоко и картофель. Лезгины кручёный хинкал *хурма-хинкал* (по виду он напоминал косточку финика) делали без мяса. Отварив в воде, процеживали, заливали подливкой и подавали к столу [1, с. 259].

Еще одна разновидность хинкала, имевшая достаточно широкое распространение, — это так называемый тонкий хинкал. Его чаще всего готовили жители равнинного и Южного Дагестана. Из некрутого пшеничного теста раскатывали тонкую лепешку, разрезали ее на небольшие квадратики и варили в мясном бульоне. Лакцы ели тонкий хинкал с бульоном, заправленным чесноком, уксусом, а даргинцы и аварцы — без бульона. Бульон подавали и пили отдельно, вслед за мучной составляющей. Также тонкий хинкал могли сварить

и без мяса, тогда его заправляли маслом, поджаренным курдюком, жиром или просто чесночной подливой, а также раскрошенным сыром, разбавленным в масле с толокном. У лезгин тонкий хинкал без мяса подавали вместе с яичницей, которую жарили отдельно и клали поверх хинкала [1, с. 259].

Готовили хинкал и из кукурузной муки. На языках народов Дагестана и даже в каждом селении оно имело свое особое название. У аварцев — *цлоросаролгул харадул хинкIал, симилдиялас хинкI, гIашаль хъаинкIал* [22, с. 23], у даргинцев — *хIяжланкIила хинкIу* [20, с. 73], *хIялтIама* [18, с. 409], у лакцев — *хIажикIал ххункIру, хIажуллал ххункI* [29, с. 117], у кумыков — *гъалпама*, у ногайцев — *мамырса, атыкъ алпама* [3, с. 239]. В общедагестанской кухне за кукурузным хинкалом в последнее двадцатилетие закрепилось название *халпама*, которое узнаваемо всеми и имеет общепотребительное значение.

Тесто для такого хинкала традиционно замешивалось на кипятке: в кукурузную муку наливали горячий мясной бульон. От готового теста отрывали маленькие кусочки, придавали им форму круглых лепешечек или лепили в форме корытца с выемкой в центре, которая делалась ребром ладони. Иногда куски теста просто сжимали в руках и закидывали в кипящий бульон [13, с. 274]. Кукурузный хинкал ели с мясом, заправив курдюком и запивая бульоном с чесноком. Иногда такой хинкал кушали, обмакивая вареные куски теста в урбеч с маслом [29, с. 117].

Огромное разнообразие видов хинкала, перечисленных выше, было характерно для традиционной кухни народов Дагестана в период XIX — начала XX вв., однако с течением времени утратило свою былую вариативность и бытование. Для городской, а также частично для сельской гастрономической культуры можно сказать «канонизировались», стали практически общедагестанскими брендами такие виды хинкала, как тонкий (кумыкский или лезгинский), кручёный (лакский или чеченский), толстый на кефире (аварский), из дрожжевого теста многослойный с пряностями (даргинский) и т.д. Хинкал готовят как по праздникам, так и в повседневном быту, это блюдо входит в меню большинства дагестан-

ских кафе и ресторанов. В столице Дагестана даже появилось заведение общественного питания под названием «Hinkal Brothers», в меню которого в основном представлены блюда дагестанской кухни [35].

С начала нового тысячелетия возникли и модифицированные виды хинкала. *Халпаму* готовят как традиционно, так и по новой рецептуре из смеси кукурузной и пшеничной муки, замешивая тесто на кефире или простокваше с добавлением соли, небольшого количества соды, жира и яиц. Скатав небольшого размера шарики, приплюснув их ладонями с двух сторон, такой хинкал варят на пару, в специальных кастрюлях-пароварках. Готовят халпаму и с начинками (сыра или зелени). Подают традиционно с мясом и бульоном, с подливкой из чеснока.

Печеные изделия *чуду* с начинкой являются еще одним мучным блюдом, распространенным у народов Дагестана. Своего рода закрытые пироги из пресного или кислого теста готовили с разными начинками — творогом, зеленью, тыквой, смесью дикорастущих трав и т.д. Практически у всех народов региона в пищевой культуре бытовало большое разнообразие видов: *буркив, чутту, къячIу* (лакск.), *ботишал, герга, беркал, буршина* (аварск.), *чутни* (дарг.), *чуду* (кумык., азерб., терек.), *афарар, цкен* (лезг.) и т.д. Готовили *чуду* и с мелко порубленным мясом, и с отварной курицей, и с орехами. Форму *чуду* придавали как круглую, так и полукруглую. В садоводческих селениях лакомым блюдом являлось *чуду* с начинкой из кураги [27, с. 112–113]. Следует отметить, что жителям Нагорного Дагестана присуще приготовление толстых закрытых печеных изделий с разными начинками, в составе которых наиболее употребительными являлись картошка с сушеным мясом, свежий мясной фарш с добавлением специй и сывороточного уксуса, сочетание сырой тыквы с вареными рублеными внутренностями.

Одним из широко распространенных, любимых и фактически «брендовых» блюд на начало XXI в. является даргинское *чуду*. Хозяйки пекут такое блюдо из пресного, слоеного или кислого теста с мясным фаршем, в сочетании с тонко нарезанным картофелем и измельченным луком. Если в прошлом мяс-

ное чуду готовили во время закалывания скота или по праздникам, то сегодня оно фактически стало повседневным блюдом. Чуду готовят и с начинками из тыквы, творога, зелени, с добавлением жира, яиц, лука, орехов. После выпечки чуду смазывают сливочным маслом.

Сюда необходимо добавить разновидность закрытого чуду кулинских лакцев *къячли*, к которому по традиционной рецептуре подается молочная сыворотка *кюрчлисса*, придающая блюду кислинку [27, с. 134]. Излюбленным чуду-деликатесом считаются тонкие аварские творожные чуду *ботишал* или *беркал*. Приготовление таких чуду — особое мастерство хозяйки. После выпечки с двух сторон на открытом огне на сухой плоской сковороде ботишал обильно смазывают сливочным маслом и посыпают толочком *mlex* [18, с. 238–239]. Южнодагестанские тонкие чуду *афарар* [4, с. 117] полукруглой формы чаще готовят со свежей, мелко рубленной зеленью (смеси различных трав — крапивы, дикого лука, мокрицы, конского щавеля, черемши, кинзы и пр.), растущих в предгорной и горной местности.

На сегодняшний день в Дагестане сформировались гастрономические бренды, которые характеризуют общедагестанские кулинарные традиции и в отдельности отображают узконациональную специфику, принадлежность к кухне определенного народа. Это аварские ботишал, даргинское чуду, лезгинские афарар, лакское къячли, разнообразные виды хинкала: кумыкский или лезгинский (тонкий), аварский (толстый на кефире), даргинский (слоеный с пряностями) и т.д. На возникновение гастрономических символов, представляющих Дагестан, обращают внимание многие исследователи [31, с. 261].

Еще одним знаковым и вместе с тем традиционно ритуальным блюдом является халва — *бахъухъ* (авар., дарг., лакск.), *гъалва* (кумык.), *исида* (лезг.), *аравша* (табасар.) и т.д. На протяжении всего бытования этого блюда в культуре питания народов Дагестана мучную халву готовили на религиозные праздники, использовали при свадебных, родильных и похоронных обрядах [27, с. 121] [24].

При изготовлении халвы в кипящее топленое масло засыпали пшеничную муку

и жарили на медленном огне при постоянном помешивании. Постепенно массу доводили до нужной консистенции, цвета и аромата. Когда халва становилась гуще и отходила от стенок посуды, ее снимали с огня, заливали сладкой составляющей (медом, сахарным песком, сиропом или пудрой, виноградной или тутовой патокой) и быстро мешали всю массу. Для раздачи в поминальной обрядности халву в горячем виде раскладывали на хлеб, для торжественных случаев готовили заранее, разливали на подносы или разрезали на небольшие куски и подавали на стол.

Сегодня дагестанская мучная халва бытует не только как блюдо по особому случаю, оно фактически стало повседневным: почти в каждой дагестанской кондитерской ее можно купить как десерт к чаю. При этом сохраняется и ее ритуальная нагрузка: в доме, где готовятся к свадьбе, проводят поминальные трапезы или накрывают столы по случаю религиозных праздников, приготовление халвы является традиционным. Часто такую сладость дагестанцы возят как гостинец, отправляясь за пределы республики.

В городской сфере общественного питания Дагестана большое распространение в первой четверти XXI в. получило приготовление блюд народной кухни для широкой продажи. Небольшие пекарни, кондитерские по выпечке домашнего хлеба, изготовлению чуду с разными начинками, халвы, полуфабрикатов мучных блюд можно встретить практически во всех городах и населенных пунктах.

Рассматривая бытовую культуру народов Дагестана в многообразии, многоплановости и неповторимости, можно отметить, что она представляет собой живой развивающийся комплекс трудовой деятельности людей. Трансформация системы питания в современных социально-экономических условиях региона, разворачивающаяся на фоне усиливающихся этнокультурных контактов, уже более чем полвека отличается стремительностью. Привычные элементы традиционной культуры обретают новые смыслы, становятся знаковыми образами истории и культуры народа. И вместе с тем традиционная пища сохраняет сегодня важное место в повседневной и праздничной жизни народов Дагестана.

Традиционно сложившиеся и этнически специфичные формы пищи в разных сочетаниях комбинируются с блюдами, преобразованными современной пищевой индустрией и вошедшими в общемировую урбанистическую культуру (кофе, чай, пиво). Новые формы пищи, возникая первоначально в локальной, а следовательно, в этнически обозначенной среде, становятся модными повсеместно и вскоре теряют свою локальную и этническую окрашенность, сохраняя ее, разве что, в названии [30, с. 134–138]. Такие процессы анализируются исследователями, которые очень верно подмечают, что «пищевые практики, кулинарная культура никогда не бывают внеисторичны и асоциальны, они являются повседневным, бытовым воплощением социально-экономических, социально-политических и культурных характеристик общества, в котором формируются. И социально-экономические отношения входят в жизнь людей в том числе через бытовые практики, включая кулинарные. Изменяясь под влиянием социально-экономических трансформаций, сохраняя одни традиции и отбрасывая другие, кулинарная культура, как и повседневная культура в целом, опосредует макроисторические перемены, утверждая их на микроуровне» [14, с. 568].

Традиционная кухня народов Дагестана сегодня формируется как гастрономический бренд региона и развивается на фоне активного роста туризма. Гости республики с большим удовольствием пробуют блюда, которые воспринимаются как часть самобытной культуры дагестанских народов, наряду с их историей, особенностями жизненного уклада и хозяйства, обычаями и обрядами, религией и т.д.

Мероприятия по развитию и продвижению гастрономических брендов проходят во многих регионах России. Так, осенью 2022 г. во Владивостоке прошел Всероссийский конкурс проектов в сфере гастрономического туризма. 20 регионов — финалистов конкурса — представили свои проекты в рамках Форум-фестиваля «Гастрономический туризм в Российской Федерации. Новые возможности» [9]. Дагестанский хинкал был представлен на Фестивале гастрономического туризма в Калуге

наряду с такими национальными брендами, как угорский чай, уральские сыры, якутская строганина, бурятские *буузы*, татарский *зур бэлиш*, калужское тесто [8].

Сегодня, чтобы попробовать дагестанские блюда, достаточно зайти практически в любую сеть общественного питания республики, приобрести готовую еду или полуфабрикаты в частном кулинарном магазине. По данным северокавказского управления статистики, сфера общепита в Дагестане является самой прибыльной на Северном Кавказе. Всего за первые четыре месяца 2022 г. оборот предприятий общепита на Кавказе достиг 45,3 млрд. рублей. Больше половины из них (24,6 млрд.) приходится на Дагестан. Показатели других регионов, также в рублевом эквиваленте, по обороту организаций общепита следующие: на Ставрополье — 11 млрд., в Чечне — 5 млрд., в Кабардино-Балкарии — 2,04 млрд., в Северной Осетии — 1,86 млрд., в Карачаево-Черкесии — 451,5 млн., в Ингушетии — 244,4 млн. [10]. На примере гастрономических предпочтений народа, локальной специфики продуктов питания и национальных блюд пища «может быть исследована не только как часть материальной культуры этого народа, но и как явление, с помощью которого воспроизводится и конструируется этническая идентичность и развивается современная этническая культура» [23, с. 53]. В национальной кухне, претерпевшей на разных этапах исторического развития хозяйства, культуры, быта влияние других кулинарных традиций, остается преобладание традиционных блюд в повседневной жизни, в праздничной, обрядовой культуре, что является одним из символов этнической самобытности народа.

Рассмотренные продукты питания и блюда являются компонентами, объединяющими многонациональный состав Дагестана в суперэтническую общность с практически идентичным образом жизни. Определенный набор блюд дагестанской кухни стал одной из составляющих общественного питания в широкой сети кафе, ресторанов, где они сочетаются с блюдами русской, европейской, азиатской кухни. Это разные виды традиционных каш, хинкала, чуду с разнообразными

начинками, дагестанским травяным чаем, сладким десертом халвой и т.д. В отдельных случаях дагестанские блюда входят в меню общепита городов центральной России.

Проанализированные в рамках данного исследования сведения позволяют сделать вывод, что традиционный пласт народной культуры — пищу — можно использовать в качестве знакового, «вкусного» символа региона, развивая таким образом «национальный бренд» и продвигая его в общественной, культурной жизни, в туристическом направлении.

Сегодня каждому региону России в определенной степени присущи черты культурного многообразия, для которого характерно, в частности, смешение в мегаполисах и сельских населенных пунктах разных традиций. В глобальном масштабе эти тенденции приводят к складыванию единого общемирового пространства с преобладанием в некоторых областях исторически устоявшихся локальных традиций. И одним из ярких примеров таких территорий, сохранивших свою этническую специфику, может служить Дагестан.

Сохранение и практическое использование знаковых элементов традиционной культуры в повседневном и праздничном быту, позиционирование их в качестве этнических брендов, будут способствовать популяризации в целом дагестанской культуры, расширению туризма в Дагестане, сохранению традиционной культуры в современных условиях. Понятие «этнокультурный бренд» включает этнокультурные образы, символы и события, отражающие их узнаваемость у потребителя. Данное исследование поможет развивать новое направление для дальнейшего изучения и использования этнокультурных особенностей брендинга территорий в качестве важного ресурса.

Развитие самобытных составляющих материальной культуры, в том числе и традиционной системы питания, в век глобализации, ассимиляции, новых форм межэтнических коммуникаций, технического прогресса, инновационных процессов становится важным звеном в деле сохранения локальной идентичности, охраны культурного наследия и развития межкультурного обмена.

Zoya B. RAMAZANOVA

Dr. Sci. (Ethnography, Ethnology and Anthropology),
Institute of History, Archeology and Ethnography,
Dagestan Federal Research Center, Russian Academy of Sciences,
Makhachkala, Russian Federation
zoya.ram@mail.ru
ORCID: 0000-0002-0454-8394

Fatima A. GADZHALOVA

Cand. Sci. (Ethnography, Ethnology and Anthropology),
Institute of History, Archeology and Ethnography,
Dagestan Federal Research Center, Russian Academy of Sciences,
Makhachkala, Russian Federation
f-gadzhalova@mail.ru
ORCID: 0000-0002-3862-4316

***Dagestan Traditional Dishes and Food
as a Marker of Folk Culture and a Brand of the Region***

Abstract. This study aims to identify the most significant and widespread products and dishes of Dagestan cuisine in modern food culture, and to determine the features of their use as markers of folk culture and gastronomic symbols (ethnobrands) of the region. The sources of the study were results of research by Russian historians, ethnographers, including recorded materials on the methods of harvesting products and cooking traditional food from different peoples, as well as products and

traditional cuisine dishes themselves. The main research methods were participant observation, comparative and system-functional methods, as well as various methods of analyzing the material accumulated and recorded by ethnographers. In the course of the study, the authors characterized the features of the traditional food system of Dagestan ethnic groups in general and individual peoples, in particular. The authors emphasize that the cultural diversity and rich cultural heritage of Dagestan are a good basis for the development of integrated, interdisciplinary approaches to branding ethnic components of folk culture and forming a brand of the territory as a whole. The authors revealed that the national component in the food culture of the Dagestanis is predominant, and, in terms of popularity, such traditional foods as urbech, dried meat and sausages, as well as flour dishes – khinkal, chudu and halva – are widespread. Modern trends in food culture are characterized by the facts that (1) these dishes have become part of the public catering and trade; (2) traditional products are combined with dishes and drinks of the modern food industry, which is evidence of intercultural communication; (3) the development of tourism contributes to the popularization of local gastronomic traditions, the recognition of national dishes (food is perceived by guests as part of the original culture of the region); (4) various festivals and competitions promote acquaintance with gastronomic brands. The authors come to the conclusion that today we can talk about the actually established Dagestan gastronomic brands, which are ethnic symbols of traditional culture. Traditional dishes of the peoples of Dagestan can be used in the development of the concept of regional branding and contribute to creating a bright and positive image of Dagestan, recognizing the region and expanding the scope of tourism, popularizing Dagestan culture in general, as well as strengthening ethno-cultural self-awareness and preserving ethnic identity.

Keywords: peoples of Dagestan, food preferences, traditional dishes and food products, cooking methods, gastronomic brands, urbech, dried meat, khinkal, chudu, halva.

Использованная литература:

1. Агаширинова С.С. Материальная культура лезгин. XIX – начало XX в. М.: Наука, 1978.
2. Алексеева Е. К. Трансформации в традиционном питании тунгусоязычных этносов Якутии // Гуманитарный вектор. 2012. № 2 (30). С.143-147.
3. Алимова Б.М. Пища и культура питания тюркоязычных народов Дагестана XIX – начале XX века. Махачкала: Наука плюс. 2005.
4. Алимова Б.М. Табасаранцы XIX – начало XX в. Историко-этнографическое исследование. Махачкала: Дагестанское кн. изд-во, 1992.
5. Алишина Х.Ч., Брынза Т.В., Сарсамбекова А.С. Пища казахов в российских и казахстанских городах (начало XXI века) // Вестник Антропологии. 2017. № 4 (40). С. 21–37.
6. Арутюнов С.А. Основные пищевые модели и их локальные варианты у народов России // Традиционная пища как выражение этнического самосознания. М.: Наука, 2001. С. 10-17.
7. Булатова А.Г. Лакцы. Историко-этнографическое исследование (XIX – начало XX вв). Махачкала: Изд-во Дагестанского науч.- центра Рос. акад. наук, 2000.
8. В Калуге завершился Фестиваль гастрономического туризма 2020 [Электронный ресурс] // Сайт Ассоциации кулинаров, рестораторов и отельеров Республики Башкортостан. URL: <https://acro-pb.pf/press-centre/news/novosti/v-kaluge-zavershilsya-festival->

References:

1. Agashirnova, S.S. (1978) *Material'naya kul'tura lezgin. XIX – nachalo XX v.* [The Material Culture of the Lezgins. 19th – Early 20th Centuries]. Moscow: Nauka.
2. Alekseeva, E.K. (2012) Transformatsii v traditsionnom pitanii tungusoyazychnykh etnosov Yakutii [Transformations in the Traditional Diet of the Tungus-Speaking Ethnic Groups of Yakutia]. *Gumanitarnyy vektor*. 2 (30). pp.143–147.
3. Alimova, B.M. (2005) *Pishcha i kul'tura pitaniya tyurkoyazychnykh narodov Dagestana XIX – nachale XX veka* [Food and Food Culture of the Turkic-Speaking Peoples of Dagestan in the 19th – Early 20th Centuries]. Makhachkala: Nauka plus.
4. Alimova, B.M. (1992) *Tabasarantsy XIX – nachalo XX v. Istoriko-etnograficheskoe issledovanie* [Tabasarans of the 19th – Early 20th Centuries. Historical and Ethnographic Research]. Makhachkala: Dagestanskoe kn. izd-vo.
5. Alishina, Kh.Ch., Brynza, T.V. & Sarsambekova, A.S. (2017) *Pishcha kazakhov v rossiyskikh i kazakhstanskikh gorodakh (nachalo XXI veka)* [Food of the Kazakhs in Russian and Kazakh Cities (Early 21st Century)]. *Vestnik Antropologii*. 4 (40). pp. 21–37.
6. Arutyunov, S.A. (2001) *Osnovnye pishchevye modeli i ikh lokal'nye varianty u narodov Rossii* [The Main Food Models and Their Local Variants Among the Peoples of Russia]. In: Arutyunov, S.A. & Voronina, T.A. (eds) *Traditsionnaya pishcha kak vyrazhenie etnicheskogo samosoznaniya* [Traditional Food as an Expression of Ethnic Self-Consciousness]. Moscow: Nauka. pp. 10–17.

gastronomicheskogo-turizma-2020 (дата обращения 25.06.2022).

9. Во Владивостоке определили победителей Всероссийского конкурса проектов по гастрономическому туризму [Электронный ресурс] // Telegram. URL: https://t.me/rostourism_official/1297 (дата обращения 23.09.2022).

10. Все об экономике Дагестана: Деньги, статистика, мнения, прогнозы и оценки. Сфера общепита в Дагестане самая прибыльная на Северном Кавказе [Электронный ресурс] // Telegram. URL: <https://t.me/economicmagazine/3494> (дата обращения: 13.06.2022).

11. Гаджалова Ф. А., Магомедов А. Дж. Дагестанские гастрономические бренды (курзе, чуду, хинкал): названия, этнокультура, современное бытование // Вестник Дагестанского научного центра. 2022. №85. С. 23–29.

12. Гаджиева С.Ш. Материальная культура кумыков. XIX–XX вв. Махачкала: Дагестанское кн. изд-во, 1960.

13. Гаджиева С.Ш., Османов М. О., Пашаева А. Г. Материальная культура даргинцев. Махачкала: Ин-т истории, языка и лит-ры, 1967.

14. Глушченко И.В. Советская модернизация и кулинарная политика как факторы трансформации бытовой культуры в СССР // Известия ПГПУ им. В. Г. Белинского. Гуманитарные науки. 2012. № 27. С.564 – 573.

15. Горлова И.И., Бычкова О.И., Костина Н.А. Этнокультурный брендинг территории как ресурс влияния региональной культурной политики // Культурное наследие России. 2018. № 3. С. 80 – 85.

16. Дагестан заявил на всероссийский конкурс продуктов питания шесть брендов [Электронный ресурс] // Официальный сайт Министерства сельского хозяйства и продовольствия Республики Дагестан. URL: <http://mcxrd.e-dag.ru/news/item/6970> (дата обращения: 23.09.2022).

17. Ибрагимова З.Б. Урбеч – традиционный дагестанский продукт питания // Acta Historica: труды по истории, археологии, этнографии и обществознанию. 2018. Т. 1. № 1. С. 34 – 37.

18. Исламмагомедов А.И. Аварцы. Историко-этнографическое исследование. XVIII – начало XX в. Махачкала: Ин-т истории, археологии и этнографии Дагестанского науч. центра Рос. акад. наук, 2002.

19. Капустина Е.Л. Пищевые трансферты в жизни мигранта: специфика миграции между Дагестаном и городами Западной Сибири // Кунсткамера. № 2 (8) 2020. С. 191–200.

20. Курбанов М.Ю. Сюргинцы. Историко-этнографическое исследование. XIX – начало XX вв. Махачкала: Ин-т истории, археологии и этнографии Дагестанского науч. центра Рос. акад. наук, 2006.

21. Магомедов А.Дж, Саидов-Аккутта Н.И. Кубачинско-русский словарь / отв. ред. Х. А. Юсупов. М.: Наука, 2017.

22. Малькова В.К., Тишков В. А. Антропология историко-культурных брендов территорий, регионов и мест // Культура и пространство. Кн.2: Историко-культурные бренды территорий, регионов и мест / под ред. В. К. Мальковой, В. А. Тишкова. М.: Ин-т этнологии и антропологии Рос. акад. наук им. Н. Н. Миклухо-Маклая. 2010. С. 6–57.

23. Маслов Д.В. Современная кухня алтайцев: техники воображения пищевой культуры и репрезентации

7. Bulatova, A.G. (2000) *Laktsy. Istoriko-etnograficheskoe issledovanie (XIX – nachalo XX vv)* [Laks. Historical and Ethnographic Research (19th – Early 20th Centuries)]. Makhachkala: Dagestan Federal Research Center, Russian Academy of Sciences.

8. Association of Culinary Workers, Restaurateurs and Hoteliers of the Republic of Bashkortostan. (2020) *The Festival of Gastronomic Tourism 2020 Ended in Kaluga*. [Online] Available from: <https://akro-rb.rf/press-centre/news/novosti/v-kaluge-zavershilsya-festival-gastronomicheskogo-turizma-2020> (Accessed 25.06.2022). (In Russian).

9. Telegram. (2022) *In Vladivostok, the Winners of the All-Russian Competition of Gastronomic Tourism Projects Were Determined*. [Online] Available from: https://t.me/rostourism_official/1297 (Accessed 23.09.2022). (In Russian).

10. Telegram. (2022) All About the Economy of Dagestan: Money, Statistics, Opinions, Forecasts and Estimates. *The Catering Sector in Dagestan Is the Most Profitable in the North Caucasus*. [Online] Available from: <https://t.me/economicmagazine/3494> (Accessed: 13.06.2022). (In Russian).

11. Gadzhalova, F.A. & Magomedov, A.Dzh. (2022) Dagestanskije gastronomicheskie brendy (kurze, chudu, khinkal): nazvaniya, etnokul'tura, sovremennoe bytovanie [Dagestan Gastronomic Brands (Kurze, Chudu, Khinkal): Names, Ethnoculture, Modern Life]. *Vestnik Dagestanskogo nauchnogo tsentra*. 85. pp. 23–29.

12. Gadzhieva, S.Sh. (1960) *Material'naya kul'tura kumykov. XIX–XX vv.* [Material Culture of the Kumyks. 19th–20th Centuries]. Makhachkala: Dagestanskoe kn. izd-vo.

13. Gadzhieva, S.Sh., Osmanov, M.O. & Pashaeva, A.G. (1967) *Material'naya kul'tura dargintsev* [Material Culture of the Dargins]. Makhachkala: Institute of History, Language and Literature.

14. Glushchenko, I.V. (2012) Sovetskaya modernizatsiya i kulinar'naya politika kak faktory transformatsii bytovoy kul'tury v SSSR [Soviet Modernization and Culinary Policy as Factors in the Transformation of Everyday Culture in the USSR]. *Izvestiya PGPU im. V. G. Belinskogo. Gumanitarnye nauki*. 27. pp. 564–573.

15. Gorlova, I.I., Bychkova, O.I. & Kostina, N.A. (2018) Ethno-Cultural Branding of the Territory as a Resource of Regional Cultural Policy. *Kul'turnoe nasledie Rossii*. 3. pp. 80–85. (In Russian).

16. Ministry of Agriculture and Food of the Republic of Dagestan. (2022) *Dagestan Announced Six Brands for the All-Russian Competition of Food Products*. [Online] Available from: <http://mcxrd.e-dag.ru/news/item/6970> (Accessed: 23.09.2022). (In Russian).

17. Ibragimova, Z.B. (2018) Urbech – traditsionnyy dagestanskiy produkt pitaniya [Urbech, a Traditional Dagestan Food Product]. *Acta Historica: trudy po istorii, arkheologii, etnografii i obshchestvoznaniyu*. 1 (1). pp. 34–37.

18. Islammagomedov, A.I. (2002) *Avarsy. Istoriko-etnograficheskoe issledovanie. XVIII – nachalo XX v.* [The Avars. Historical and Ethnographic Research. 18th – Early 20th Centuries]. Makhachkala: Institute of History, Archeology and Ethnography, Dagestan Federal Research Center, Russian Academy of Sciences.

19. Kapustina, E.L. (2020) Food Transfers in the Context of Translocal Migration From Dagestan to Western Siberia. *Kunstkamera*. 2 (8). pp. 191–200.

этнической идентичности // Вестник Брянского университета. Исторические науки и археология. 2016. № 1. С. 52–55.

24. Мусаева М.К. Похоронно-поминальная обрядность народов Дагестана в современных городских условиях // Вестник Института истории, археологии и этнографии. 2017. № 4. С. 115–124.

25. Османов М.О. Печенье и вареные мучные изделия и хлебопекарные устройства в Дагестане в XIX – начале XX в. // Система питания народов Дагестана. Махачкала: Дагестанский науч. центр Рос. акад. наук, 1990. С. 114.

26. Панкрухин А.П. Бренды и брендинг // Практический маркетинг. 2011. № 4 (170). С. 4–15.

27. Рамазанова З.Б. Культура питания народов Дагестана в XIX – начале XXI в. Махачкала: Алеф, 2017.

28. Рамазанова З.Б. Обрядовая и праздничная еда // Гуманитарные и социально-политические проблемы модернизации Кавказа. Материалы VI Междунар. конф. (Магас, 10-13 мая 2018 г.). Магас: КЕП, 2018. С. 357–371.

29. Рамазанова З.Б. Традиционная пища народов Нагорного Дагестана в XIX – начале XX вв. Махачкала: Ин-т истории, археологии и этнографии Дагестанского науч. центра Рос. акад. наук, 2011.

30. Свод этнографических понятий и терминов. М.: Наука, 1989.

31. Сефербеков Р.И. Модернизационные процессы в материальной культуре народов Дагестана в новейшее время // Современная наука и инновации. 2017. №3. С. 255–264.

32. Современная культура и быт народов Дагестана / Отв. ред. С.Ш. Гаджиева М.: Наука, 1971.

33. У меня лежит кофе, выращенный в Цумале [Электронный ресурс] // Молодежь Дагестана, 09 ноября, 2022. URL: <https://md-gazeta.ru/obshhestvo/partnerskiy-material-obshhestvo/118571> (дата обращения: 10.12.2022).

34. Черная И.П. Маркетинг имиджа как стратегическое направление территориального имиджа. // Маркетинг в России и за рубежом. 2002. №4. С. 13–18.

35. Hinkal Brothers. Самый большой выбор хинкала в Махачкале [Электронный ресурс] // Официальный сайт городского кафе «Hinkal Brothers». URL: <https://hinkalbrothers.ru/> (дата обращения: 5.01.2023).

20. Kurbanov, M.Yu. (2006) *Syurgintsy. Istoriko-etnograficheskoe issledovanie. XIX – nachalo XX vv.* [The Surgins. Historical and Ethnographic Research. 19th – Early 20th Centuries]. Makhachkala: Institute of History, Archeology and Ethnography, Dagestan Federal Research Center, Russian Academy of Sciences.

21. Magomedov, A.Dzh. & Saidov-Akkutta, N.I. (2017) *Kubachinsko-russkiy slovar'* [Kubachi-Russian Dictionary]. Moscow: Nauka.

22. Mal'kova, V.K. & Tishkov, V.A. (2010) *Antropologiya istoriko-kul'turnykh brendov territoriy, regionov i mest* [Anthropology of Historical and Cultural Brands of Territories, Regions and Places]. In: Mal'kova, V.K. & Tishkov, V.A. (eds) *Kul'tura i prostranstvo* [Culture and Space]. Book 2. Moscow: Institute of Ethnology and Anthropology, RAS. pp. 6–57.

23. Maslov, D.V. (2016) *Sovremennaya kukhnya altaytsev: tekhniki voobrazheniya pishchevoy kul'tury i reprezentatsii etnicheskoy identichnosti* [Modern Cuisine of the Altaians: Techniques for Imagining Food Culture and Representing Ethnic Identity]. *Vestnik Bryanskogo universiteta. Istoricheskie nauki i arkheologiya*. 1. pp. 52–55.

24. Mусаева, М.К. (2017) *Pokhoronno-pominal'naya obryadnost' narodov Dagestana v sovremennykh gorodskikh usloviyakh* [Funeral and Memorial Rituals of the Peoples of Dagestan in Modern Urban Conditions]. *Vestnik Instituta istorii, arkheologii i etnografii*. 4. pp. 115–124.

25. Osmanov, M.O. (1990) *Pechenye i varenye mучnye izdeliya i khlebopekarnye ustroystva v Dagestane v XIX – nachale XX v.* [Baked and Boiled Flour Products and Bakery Devices in Dagestan in the 19th – Early 20th Centuries]. In: *Sistema pitaniya narodov Dagestana* [Nutrition System of the Peoples of Dagestan]. Makhachkala: Dagestan Federal Research Center, Russian Academy of Sciences. p. 114.

26. Panukruhin, A.P. (2011) *Brendy i brending* [Brands and Branding]. *Prakticheskiy marketing*. 4 (170). pp. 4–15.

27. Ramazanova, Z.B. (2017) *Kul'tura pitaniya narodov Dagestana v XIX – nachale XXI v.* [The Food Culture of the Peoples of Dagestan in the 19th – Early 21st Centuries]. Makhachkala: Alef.

28. Ramazanova, Z.B. (2018) [Ritual and Festive Food]. *Gumanitarnye i sotsial'no-politicheskie problemy modernizatsii Kavkaza* [Humanitarian and Socio-Political Problems of the Modernization of the Caucasus]. Proceedings of the VI International Conference. Magas. 10–13 May 2018. Magas: KEP. pp. 357–371. (In Russian).

29. Ramazanova, Z.B. (2011) *Traditsionnaya pishcha narodov Nagornogo Dagestana v XIX – nachale XX vv.* [Traditional Food of the Peoples of Nagorno-Dagestan in the 19th – Early 20th Centuries]. Makhachkala: Institute of History, Archeology and Ethnography, Dagestan Federal Research Center, Russian Academy of Sciences.

30. Arutyunov, S.A. (ed.) (1989) *Svod etnograficheskikh ponyatiy i terminov* [Corpus of Ethnographic Concepts and Terms]. Moscow: Nauka.

31. Seferbekov, R.I. (2017) *Modernizatsionnye protsessy v material'noy kul'ture narodov Dagestana v noveyshee vremya* [Modernization Processes in the Material Culture of the Peoples of Dagestan in Modern Times]. *Sovremennaya nauka i innovatsii*. 3. pp. 255–264.

32. Gadzhieva, S.Sh. (ed.) (1971) *Sovremennaya kul'tura i byt narodov Dagestana* [Modern Culture and Life of the Peoples of Dagestan]. Moscow: Nauka.

33. *Molodezh' Dagestana*. (2022) I Have Coffee Grown in Tsumada. 09 November 2022. [Online] Available from: <https://md-gazeta.ru/obshchestvo/partnerskij-material-obshchestvo/118571> (Accessed: 10.12.2022). (In Russian).

34. Chernaya, I.P. (2002) Marketing imidzha kak strategicheskoe napravlenie territorial'nogo imidzha [Image Marketing as a Strategic Direction of the Territorial Image]. *Marketing v Rossii i za rubezhom*. 4. pp. 13–18.

35. Hinkal Brothers. (2023) *The Largest Selection of Khinkal in Makhachkala*. [Online] Available from: <https://hinkalbrothers.ru/> (Accessed: 05.01.2023). (In Russian).

Полная библиографическая ссылка на статью:

Рамазанова, З. Б. Дагестанские традиционные блюда и продукты питания как маркер народной культуры и бренд региона / З. Б. Рамазанова, Ф. А. Гаджалова. – Текст : электронный. – DOI 10.36343/SB.2023.34.2.002 // Наследие веков. – 2023. – № 2. – С. 31–45. – URL: <http://heritage-magazine.com/index.php/HC/article/view/544/464> (дата обращения: ДД.ММ.ГГГГ).

Full bibliographic reference to the article:

Ramazanova, Z. B. & Gadzhalova, F. A. (2023) Dagestan Traditional Dishes and Food as a Marker of Folk Culture and a Brand of the Region. *Nasledie vekov – Heritage of Centuries*. 2. pp. 31–45. (In Russian). DOI: 10.36343/SB.2023.34.2.002

ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ СТАТЬЯ

FULL ARTICLE

БАЗЕЯН Карине Размиковна

кандидат исторических наук, доцент,
старший научный сотрудник

Ширакского центра арменоведческих исследований
Национальной Академии наук Республики Армения,
Гюмри, Республика Армения

Karine R. BAZEYAN

Cand. Sci. (Ethnography (Ethnology)), Assoc. Prof,
Shirak Center for Armenological Studies,
National Academy of Sciences of the Republic of Armenia,
Gyumri, Republic of Armenia
bazeyan60@yandex.ru

УДК: [323.111+331.104.2]:334.724.6(479.25)“192/198”

ГРНТИ: 13.11.44

ВАК: 5.6.4.

DOI: 10.36343/SB.2023.34.2.003

К истории межкультурных связей в Армении: Ленинанканский текстильный комбинат (20–80-е годы XX века)

On the History of Intercultural Relations in Armenia: The Leninakan Textile Factory (1920s–1980s)

Анализ, проведенный в рамках исследования, направлен на определение значения, которое приобретали межкультурные контакты в пространстве взаимодействия, деятельностным ядром которого выступал производственный процесс на Ленинанканском текстильном комбинате в 20–80-е гг. XX в., а также на выявление способов реализации практик этого взаимодействия. Используются материалы ранее опубликованных научных и публицистических работ, статьи в местных и республиканских СМИ. В тесной связи с историей предприятия автором рассмотрены примеры межкультурных контактов его сотрудников, приехавших из городов РСФСР, с местными работниками и жителями города. Установлена степень важности межкультурного взаимодействия для развития комбината и городского социально-культурного пространства, определены механизмы, благодаря которым происходили контакты между представителями многонационального коллектива предприятия, выявлено содержание исторической памяти о предприятии в сознании жителей современного Гюмри.

Ключевые слова: Армения, Ленинанканский текстильный комбинат, межкультурная коммуникация, многонациональный коллектив, культурный обмен.

Сегодня невозможно найти этнические общности, которые не испытали бы на себе воздействие как со стороны культур других народов, так и более широкой обще-

ственной среды отдельных регионов и мира в целом. Ни одна культура не существует изолированно. В процессе своей жизнедеятельности она вынуждена постоянно обращаться

или к своему прошлому, или к опыту других культур.

Многочисленные исследования вопросов взаимодействия культур свидетельствуют о том, что содержание и результаты разнообразных межкультурных контактов во многом зависят от способности их участников понимать друг друга и достигать согласия, которое главным образом определяется этнической культурой каждой из взаимодействующих сторон, психологией народов, господствующими в той или иной культуре ценностями. В культурной антропологии эти взаимоотношения разных культур получили название «межкультурная коммуникация», которая означает обмен между двумя и более культурами продуктами их деятельности, осуществляемый в различных формах. Этот обмен может происходить как в политике, экономике, так и в межличностном общении людей в быту, семье, при неформальных контактах [9, с. 25], взаимодействии в процессе трудовой деятельности. В советский период, вообще характеризовавшийся значительной производственной мобильностью населения, такого рода межличностная коммуникация осуществлялась достаточно часто, при этом оказывая значительное влияние не только на ее участников, но и на все общество в целом. В Армении примером предприятия, сотрудники которого, представляя различные регионы многонационального СССР, взаимодействовали друг с другом, являлся Ленинанканский текстильный комбинат.

Текстильный комбинат города Ленинанкан (ныне Гюмри), созданный в 1924 г., был одним из крупнейших объединений текстильного профиля в Советском Союзе. По состоянию на 1984 г., комбинат обеспечивал городу 7 тысяч рабочих мест, что помогло развитию Ленинанкана, который до землетрясения 1988 г. являлся центром текстильной промышленности Закавказья. В строительстве текстильного комбината приняли участие представители более чем 15 национальностей, которые внесли свою лепту в становление предприятия. В последующих годах между местными и приезжими укреплялись социально-культурные связи. Культурный обмен происходил не только на рабочем уровне, но и в личностных от-

ношениях, что давало возможность познакомиться с культурой, историей, традициями и бытом друг друга. Так со временем сформировался многонациональный коллектив, для которого Ленинанканский текстильный комбинат стал вторым домом, а Ленинанкан — малой родиной.

В результате землетрясения 1988 г. производственные корпуса комбината частично были разрушены, а в 1990-е гг. — перестали функционировать, но память о текстильном комбинате до сих пор жива среди гюмрийцев и целый квартал города продолжает называться «Текстилем».

Исходя из того, что в наши дни существенно изменился и город, и городское население, прервалась связь между поколениями советского и постсоветского времени, становится актуальным рассмотреть и по-новому оценить роль культурного и профессионального общения в становлении и развитии индустриального облика Ленинанкана. Изучение позитивного опыта межкультурных контактов особенно востребовано в настоящее время, что характеризуется противоречиями, обострившимися в различных сферах общественной практики.

Роль и значение Ленинанканского текстильного комбината в народном хозяйстве Армянской ССР было действительно трудно переоценить, поэтому в советское время выходили в свет научные, научно-популярные и познавательные книги и брошюры, посвященные этому предприятию. Во всех изданиях (академических, учебных) по истории Советской Армении комбинат упоминается как пионер индустриализации и знаменосец легкой промышленности страны [3] [6] [7]. В связи с юбилейными датами на армянском и русском языках издавались обобщающие пройденный путь и достижения комбината книги, где особо делался упор на многонациональность трудового коллектива [10] [11]. В 1960–1970 гг. научным исследованием истории и деятельности текстильного комбината занимался А. Акопян [2]. В своих работах на основе архивных документов и материалов периодики он дает обстоятельное представление како зарождению, развитию и достижениях предприятия, так и о его людях — представителях разных национальностей.

Для раскрытия темы были использованы материалы периодической печати, среди которых особое место занимают ежедневная газета «Банвор» («Рабочий») — орган Ленггорсовета, журнал «Айастан и ашхатаворуи» («Работница Армении») и многотиражная газета комбината «Текстилагорц» («Текстильщик») [8] [4] [5].

Таким образом, история предприятия раскрыта в целом достаточно подробно, однако специальные исследования, посвященные межкультурным контактам, возникавшим на основе трудового процесса, до сих пор не проводились.

Данное исследование нацелено на выявление значения межкультурного взаимодействия приезжих специалистов и местных жителей как для производственной деятельности Лениканского текстильного комбината, так и для городского социально-культурного пространства, а также призвано определить способы осуществления данного взаимодействия в процессе реализации сотрудниками предприятия трудовых и досуговых практик. При этом использовались материалы средств массовой информации, вышедших в изучаемый период, данные исследователей и иных авторов, ранее изучавших историю Лениканского текстильного комбината, а также наблюдения автора. Методологической и теоретической основой для выявления различных аспектов межкультурных контактов сотрудников изучаемого предприятия послужили инструментальные исторической науки (историко-генетический и системно-исторический подходы, диахронный и ретроспективный методы), а также некоторые методы этнологии, применяемые при изучении межэтнических отношений (деятельностный подход и теория этнических установок). Для достижения цели исследования последовательно-хронологически прослежена история предприятия, особое внимание обращено на факты, свидетельствующие о межкультурном взаимодействии, возникавшем на основе производственного процесса, обмена трудовым опытом. При этом предполагается рассмотреть примеры межкультурных контактов в разные периоды истории предприятия и по-

казать, каким образом реализовывалась практика межкультурного взаимодействия, выявив тем самым способы подобной реализации.

Данное исследование будет способствовать выявлению основных компонентов межкультурной коммуникации в производстве и бытовой среде, а также послужит расширению знаний, связанных с проблемами культурализации иноэтничных рабочих и их интеграции в армянскую культуру.

* * *

Еще в 1922 г., когда после турецких интервенций и оккупаций Александрополя в 1918 и 1921 гг. в республике сложилось очень тяжелое положение, руку братской помощи протянуло советское правительство. В. И. Ленин выразил председателю Совета Народных Комиссаров А. Мясникяну решимость несмотря на тяжелую ситуацию всемерно помочь Армении, и это стремление нашло отклик у текстильщиков из города Вычуги Ивановской области. Узнав о том, что в Армении решено создать хлопчатобумажный комбинат, они прислали в Александрополь 410 ткацких станков и прядильные машины на 16 тысяч веретен с письмом, в котором написали: «Дорогие братья армяне! Примите наш скромный подарок, который будет вкладом в расцвет вашей текстильной промышленности» (перевод наш — К. Б.) [7, с. 12]. Для установки этих станков приехали механики, мастера, инженеры, ремонтники и другие специалисты, которые обучали местных рабочих. После этого по комсомольским путевкам сюда прибыли опытные текстильщики из Иваново, чтобы наладить оборудование и поделиться секретами своего мастерства, они взяли шефство над фабрикой по подготовке кадров. В начале 1924 г. организовывается учебная мастерская. Одновременно многие местные работники повышали свою квалификацию на предприятиях разных городов РСФСР.

В строительстве Лениканского текстильного комбината в последующем принимала участие вся страна — представители более чем 15 национальностей. Из Москвы, Иваново, Серпухова и других российских городов сюда приехали сотни строителей, монтажников, текстильщиков, чтобы помочь построить

комбинат и освоить производство хлопчатобумажной ткани, поделиться своим опытом и секретами мастерства. 22 июня 1924 г. впервые заработали цеха будущего текстильного комбината. 113 молодых ткачей под наблюдением своих мастеров-наставников из Вычуги встали за станки. Пошли первые метры пряжи, первые метры белой бязи, что подняло трудовой дух ленинканских рабочих. Рождение комбината совпало с переименованием города в Ленинакан, после кончины В. И. Ленина.

В 1927 г. сюда прибыли английские ткацкие станки типа «Брукс» и «Доксей», а в 1928 г. — германские станки «Артман», которые наладили немецкие специалисты с местными работниками. В 1928 г. вступила в строй новая прядильная фабрика, а в 1930 г. была сдана в эксплуатацию новая ткацкая фабрика [2, с. 14]. В 1939 г. эти фабрики объединились в текстильный комбинат, где продолжали работать специалисты, в основном прядильщики и ткачи, как из Армении, так и из других республик СССР.

Надо отметить, что культурный обмен состоялся не только на рабочем уровне, но и в личностных отношениях, где выявлялись человеческие качества коммуникантов. Это давало возможность познакомиться с культурой, историей, традициями и бытом народов и лучше узнать друг друга. Считаю уместным привести две истории из воспоминаний людей, принимавших участие в становлении текстильного комбината. Начальник опорно-обертывающего цеха текстильной фабрики С. Агаронян с большой любовью вспоминал Павла Лепенкова — «высокоразвитого человека со светлой душой», кого он считал своим учителем и кому был обязан становлению как мастера-текстильщика. «Он не только учил меня накрахмаливанию ткани, но и нашел время рассказать о своей родине — о России, о революции и ее вождях» (*перевод наш — К. Б.*) [1, с. 33].

Другое воспоминание от ровничницы А. Гавриной, которая приехала из Иваново: «...Зима 1929 года. Из далекой Армении к нам приехала делегация ленинканских текстильщиков. Во всех уголках фабрики зазвучал призыв — поможем братской республике кадрами прядильщиков. Началась запись

добровольцев, записалась и я. С тех пор моя судьба тесно переплелась с Ленинканским текстильным комбинатом. В Ленинкане ивановских текстильщиц встретили как родных дочерей: предоставили жилье, на производстве создали условия для плодотворной работы. Нашей главной заботой в то время было не только больше производить пряжи, ровницы, но и научить молодых неопытных работниц» [3, с. 71].

Большое количество материалов об армянских и приглашенных специалистах, принимавших участие в создании и развитии текстильного комбината, содержится в публикациях прессы того времени, в частности ленинканской газете «Банвор» («Рабочий») [8] и журнале «Айастани ашхатаворуи» («Работница Армении») [4] [5]. Интересно, что в них представлены как успехи, так и неудачи, указаны все проблемы, которые со временем были решены. Примечательно, что критике подвергались все, будь то местные или приезжие рабочие и мастера, кто проявлял равнодушие, а иногда и нетерпимое поведение. Например, в статье «Те, кто мешает выполнению планов» в одном из номеров газеты «Банвор» резкой критике подвергаются приехавшие из Москвы подмастерья Юсуф Рыжаков, Михаил Табелкин, Миша Коваленко и др., которые нарушали рабочую дисциплину, прогуливали и пытались саботировать работу фабрики. По решению партийной и профсоюзной организации их уволили, а работников, выполнивших планы, наоборот, наградили орденами, медалями и благодарностями [8].

Интересные истории о текстильщицах, в том числе и приехавших по комсомольским путевкам, представлены в журнале «Айастани ашхатаворуи», один номер которого полностью посвящен российским прядильщицам-многостаночницам [5].

Несмотря на все трудности, комбинат быстро развивался, но Великая Отечественная война остановила строительство. В течение 1941–1945 гг. ленинканские текстильщики выработали 61 миллион метров ткани для нужд Советской Армии. Фронт особенно остро нуждался в материале для обмундирования — диагонали. В короткие сроки было налажено его производство.

В суровые годы войны бок о бок с ленинканцами трудились текстильщики города Вычуги — помощники мастеров В. Горохов, П. Мухин, ткачихи Е. Горохова, А. Тихомирова, Л. Ефимова и др., приехавшие сюда по комсомольским путевкам. В эти же годы в Ленинанкан было эвакуировано несколько сотен семей из Серпухова, Наро-Фоминска и других городов России. Их радушно встретили на комбинате, предоставили работу, обеспечили квартирами. После войны эти семьи вместе с вычужанцами вернулись в свои родные края.

Вместе со всем советским народом коллектив текстильщиков активно участвовал в сборе средств для производства танков, самолетов, а также для восстановления разрушенных городов и сел. Более 7 миллионов рублей внесли ленинканские текстильщики в фронтовую копилку [11, с. 17].

После войны комбинат стал расширяться: в 1947 г. началось сооружение нового здания отделочной фабрики. Из Москвы для оказания помощи монтажникам на комбинат прибыла группа молодых специалистов, которые, совмещая работу с напряженной учебой на специальных семинарах, повышали свои технические и теоретические знания. Многие из них остались здесь работать. В 1955 г. отделочная фабрика выпустила первую партию набивных тканей, в освоении этой технологии опять-таки большую помощь оказала группа рабочих-специалистов из Москвы. Опытные мастера комбината «Трехгорная мануфактура» — реклисты И. Марков и Х. Четверняков, инструктор-гравёр И. Прозоров и др. научили ленинканцев Варданяна и Хуршудяна разным методам окрашивания, отбеливания и набивки хлопчатобумажных тканей [10, с. 38].

Впоследствии с каждым годом укреплялись не только профессиональные, но и социально-культурные связи между текстильщиками Ленинанкана. По тем же комсомольским путевкам сюда приехали тысячи молодых девушек, которые, освоив профессии ткачихи, прядильщицы и т.д., вышли на передовые рубежи и стали делегатами комсомольских и партийных конференций и съездов, а также депутатами разных уровней советов. Многие из них остались в Ленинанкане, обжа-

велись семьями. Почти все приезжие невесты ленинканцев быстро осваивали армянский язык, традиции и обычаи. Так сформировался многонациональный коллектив текстильщиков, для которых ленинканский текстильный комбинат стал вторым домом.

Примечательно, что если в 1924–1939 гг. русские текстильщики учили армянских тонкостям работы и профессиональным навыкам, то в послевоенные годы уже армянские, местные ткачихи, прядильщицы и другие мастера стали наставниками для комсомольцев, приехавших из разных регионов СССР. Набор рабочей силы для комбината с конца 1950-х гг. выполняли вербовщики из разных республик СССР, а весь процесс возглавлял замдиректора комбината по учебной части, который не только организовывал прием добровольцев, обеспечивал их общением с приличными условиями, но и помогал освоению профессии в школах фабрично-заводского ученичества (ФЗУ) по ускоренной учебной программе. Не случайно, что даже в 1970-е гг., когда перестали функционировать эти учебные заведения, ленинканцы продолжали называть девушек, приехавших трудиться на комбинат, «фезейками».

Молодые ткачихи, работающие здесь за сотни и тысячи километров от родного дома, столкнувшись с первыми трудностями рабочего становления, не падали духом, а терпеливо и упорно стремились к достижению поставленной цели. Одной семьей, общими интересами жили и трудились на Ленинанканском текстильном комбинате представительницы 19 национальностей из РСФСР, Украины, Белоруссии, Грузии, Молдавии, Татарстана, Башкирии и других союзных и автономных республик. Это Лидия Дерешпак, Наталья Губа, Татьяна Волкова, Александра Перфилова, Людмила Синева, Анна Макаруч, Евгения Гарабе, Светлана Таргони и многие другие, для которых ленинканский текстильный комбинат стал вторым домом, родным и любимым. Для них чувство дружбы и взаимоважения были главными качествами личности, так как они считали, что «нет крепче дружбы, чем трудовой» [6, с. 62]. Эта дружба отражена также в издаваемом с 1959 г. многотиражном еженедельнике «Текстилагорц» («Текстильщик»), выходявшем на двух язы-

ках. Не случайно, что в 1974 г. Верховным Советом СССР многонациональный коллектив комбината был награжден орденом «Дружбы народов».

Большое внимание уделялось и организации досуга текстильщиков. Свободное время они проводили во Дворце культуры и в спорткомплексе комбината «Арагац», участвовали в разных вечерних культурных мероприятиях, в спортивных кружках, где знакомились со своими будущими супругами, так как эти заведения были и любимыми точками досуга ленинканцев. А для местной молодежи особыми местами были общежития текстильщиц, которые притягивали местных ловеласов. В городе сформировалась уникальная субкультура «фезейщиков» — в основном юношей и молодых мужчин, которые большую часть времени проводили под стенами общежитий текстильной фабрики и пытались ухаживать за приезжими девушками. Для части местного населения, особенно для женщин, это считалось отрицательным явлением, и с этим пытались бороться местные органы власти и общественные организации. Следует отметить, что многие из носителей упомянутой субкультуры действительно связали свою супружескую жизнь с фезейками. Были случаи, когда молодые ленинканцы, женившись на текстильщице, переезжали жить на ее родину.

К сожалению, в результате Спитакского землетрясения 1988 г. были разрушены производственные корпуса комбината, в основном те здания, которые были построены в 1960–1970-гг., а старые корпуса 1920–1930-х гг. постройки остались невредимыми. В последующие годы, до распада СССР, были предприняты тщетные попытки вернуть производственные мощности комбината. В 1990-е гг. он пришел в упадок, вскоре был расформирован, и несколько тысяч специалистов остались без работы. Большая часть приезжих и некоторые смешанные семьи покинули город и вернулись на родину.

В наши дни на месте прядильной фабрики построен жилой комплекс, административное здание комбината превратилось в торговый центр, а на месте производственных корпусов — пустырь. Но память о текстильном

комбинате до сих пор жива среди гюмрийцев, и целый квартал города продолжает называться «Текстилем». А Дворец культуры текстильщиков и спорткомплекс «Арагац» продолжают функционировать под теми же названиями даже после приватизации частным юридическим лицом.

* * *

Итак, за период деятельности Ленинканского текстильного комбината на основе производственного процесса был реализован опыт межкультурного взаимодействия, в котором участвовали представители более чем полутора десятков национальностей. Сотрудничество, осуществлявшееся в рамках трудового коллектива, приносило свои результаты на всех этапах истории предприятия и имело взаимовыгодный характер, будучи нацеленным на развитие комбината, увеличение его производительности. Особенно активный характер оно приобретало в сложный период 20-х гг. XX в., когда происходило формирование производственных мощностей предприятия, и в трудные годы восстановления народного хозяйства после Великой Отечественной войны.

Межкультурное взаимодействие, осуществлявшееся между сотрудниками комбината, проявлялось:

- в совместной трудовой деятельности, в процессе которой решались многочисленные рабочие задачи, требовавшие актуализации вербальных, невербальных и деятельностных форм межличностного (а, следовательно, если речь идет о представителях разных культур) и межкультурного взаимодействия;
- в обмене информацией общественно-политического и социокультурного характера в процессе производственной и досуговой коммуникации;
- в публикациях в местной и республиканской прессе, связанных с рабочими буднями и достижениями приезжих специалистов; эти публикации, впрочем иногда носившие критический характер, представляли собой форму «заочного» межкультурного взаимодействия;
- в заключении межэтнических семейных союзов, наличие которых выводило межкультурную коммуникацию на совершенно

новый уровень, поскольку складывание таких семей способствует интенсификации процессов межкультурной интеграции и стабилизации общественной системы в целом.

Значение межэтнических контактов для истории Ленинанского комбината действительно трудно переоценить — без участия советских инженеров, ткачей, текстильщиков на начальном этапе деятельности предприятия потребовалось бы значительно больше времени для организации и развития производства. Приезжие специалисты, безусловно, оказывали свое влияние на социокультурную жизнь Ленинанка в течение более чем 60 лет, вместе с тем и армянские производственники, выезжавшие с целью обмена профессиональным опытом в РСФСР, способствовали складыванию экономических и культурных связей между народами двух советских республик.

Ощутимое влияние оказали межэтнические контакты и на социально-культурную жизнь города, поскольку российские специалисты смогли не только разнообразить этнический состав его населения, но и, адаптиро-

вавшись, стать одной из составляющих частей местного сообщества, элементом его пестрой культурной палитры. К тому же приведенные примеры показывают, что межэтническое общение, проникнутое взаимной доброжелательностью, способствовало повышению общей культуры всех горожан — и местных, и приезжих, а также содействовало формированию и развитию гуманистических ценностей ориентаций, взглядов и представлений.

Не стоит забывать и о подлинно многонациональном характере межкультурных контактов, возникавших «на площадке» комбината, ведь в них были вовлечены не только собственно армяне и русские, но и представители многих других народов, проживавших в советской стране. Во многом благодаря позитивным результатам межкультурной коммуникации, движущей силой которой являлся производственный процесс, память о ныне уже не существующем Ленинанском текстильном комбинате до сих пор является неотъемлемой частью образа прошлого для многих жителей современного Гюмри.

Karine R. BAZEYAN

Cand. Sci. (Ethnography (Ethnology)), Assoc. Prof,
Shirak Center for Armenological Studies,
National Academy of Sciences of the Republic of Armenia,
Gyumri, Republic of Armenia
bazeyan60@yandex.ru

***On the History of Intercultural Relations in Armenia:
The Leninakan Textile Factory (1920s–1980s)***

Abstract. The study is aimed at identifying the importance of intercultural interaction between visiting specialists and local residents both for the production activities of the Leninakan Textile Factory (Armenian SSR, 1920s–1980s) and for the urban socio-cultural space. It is also aimed at determining ways of implementing this interaction in employees' labor and leisure practices. Materials of the mass media published during the period under study, as well as data and observations of researchers and other authors who had previously studied the history of the plant, were used. The set of research methods was formed on the basis of the tools of historical science (historical-genetic and system-historical approaches, diachronic and retrospective methods), as well as some approaches and methods used in ethnology in the study of interethnic relations (activity approach and the theory of ethnic attitudes). The author gives facts about the development of production capacities in the pre-war period, with an emphasis on the interpersonal aspects of cultural exchange; presents memories of people who worked at the enterprise at that time or participated in providing professional assistance to Leninakan textile workers; analyzes facts that testify to the activities of the enterprise during the years of the Great Patriotic War; notes the participation of Russian specialists with Komsomol travel tickets who arrived during this period, emphasizing the cordial attitude towards visiting specialists in Armenia. The author

characterizes forms of professional assistance provided in the 1940s–1950s (enhancing of personnel potential by young specialists from Moscow, training of Armenian masters by Moscow instructors) and notes the constant strengthening of the social and cultural ties of Leninakan textile workers of different nationalities in the post-war period. Intercultural communication between visitors and local employees of the enterprise was carried out through (1) joint labor activity, (2) the exchange of information of a socio-political and socio-cultural nature in industrial and leisure communication, (3) publications in the local and republican press related to workers' everyday life and visiting specialists' achievements, (4) interethnic marriages. Russian specialists were able not only to diversify the ethnic composition of the population of Leninakan (now Gyumri), but also, having adapted, to become one of the constituent parts of the local community, an element of its colorful cultural palette.

Keywords: Armenia, Leninakan Textile Factory, intercultural communication, multinational staff, cultural exchange.

Использованная литература:

1. Агаронян С. Всегда с родным и любимым коллективом // Текстильщики Великому Октябрю. Ленинанкан: Изд-во Министерства культуры Арм. ССР, 1957. С. 32–34. (на арм. яз.)
2. Акопян А. А. Из истории Ленинанканского текстильного комбината // Вестник общественных наук. Ереван. 1970. № 7. С. 12–20 (на арм. яз.)
3. Гаврина А. 30 лет на производстве // Текстильщики Великому Октябрю. Ленинанкан: Изд-во Министерства культуры Арм. ССР, 1957. С. 70–71.
4. Гаспарян Ш. О проблемах дня текстильного комбината // Айастан ашхатаворуи (Работница Армении). 1939. № 7. С. 23. (на арм. яз.)
5. Еще более расширить движение многостанковщиков // Айастан ашхатаворуи (Работница Армении). 1940. № 7. С. 3–9. (на арм. яз.)
6. Карапетян Т. Е. Слово о ленинанканских текстильщиках. Ереван: Айастан, 1984.
7. На Ленинанканском текстильном комбинате. Ереван: Айпетрат (Армянское государственное издательство), 1961. (на арм. яз.)
8. Оганесян М. Те, которые мешают исполнению планов // Банвор (Рабочий). 1931. № 24 (1181). С. 3. (на арм. яз.)
9. Садохин А. П. Межкультурная коммуникация: учеб. пособие. М.: Альфа-М, ИНФРА-М, 2004.
10. Споркин А. Отделочная фабрика на полном ходу // Текстильщики Великому Октябрю. Ленинанкан, 1957. С. 37–39. (на арм. и рус. яз.)
11. Текстильщики Ширака 1924–1974. Ереван: Айастан, 1974.

References:

1. Aharonyan, S. (1957) Always with Dear and Beloved Team. In: *Textile Workers on the Great October*. Leninakan: Ministry of Culture of the Armenian SSR. (In Armenian).
2. Hakobyan, H. (1970). A Piece of History of the Leninakan Textile Factory. *Herald of Social Sciences*. 7. (In Armenian).
3. Gavrina, A. (1957) 30 Years in Production. In: *Textile Workers on the Great October*. Leninakan: Ministry of Culture of the Armenian SSR. (In Russian).
4. Gasparyan, Sh. (1939) Daily issues of the textile factory. *Worker of Armenia*. 7. p. 23. (In Russian).
5. *Worker of Armenia*. (1940) To expand the movement of multi-loom workers. 7. pp. 3–9. (In Armenian).
6. Karapetyan, T. (1984) *Slovo o leninakanskikh tekstil'shchikakh* [A Word About the Leninakan Textile Workers]. Yerevan: Hayastan.
7. Hayastan. (1961) *In the textile factory of Leninakan*. Yerevan: Hayastan. (In Armenian).
8. Hovhannisyanyan, M. (1931) Those who prevent the implementation of plans. *Worker*. 24 (1181). p. 3. (In Armenian).
9. Sadokhin, A. (2004) *Mezhkul'turnaya kommunikatsiya* [Intercultural Communication]. Moscow: Alfa-M; INFRA-M.
10. Sporokin, A. (1957) Finishing room in full operation. In: *Textile Workers on the Great October*. Leninakan: Ministry of Culture of the Armenian SSR. (In Russian).
11. Hayastan. (1974) *Tekstil'shchiki Shiraka 1924–1974* [Textile workers of Shirak 1924–1974]. Yerevan: Hayastan.

Полная библиографическая ссылка на статью:

Базеян, К. Р. К истории межкультурных связей в Армении: Ленинанканский текстильный комбинат (20–80-е годы XX века) / К. Р. Базеян. – Текст : электронный. – DOI 10.36343/SB.2023.34.2.003 // Наследие веков. – 2023. – № 2. – С. 46–53. – URL: <http://heritage-magazine.com/index.php/HC/article/view/556/459> (дата обращения: ДД.ММ.ГГГГ).

Full bibliographic reference to the article:

Bazeyan, K. R. (2023) On the History of Intercultural Relations in Armenia: The Leninakan Textile Factory (1920s–1980s). *Nasledie vekov – Heritage of Centuries*. 2. pp. 46–53. (In Russian). DOI: 10.36343/SB.2023.34.2.003

ПАМЯТНИКИ ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЫ

HISTORICAL AND CULTURAL MONUMENTS

ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ
СТАТЬЯ

FULL ARTICLE

ЛАХТИОНОВА *Елизавета Сергеевна*

кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России
Уральского федерального университета
имени первого Президента России Б. Н. Ельцина
Екатеринбург, Российская Федерация

Elizaveta S. LAKHTIONOVA

Cand. Sci. (National History), Assoc. Prof.,
Ural Federal University named after
the first President of Russia B. N. Yeltsin,
Yekaterinburg, Russian Federation

elza1982@yandex.ru

ORCID: 0000-0002-8414-4540

УДК: [725.4:351.853]:070(470.54)“197/198”

ГРНТИ: 13.61.09

ВАК: 5.6.1.

DOI: 10.36343/SB.2023.34.2.004

**Зарождение деятельности
по сохранению индустриального
наследия в Свердловской области
в 1970–1980-е годы
(по материалам региональной
периодической печати)**

**The Inception of Activities
for the Preservation of Industrial
Heritage in Sverdlovsk Oblast
in the 1970s–1980s
(Based on the Materials
of the Regional Periodical Press)**

Цель статьи – реконструкция начального этапа деятельности общественных и политических акторов по сохранению индустриального наследия в Свердловской области и определение значения периодической печати для этой деятельности на данном этапе. Источниками, спектр которых определил научную новизну исследования, послужили материалы, опубликованные в региональной периодической печати в 1970–1980-е гг. Проведен их анализ по жанровой принадлежности, тематике и целям создания, а также по тому, кто является их автором. Уделено внимание характеристике объектов индустриального наследия и способам их сохранения. Делается вывод об увеличении в 1980-е гг. количества публикаций на тему необходимости сохранения памятников индустриального наследия, что должно было выражаться, с точки

зрения авторов газетных статей, в выявлении таких объектов, постановке их на учет, изучении и музеефикации. Данная тенденция соответствовала общегосударственной политике по охране историко-культурного наследия нашей страны.

Ключевые слова: индустриальное наследие, памятник, музеефикация, периодическая печать, Свердловская область, Всероссийское общество охраны памятников истории и культуры.

Введение. Во второй половине 1960-х гг. в СССР активизируется движение по сохранению историко-культурного наследия, что было обусловлено созданием в 1965 г. Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры (далее — ВООПИК), деятельность которого в полной мере разворачивается по всей стране к началу 1970-х гг. [33]. Среди памятников, по отношению к которым также осуществлялась охранная деятельность, были объекты промышленного прошлого, которые сейчас именуются памятниками индустриального наследия. Согласно определению, предложенному профессором В. В. Запарием, под индустриальным наследием понимается часть историко-культурного наследия, включающая материальные объекты индустриальной и технической культуры (производственные центры, склады и хранилища, электростанции, транспорт и его инфраструктура), а также социальную среду, которая сопровождала деятельность предприятий [18, с. 187].

Тема сохранения индустриального наследия в России и на Урале изучена российскими учеными достаточно хорошо [20]. Вопросы теоретико-методологического осмысления различных аспектов этой темы представлены в работах В. В. Алексеева [1], Е. В. Алексеевой [2], В. В. Запария [17], Т. Ю. Быстровой [9], М. С. Штиглиц [47]. В частности, был подготовлен глоссарий [4], являющийся результатом многолетних исследований и представляющий собой анализ имеющихся российских и зарубежных понятий, концепций и нормативно-правовых документов, связанных с индустриальным наследием. Изучением уральской специфики индустриального наследия, кроме вышеназванных ученых, занимаются А. Е. Курлаев [27] [28], Е. А. Курлаев [28], Л. Е. Добрейцина [16], О. А. Шипицына [46]. Все они отмечают наличие на Урале большого количества

памятников индустриального наследия, нуждающихся в активизации деятельности по их сохранению. Советский период в этой деятельности почти не исследован, однако и здесь необходимо назвать имена Ю. А. Кузовенковой [23] и Е. С. Лахтионовой [31]. Последняя также затрагивает вопрос об освещении в 1980-е гг. на страницах центральной периодической печати проблемы сохранения индустриального наследия [30].

Следует отметить, что исследований, связанных с изучением истории движения за сохранение отечественного индустриального наследия на основе анализа материалов региональной периодической печати, пока не имеется. А ведь изучение реакции общественности на проблему сохранения такого рода памятников является одним из методов, позволяющих понять степень востребованности решения этой проблемы в целом в государстве. Один из источников, который можно и нужно использовать для этого, — периодическая печать [35].

Цель исследования — по материалам региональных газет, выходивших в Свердловской области, определить характерные черты начального этапа охранной деятельности в отношении памятников индустриального наследия и выявить значение печатных средств массовой информации в данной деятельности. Периодическая печать является особой формой исторического источника, отражающей события, происходящие в обществе, с большой долей точности. Зачастую именно через материалы периодической печати можно в первую очередь определить настрой и направленность общественности по отношению к какому-то животрепещущему вопросу. Другие исторические источники, в виде, например, делопроизводственной документации, хранящейся в архивах, еще не от-

ражают реальный настрой в полной мере, как бы опаздывая в этом направлении. В рамках анализа материалов периодической печати нужно решить следующие задачи: определить жанровую принадлежность изученных материалов, проанализировать их тематику, цели написания, авторский состав; изучить, какие именно памятники промышленного наследия и научно-технического направления, по мнению авторов статей, нужно было подвергнуть изучению и сохранению, и в каких формах предлагалось это осуществить.

Актуальность заявленной научной проблемы состоит в том, что в настоящее время наблюдается активизация изучения исторического опыта, связанного с охраной памятников индустриального наследия [20]. Нужно отметить, что дело сохранения памятников — это не только задача государственных органов. Это прежде всего задача народа, об истории, культуре или деятельности которого свидетельствуют те или иные памятники. Объекты промышленного наследия, достижения научного и технического творчества также нуждаются в заботе и охране со стороны потомков создателей этих объектов. Периодическая печать как раз фиксирует отношение общества к необходимости сохранения данных памятников, реализуя таким образом свое практическое назначение [28]. Кроме того, что периодическая печать выступает своеобразной «лакмусовой бумагой» социальной действительности, она активно способствует формированию общественного мнения, что будет продемонстрировано в данной статье.

Выбор в качестве хронологических рамок для исследования 1970–1980-х гг. обусловлен тем, что в этот период в СССР появляются элементы охранной деятельности по отношению к объектам индустриального наследия, что выражалось в их выявлении, изучении, постановке на учет, музеефикации [31, с. 451].

В процессе данного исследования были изучены публикации в 8 наименованиях периодических изданий, а именно — в газетах, относящихся к разным географическим уголкам Свердловской области. Хронологические рамки исследуемых публикаций — 1970–1980-е гг. Вид издания — официальное, то есть «пу-

бликуемое от имени государственных органов, учреждений, ведомств или общественных организаций, содержащее материалы нормативного или директивного характера» [14, с. 5]. По принципу территориального распространения в исследовании были использованы региональные (областные) и местные (городские, районные) газеты.

Отбор конкретных наименований периодических изданий был обусловлен их привязкой к определенной территории, на которой имелись в большом количестве памятники индустриального прошлого Свердловской области. Это следующие газеты: «Алапаевская искра» (Алапаевск), «Артемовский рабочий» (Артемовский), «Звезда» (Невьянск), «Каменский рабочий» (Каменск-Уральский), «Кушвинский рабочий» (Кушва), «Маяк» (Сысерть), «Рабочая правда» (Полевской), «Уральский рабочий» (Свердловск).

Все эти газеты являлись печатными органами партийных комитетов и советов депутатов трудящихся различных административных единиц Свердловской области, выступая от лица КПСС и государства. Многими исследователями отмечается полная зависимость советских СМИ от партийной идеологии и государственной политики [37, с. 84–104]. Это, конечно, нужно учитывать при анализе содержания изучаемых материалов по поставленной нами проблеме.

В рамках исследования применялся типологический анализ. Для этого автором были выделены следующие типобразующие признаки для характеристики материалов: издатель, место издания, цели издания, читательская аудитория, авторский состав, цели публикаций. При непосредственном анализе текста статей был использован качественный (содержательный) анализ для последовательного отражения явлений общественной жизни в контексте советской истории. Также были использованы стандартные исторические методы: историко-сравнительный (позволил сопоставить информацию, полученную из газет, с реальными фактами исторической действительности); историко-генетический (помог выявить причины появления в газетах тех или иных материалов, связанных с сохранением индустриального наследия). Для верифика-

ции фактов, изложенных в газетных статьях, автор обращался к изучению архивных материалов, хранящихся в Центре документации общественных организаций Свердловской области (Екатеринбург): Постановлениям Свердловского облисполкома, протоколам заседаний Президиума Совета ВООПИК, переписке ВООПИК с государственными структурами и частными лицами.

Научная новизна и теоретическая значимость данного исследования определяется тем, что впервые деятельность различных акторов по сохранению памятников индустриального наследия изучается на материалах региональной периодической печати, для чего был обработан большой массив информации. Результаты работы могут быть использованы в качестве дополнения к реконструкции истории движения за сохранение промышленного наследия в нашей стране.

Авторский состав, тематика статей и цели их написания. В рамках проведенного исследования были изучены материалы в 8 наименованиях газет за 20 лет (1970–1989 гг.). Это составляет примерно 7900 выпусков (за исключением некоторых выпусков, которые автор не смог найти в свободном доступе). Среди газетных жанров, которые были представлены в изученных материалах и которые так или иначе связаны с интересующей нас тематикой, можно выделить информационный (заметка, репортаж) и аналитический (статья). Всего было выявлено 44 статьи, 45 заметок, 27 репортажей.

Применяя метод содержательного анализа текста, в тематике изученных материалов можно условно выделить следующие группы: деятельность ВООПИК в отношении памятников индустриального наследия (8 статей, 21 заметка); деятельность по сохранению какого-то конкретного памятника индустриального наследия (12 статей, 6 заметок); охранная деятельность в отношении памятников индустриального наследия целого района в рамках Свердловской области (5 статей, 0 заметок); освещение проблемных точек и наиболее важных вопросов в деятельности по сохранению памятников (16 статей, 0 заметок); функционирование имеющихся или

создание новых заводских музеев, или музеев трудовой славы (3 статьи, 18 заметок, 27 репортажей).

Таким образом, статьи были в основном направлены на освещение (иногда достаточно подробное) деятельности государственных органов, ВООПИК или отдельных жителей по сохранению памятников индустриального наследия с целью привлечь внимание широкой общественности к конкретным проблемам, которые можно и нужно было решить. Заметки и репортажи же содержали в себе краткую характеристику деятельности ВООПИК в отношении того или иного памятника, а также информировали читателей о функционировании уже созданных заводских музеев или открытии новых.

Немаловажное значение для проведения анализа материалов периодической печати имеет характеристика авторов газетных статей, а также цели их написания.

Среди авторов нужно отметить представителей ВООПИК, организации, которая не боялась поднимать для обсуждения самые злободневные вопросы, например о халатном отношении к памятнику республиканского значения со стороны дирекции завода. Так, Ф. Ф. Васильев, занимавший должность ответственного секретаря Сысертского отделения ВООПИК, написал целый ряд статей в газете «Маяк» [10] [11] [12] [13]. Главной темой его публикаций были памятники истории и культуры Сысертского района: «История нашего района богата большими событиями, о них нельзя забывать. Использование памятников и событий, с ними связанных, помогает в идеологической работе, в воспитании молодежи» [10, с. 2]. Разумеется, писал он и о памятниках промышленной архитектуры, уделяя особое внимание надзору за их сохранностью. Дело в том, что ответственность за сохранность объектов, получивших статус памятника, должны были нести промышленные предприятия или иные организации, на территории которых, как правило, находился памятник [19]. Этот вопрос часто становился темой для статей Ф. Ф. Васильева, хвалившего или порицавшего ответственных акторов, вынося таким образом данную проблему на публичное обсуждение.

Нужно сказать, что деятельности ВООПИК было посвящено 8 статей и 21 заметка. Авторами их также были, как правило, члены данной общественной организации. Привлекалось внимание к значительному вкладу ВООПИК в дело выявления, изучения и сохранения памятников историко-культурного наследия, в том числе и индустриального. Это статьи Э. А. Потаповой о Сысертском отделении ВООПИК [36], П. Н. Бабушкина о Кушвинском отделении [7].

Также нельзя обойти вниманием и профессиональных журналистов, также публиковавшихся по интересующей нас тематике. Среди них нужно особо отметить роль и вклад Т. Ю. Курашовой, корреспондента газеты «Уральский рабочий» [34, с. 15–16]. Ее статьи, посвященные разрушению Северной домны, в 1982 г. имели серьезный результат, вызвав волну негодования халатной деятельностью дирекции Северского трубного завода по отношению к уникальному памятнику [25] [26]. В результате общественного резонанса был инициирован и реализован в 1980-е гг. процесс по восстановлению и музеефикации Северной домны.

Авторами статей становились представители городских и заводских музеев, стремящиеся своими публикациями привлечь внимание общественности к проблеме выявления, изучения и сохранения памятников. Например, это член совета городского музея г. Артемовского И. В. Антропов [5] [6], а также директор Свердловского краеведческого музея А. Д. Бальчугов [8]. Последний входил с 1966 г. в Совет Свердловского областного отделения ВООПИК, в составе секции братских могил и памятников воинской славы [44, л. 14]. Также нужно отметить В. М. Колегова, краеведа, члена совета Сысертского народного музея, члена совета Свердловского краеведческого музея. Он не только писал статьи в различные газеты, но и составлял необходимую документацию по памятникам промышленной архитектуры по запросу от Свердловского областного отделения ВООПИК [43, л. 1–2].

Среди тех, кто придавал большое значение сохранению памятников историко-культурного наследия, был Б. С. Рябинин, известный уральский писатель. Его статья «Чти

следы прошлого» в газете «Уральский рабочий» касается также необходимости сохранения объектов индустриального прошлого на примере Екатеринбургского завода «Монетка». В связи с этим он отмечает значимость и влияние публикаций в СМИ для решения того или иного вопроса: «Свердловчанам известна попытка уничтожить всякие признаки “Монетки”, откуда пошел Екатеринбург-Свердловск. По этому поводу шел большой разговор в печати. Отмечалось, кстати, что в стенах “Монетки” зарождались и крепились революционные традиции русского пролетариата, а сама плотина, корпуса заводских зданий представляют замечательный архитектурный ансамбль эпохи русского классицизма» [38]. Далее он предлагает решение, когда старые сооружения и здания не вписываются в новый ландшафт города: нужно призвать на помощь архитекторов и других специалистов, чтобы «не портя облика города или поселка, увязать старое с новым» [38].

Таким образом, статьи в региональной печати по интересующей нас проблематике писали в первую очередь люди неравнодушные. Во-вторых, это были специалисты, знающие специфику Урала и понимающие необходимость сохранения тех объектов, которые представляли собой источник знаний о научно-технических, технологических и производственных достижениях предыдущих поколений.

Перечень и характеристика памятников, нуждавшихся в сохранении. На территории городов и поселков, к которой относилась та или иная газета, в 1970–1980-е гг. находились объекты, представляющие собой памятники индустриального наследия.

Так как в изучаемый хронологический период не было еще выработано понятий «индустриальное наследие» и «памятник индустриального наследия» (они появились значительно позже, в 2000-х гг. [3] [17]), то в советский период под объектами, которые можно отнести, согласно современной классификации и терминологии [4, с. 21–22, 39–41], к индустриальному наследию, понимали памятники промышленной архитектуры, памятники трудовой славы советского народа, памятники науки и техники.

В конце 1980-х гг. в рамках территориальных образований, к которым относятся изученные автором газеты, находилось 19 памятников индустриального прошлого Урала [22, с. 39–125]. Все они к 1988 г. имели статус памятника местного или республиканского значения, то есть находились на учете у государства. Обсуждению судьбы этих объектов посвящено немало статей в материалах региональной периодической печати. Например, целая серия публикаций, связанных с музеефикацией доменной печи № 1 Северского трубного завода (Полевской). По ним можно проследить историю сохранения данного памятника и превращения его в музей. Так, в 1970-е гг. объект получил статус памятника сначала местного значения, а потом республиканского. В эти же годы Северская домна представляла собой музей, созданный силами завода: его дирекции, сотрудников и ветеранов. Это было достаточно популярное место в туристическом и культурном планах [32] [42]. В 1980-е гг. развернулась борьба жителей Свердловской области за сохранение сооружений доменной печи в физическом плане, так как руководство завода не просто забросило данный памятник, но даже разрушило ряд его строений. Все это отразилось в соответствующих публикациях на страницах уже не только городской газеты, но и областной [25] [26] [41]. Судя по архивным материалам, подтверждающим факты из газетных статей, подобные публикации сыграли свою важную роль: дали толчок проведению расследования причин вопиющего пренебрежения со стороны руководства Северского трубного завода к памятнику республиканского значения [45, л. 1–54].

Кроме объектов, уже поставленных под охрану государства, было множество неучтенных и неохраняемых сооружений и зданий, также являвшихся памятниками индустриального наследия страны. Вот как об этом в 1972 г. писал журналист А. С. Джапаков: «Урал издавна известен как край индустриальный, откуда, собственно, и началась на Руси тяжелая промышленность. В Алапаевском районе сохранились многие памятники промышленного строительства. Это корпус Нейво-Алапаевского металлурги-

ческого завода, водяная турбина, построенная в 1796 году, здание молотового отделения Нейво-Шайтанского завода, построенное в 1916 году, водонапорная башня на Верхнесинячихинском металлургическом заводе, которая была сооружена в середине XIX века. С некоторыми из этих сооружений сейчас ведется работа, они взяты на учет, на них составлена документация» [15].

Как мы видим, были и неучтенные объекты, о которых авторы публикаций писали специально, привлекая таким образом к этой проблеме внимание общественности и государственных органов. Например, в статье И. Д. Самойлова, заместителя секретаря Алапаевского отделения ВООПИК, поднимался вопрос о присвоении водонапорной станции Верхнесинячихинского металлургического завода статуса памятника. По словам автора, «это уникальное сооружение почти единственное, сохранившееся от старого завода. Своей конструкцией оно заслуживает, чтобы его взять под охрану как памятник мастерству русских умельцев» [39].

Памятникам Сысертского района посвящена целая серия статей Ф. Ф. Васильева и В. М. Колегова. Среди тех объектов, которые нуждались в сохранении, были названы комплекс зданий и сооружений Сысертского металлургического завода, плотины Сысертская и Верхсысертская, поставленные в 1969 г. на государственный учет. В 1970-х гг., которыми датируются газетные статьи, памятники находились в неудовлетворительном состоянии и срочно нуждались, по словам авторов, в активных действиях по их сохранению.

Не только крупные сооружения (доменные печи, литейные дворы, плотины и т.д.) могли стать источником знаний о прошлом, но и более мелкие объекты. Именно об этом яркая статья Т. Ю. Курашовой в «Уральском рабочем» [24]. В ней она описывала случай, когда вышеназванный Ф. Ф. Васильев, благодаря изучению документов и проведению натурного обследования завода, обнаружил строгальный станок 1849 г. выпуска: «Теперь на нем укреплен табличка, подтверждающая, что перед вами памятник технической мысли прошлого века, бессменно проработавший все эти долгие годы» [24, с. 3].

Способы сохранения памятников индустриального наследия, предлагавшиеся авторами. Анализ публикаций в региональной печати свидетельствует о том, что авторы не только озвучивали в своих статьях наличие конкретных объектов промышленного и научно-технического прошлого страны, но и предлагали способы их сохранения.

Во-первых, через постановку на государственный учет разного рода объектов, что подразумевало под собой дальнейшую деятельность по охране, уходу за памятниками, а может быть, даже их музеефикацию [39]. В этом плане показательна статья Ф. Ф. Васильева и В. М. Колегова «Богата Сысерть памятниками», в которой они пишут: «Ученые, архитекторы, экономисты считают, что необходимо развернуть широкую работу по дальнейшему выявлению и изучению памятников промышленной архитектуры, взять их под государственную охрану. Сюда относятся заводы, рудники, лесопилки, мастерские, водяные и ветряные мельницы, ирригационные системы, мосты...» [13, с. 2]. Так в материалах периодической печати выражался призыв к широкой общественности выявлять, изучать, ставить на учет и сохранять памятники индустриального наследия.

Как правило, после постановки памятника на учет была большая надежда, что данный объект будет реально сохранен, главным образом в виде музея [27, с. 73]. По данным документа «Комплексная программа выявления, паспортизации, постановки на учет, реставрации, музеефикации, пропаганды и использования памятников истории и культуры Свердловской области», к 1988 г. на этой территории статус памятников получили 33 объекта, которые можно отнести к индустриальному наследию. Большая их часть находилась в Свердловске, остальные разбросаны по южной и средней части Свердловской области. Из 33 памятников до 2000 г. планировалось музеефицировать только 8 объектов. В реальности этого так и не случилось [29, с. 144–146].

Во-вторых, это создание заводских музеев, в которых бы демонстрировалась техника, агрегаты и технологии прошлых времен. Подобные музеи уже имелись при некоторых

заводах Свердловской области (Северский трубный завод) [32]. В них наглядно демонстрировались научно-технические достижения и инженерные решения предыдущего периода. С точки зрения авторов и создателей таких музеев, это было полезно прежде всего для воспитания молодого поколения [42].

В-третьих, это открытие музеев, посвященных истории и достижениям не столько промышленного производства, сколько другим отраслям народного хозяйства, например транспорту. Согласно классификации, предложенной профессором В. В. Запарием, транспорт и вся инфраструктура, связанная с ним, также относятся к индустриальному наследию [18, с. 187]. Примером такого музея являлся Музей трудовой и боевой славы Егоршинского отделения железной дороги, открытый в 1970 г. О нем писал И. Антропов, член совета городского музея Артемовского: «Побывав в музее, можно воочию представить себе, как далеко шагнула наша техника от маломощных паровозов до современных локомотивов, работающих на электрической и тепловой энергии...» [6]. Функции данного рода музеев те же самые, что и у заводских: познавательная, воспитательная, пропагандистская.

* * *

Заключение. Таким образом, проведенный анализ материалов в 8 наименованиях газет Свердловской области позволил сделать следующие выводы.

Во-первых, в 1970–1980-е гг. зарождаются и все больше возрастают потребность и желание жителей Свердловской области активизировать деятельность по сохранению объектов, относящихся к индустриальному прошлому Урала и подчеркивающих его специфику как старопромышленного региона нашей страны. Об этом свидетельствует распределение количества выявленных в рамках данного исследования статей по десятилетиям: в 1970–1979 гг. — 11 статей, 9 заметок, 7 репортажей; 1980–1989 гг. — 33 статьи, 36 заметок, 20 репортажей. Данное стремление сохранить памятники индустриального наследия страны во многом схоже с процессами, происходящими в настоящее время в России, что также отражается на страницах периодической печати [20].

Во-вторых, статьи были не только простым источником информации о том или ином объекте, но и играли роль мотиватора в борьбе за физическое сохранение памятника, вызывая большой резонанс среди широкой общественности, ученых-специалистов, представителей партийных и государственных органов. Нужно отметить, что в 1980-е гг. острота постановки авторами вопроса о необходимости сохранения памятников индустриального прошлого достигает своей критической точки. Особенно это хорошо видно по статьям о плачевном состоянии Северской домны, вызвавшим широкий общественный резонанс и запустившим процессы сохранения памятника, музеефицированного в 1989 г.

В-третьих, публикация материалов в газетах, являвшихся официальными изданиями, подтверждает, что сохранение историко-культурного наследия лежало в русле общегосударственной политики [40, с. 56]. А зависимость советских газет от идеологических установок партии отражалась в публикациях лишь в виде акцента на воспитательную и пропагандистскую функции в деятельности по охране памятников истории и культуры. Что касается индустриального наследия, то его сохранение

играет большую роль в воспитании у молодежи уважения к чужому труду, понимания необходимости получать знания и навыки в производственной и инженерной областях, возвращении любви к малой родине и ее истории. Это чрезвычайно актуально и сейчас, во времена быстрых технологических перемен и информационных прорывов. Здесь уместно привести цитату из статьи советского и российского ученого-физика С. П. Капицы: «Без обращения к прошлому, без исследования исторических условий развития науки и техники нельзя понять, как и почему происходит развитие знаний и их применение сегодня. Без осознания этих связей разрушаются гуманистические корни науки, нарушается преемственность традиций и в результате теряются те этические и ценностные критерии, без которых нельзя воспитывать социально ответственно ученого или инженера» [21].

Данное исследование является перспективным и видится автором в постепенном расширении географических и хронологических рамок с целью выявить наличие или отсутствие изменений в общественном взгляде на проблему сохранения индустриального наследия.

Elizaveta S. LAKHTIONOVA

Cand. Sci. (National History), Assoc. Prof.,
Ural Federal University
named after the first President of Russia B. N. Yeltsin,
Yekaterinburg, Russian Federation
elza1982@yandex.ru
ORCID: 0000-0002-8414-4540

***The Inception of Activities for the Preservation
of Industrial Heritage in Sverdlovsk Oblast in the 1970s–1980s
(Based on the Materials of the Regional Periodical Press)***

Abstract. The article aims to determine the features of the initial stage of activities to preserve industrial heritage monuments in the 1970s–1980s at the regional level and identify the importance of the print media in this process. The research material was articles in eight newspapers of Sverdlovsk Oblast. The author employed a typological analysis, for which the following type-forming features were identified: publisher, place of publication, purpose of publication, readership, authors, purpose of articles. In the direct analysis of the text of the articles, the author used a qualitative (conceptual) analysis to consistently reflect the phenomena of public life in the context of Soviet history. In total, approximately 7,900 newspaper issues were studied, among which 44 articles, 45 notes, 27 reports were identified as relevant to the study. The articles were aimed at highlighting the activities of state bodies,

the All-Russian Society for the Protection of Historical and Cultural Monuments, or individual residents in the preservation of industrial heritage monuments in order to draw the attention of the general public to specific problems that could and had to be solved. The notes and reports contained a brief description of the activities of the All-Russian Society for the Protection of Historical and Cultural Monuments in relation to a particular monument, and also informed readers about the functioning of already established factory museums or the opening of new ones. The authors of the analyzed materials were journalists, representatives of public organizations, museum staff, writers, specialists in various fields of knowledge. All of them knew the specifics of the Urals and understood the need to preserve objects that were a source of knowledge about the scientific, technical, technological and production achievements of previous generations. The monuments that needed to be preserved are industrial plants, hydroelectric power stations, models of equipment and transport. The methods of conservation that the authors of the articles suggested were identification, registration, study, museumification. In the 1980s, the number of articles published on this problem increased, and their focus changed. They began to play the role of a motivator in the struggle to preserve the monument, causing a great resonance among the general public, scientists, specialists, representatives of party and government bodies. The publication of materials in newspapers, which were official publications, confirms that the preservation of the industrial heritage was in line with the national policy.

Keywords: industrial heritage, monument, museumification, periodicals, Sverdlovsk Oblast, All-Russian Society for the Protection of Historical and Cultural Monuments.

Использованная литература:

1. Алексеев В. В. Проблемы изучения и сохранения индустриального наследия Урала // Сохранение индустриального наследия: мировой опыт и российские проблемы: материалы междунар. науч. конф. ТИССИ. Екатеринбург: Банк культурной информации, 1994. С. 47–56.
2. Алексеева Е. В. Изучение и сохранение индустриального наследия в мире и на Урале: актуальные методологические проблемы // Восьмые Татищевские чтения: доклады и сообщения. Екатеринбург: Уч.-метод. центр Уральского пед. ин-та, 2010. С. 41–45.
3. Алексеева Е. В. Мировое индустриальное наследие: к вопросу о терминологии изучения и сохранения // Индустриальное наследие России: междисциплинарные исследования, опыт сохранения, стратегии реновации. Ханты-Мансийск: Югорский формат, 2020. С. 48–54.
4. Алексеева Е. В., Быстрова Т. Ю. Индустриальное наследие: понятия, ценностный потенциал, организационные и правовые основы. Екатеринбург: TATLIN, 2021.
5. Антропов И. Любить и охранять историю края // Артемовский рабочий. 1970. 28 марта. С. 1.
6. Антропов И. Открыт музей // Артемовский рабочий. 1970. 21 мая. С. 3.
7. Бабушкин П. Бережь культурное наследие // Кушвинский рабочий. 1970. 25 ноября. С. 3.
8. Бальчугов А. История пишется сегодня // Уральский рабочий. 1971. 25 марта. С. 1.
9. Быстрова Т. Ю. Терминология работы с индустриальным наследием: расширение горизонтов или конфликт парадигм // Диалоги о защите культурных ценностей: материалы I Междунар. науч.-практ. конф. / под ред. Е. Ю. Витюк, Ю. В. Кондаковой, Е. В. Штифановой. Екатеринбург: Уральский гос. архитектурно-художественный ун-т, 2021. С. 71–73.

References:

1. Alekseev, V.V. (1994) [Problems of Studying and Preserving the Industrial Heritage of the Urals]. *Sokhranenie industrial'nogo naslediya: mirovoy opyt i rossiyskie problemy* [Preservation of the Industrial Heritage: World Experience and Russian Problems]. Proceedings of the International Conference TISSI. Yekaterinburg: Bank kul'turnoy informatsii. pp. 47–56. (In Russian).
2. Alekseeva, E.V. (2010) [Study and Preservation of Industrial Heritage in the World and in the Urals: Current Methodological Problems]. *Vos'mye Tatishchevskie chteniya. Doklady i soobshcheniya* [Eighth Tatishchev Readings. Reports and Messages]. Conference Proceedings. Yekaterinburg: uch.-metod. tsentr Ural'skogo ped. in-ta. pp. 41–45. (In Russian).
3. Alekseeva, E.V. (2020) [World Industrial Heritage: On the Terminology of Study and Preservation]. *Industrial'noe nasledie Rossii: mezhdistitsiplinarnye issledovaniya, opyt sokhraneniya, strategii renovatsii* [Industrial Heritage of Russia: Interdisciplinary Research, Conservation Experience, Renovation Strategies]. Conference Proceedings. Khanty-Mansiysk: Yugorskiy format. pp. 48–54. (In Russian).
4. Alekseeva, E.V. & Bystrova, T.Yu. (2021) *Industrial'noe nasledie: ponyatiya, tsennostnyy potentsial, organizatsionnye i pravovye osnovy* [Industrial Heritage: Concepts, Value Potential, Organizational and Legal Foundations]. Yekaterinburg: TATLIN.
5. Antropov, I. (1970) *Lyubit' i okhranyat' istoriyu kraya* [To Love and Protect the History of the Region]. *Artemovskiy rabochiy*. 28 March. p. 1.
6. Antropov, I. (1970) *Otkryt muzey* [A Museum Opened]. *Artemovskiy rabochiy*. 21 May. p. 3.
7. Babushkin, P. (1970) *Berech' kul'turnoe nasledie* [To Protect Cultural Heritage]. *Kushvinskiy rabochiy*. 25 November. p. 3.

10. Васильев Ф. Об охране исторических памятников // Маяк. 1983. 11 августа. С. 1–2.
11. Васильев Ф. Сохраним на века // Маяк. 1977. 17 ноября. С. 2–3.
12. Васильев Ф. Сохраним на века // Маяк. 1977. 20 октября. С. 3.
13. Васильев Ф., Колегов В. Богата Сысерть памятниками // Маяк. 1970. 8 октября. С. 1–2.
14. ГОСТ 7.60-2003. Система стандартов по информации, библиотечному и издательскому делу. Издания. Основные виды. Термины и определения: введен в действие Постановлением Госстандарта РФ от 25 ноября 2003 г. № 331-ст. М.: Изд-во стандартов, 2003.
15. Джапаков А. Во славу рук и гения народа // Алапаевская искра. 1972. 10 февраля. С. 2.
16. Добрейцина Л. Е. Музеи-заводы на среднем Урале: осмысление прошлого и индикатор настоящего в культуре индустриального Урала // Лабиринт: журнал социально-гуманитарных исследований. 2014. № 1. С. 27–37.
17. Запарий В. В. Индустриальное наследие (к вопросу о понимании данной концепции в России и за рубежом) // Экономическая история. Обозрение. 2007. Вып. 13. С. 211–217.
18. Запарий В. В. К вопросу об индустриальном наследии и его сохранении // Известия Уральского федерального университета. Серия 1. Проблемы образования, науки и культуры. 2012. № 3 (104). С. 185–195.
19. Инструкція о порядке учета, обеспечения сохранности, содержания, использования и реставрации недвижимых памятников истории и культуры. М.: Тип. Министерства культуры СССР, 1986.
20. Камынин В. Д. Изучение индустриального наследия на Урале на рубеже XX–XXI столетий // Веси. 2015. № 10. С. 89–96.
21. Капица С. Памятники науки и техники – тоже культура // Известия. 1986. 26 сентября. С. 5.
22. Комплексная программа выявления, паспортизации, постановки на учет, реставрации, музеефикации, пропаганды и использования памятников истории и культуры Свердловской области. Свердловск: Б. и., 1989.
23. Кузовенкова Ю. А. Парадигмы музеефикации индустриального наследия // Лабиринт: журнал социально-гуманитарных исследований. 2015. № 5 (6). С. 6–16.
24. Курашова Т. Когда завод становится музеем // Уральский рабочий. 1980. 24 апреля. С. 2–3.
25. Курашова Т. Покушение на домну // Уральский рабочий. 1982. 12 мая. С. 2.
26. Курашова Т. Покушение на домну // Уральский рабочий. 1982. 8 июля. С. 3.
27. Курлаев А. Е. Индустриальное наследие в системе охраны и сохранения памятников истории и культуры России: проблемы и перспективы // Российский научный журнал. 2015. № 4 (47). С. 72–79.
28. Курлаев А. Е., Курлаев Е. А. Памятники индустриального наследия Урала. Современное состояние, пути изучения и сохранения // Вестник Уральского отделения Российской академии наук. Наука. Общество. Человек. 2014. № 4 (46). С. 139–147.
8. Bal'chugov, A. (1971) *Istoriya pishetsya segodnya* [History Is Being Written Today]. *Ural'skiy rabochiy*. 25 March. p. 1.
9. Bystrova, T.Yu. (2021) [Terminology of Work With Industrial Heritage: Expansion of Horizons or Conflict of Paradigms]. *Dialogi o zashchite kul'turnykh tsennostey* [Dialogues on the Protection of Cultural Values]. Proceedings of the I International Conference. Yekaterinburg: USUAA. pp. 71–73. (In Russian).
10. Vasil'ev, F. (1983) *Ob okhrane istoricheskikh pamyatnikov* [On the Protection of Historical Monuments]. *Mayak*. 11 August. pp. 1–2.
11. Vasil'ev, F. (1977) *Sokhranim na veka* [Let's Preserve for Centuries]. *Mayak*. 17 November. pp. 2–3.
12. Vasil'ev, F. (1977) *Sokhranim na veka* [Let's Preserve for Centuries]. *Mayak*. 20 October. p. 3.
13. Vasil'ev, F. & Kolegov, V. (1970) *Bogata Sysert' pamyatnikami* [Sysert Is Rich in Monuments]. *Mayak*. 8 October. pp. 1–2.
14. ГОСТ 7.60-2003. (2003) *Sistema standartov po informatsii, biblioteknomu i izdatel'skomu delu. Izdaniya. Osnovnye vidy. Terminy i opredeleniy* [System of Standards for Information, Librarianship and Publishing. Publications. Main Types. Terms and Definitions]. Put Into Force by the Decree of the State Standard of the Russian Federation of November 25, 2003, No. 331-St. Moscow: Izd-vo standartov.
15. Dzhapakov, A. (1972) *Vo slavu ruk i geniya naroda* [To the Glory of the Hands and Genius of the People]. *Alapaevskaya iskra*. 10 February. p. 2.
16. Dobreytsina, L.E. (2014) *Muzei-zavody na srednem Urale: osmyslenie proshlogo i indikator nastoyashchego v kul'ture industrial'nogo Urala* [Museum-Factories in the Middle Urals: Understanding the Past and an Indicator of the Present in the Culture of the Industrial Urals]. *Labirint. Zhurnal sotsial'no-gumanitarnykh issledovaniy*. 1. pp. 27–37.
17. Zapariy, V.V. (2007) *Industrial'noe nasledie (k voprosu o ponimani dannykh kontseptsii v Rossii i za rubezhom)* [Industrial Heritage (To the Understanding This Concept in Russia and Abroad)]. *Ekonomicheskaya istoriya. Obozrenie*. 13. pp. 211–217.
18. Zapariy, V.V. (2012) *K voprosu ob industrial'nom nasledii i ego sokhraneni* [On the Industrial Heritage and Its Conservation]. *Izvestiya Ural'skogo federal'nogo universiteta. Seriya 1. Problemy obrazovaniya, nauki i kul'tury*. 3 (104). pp. 185–195.
19. Ministry of Culture of the USSR. (1986) *Instruktsiya o poryadke ucheta, obespecheniya sokhrannosti, soderzhaniya, ispol'zovaniya i restavratsii nedvizhnykh pamyatnikov istorii i kul'tury* [Instructions on the Procedure for Accounting, Ensuring the Safety, Maintenance, Use and Restoration of Immovable Monuments of History and Culture]. Moscow: Tip. Ministerstva kul'tury SSSR.
20. Kamynin, V.D. (2015) *Izuchenie industrial'nogo naslediya na Urale na rubezhe XX–XXI stoletiy* [Study of the Industrial Heritage in the Urals at the Turn of the 21st Century]. *Vesi*. 10. pp. 89–96.
21. Kapitsa, S. (1986) *Pamyatniki nauki i tekhniki – tozhe kul'tura* [Monuments of Science and Technology Are Also Culture]. *Izvestiya*. 26 September. p. 5.
22. Anon. (1989) *Kompleksnaya programma vyyavleniya, pasportizatsii, postanovki na uchet, restavratsii, muzeefikatsii, propagandy i ispol'zovaniya pamyatnikov istorii i kul'tury Sverdlovskoy oblasti* [A Comprehensive Program for the Identification, Certification, Registration,

29. Лахтионова Е. С. «Комплексная программа выявления, паспортизации, постановки на учет, реставрации, музеефикации, пропаганды и использования памятников истории и культуры Свердловской области на период до 2000 года» как источник по истории сохранения индустриального наследия // Историко-культурное наследие народов Урало-Поволжья. 2020. № 1 (8). С. 137–146.
30. Лахтионова Е. С. Вопросы изучения и сохранения памятников индустриального наследия в 1980-е гг. (по материалам журнала «Техника – молодежи») // Многообразии культур в условиях глобализованного мира и проблемы сохранения культурно-исторического наследия (XVII Колосницынские чтения): материалы междунар. науч. конф. (Екатеринбург, 18–19 ноября 2022 г.). Екатеринбург: Уральский гос. пед. ун-т, 2022. С. 55–60.
31. Лахтионова Е. С. Деятельность общественных и политических акторов по охране объектов индустриального наследия в Свердловской области (1960–1980-е годы) // Научный диалог. 2022. № 11 (3). С. 439–455. DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-3-439-455.
32. Макунин В. Эта старая домна // Рабочая правда. 1970. 18 июля. С. 3.
33. Маланичева Г. И., Ливцов В. А. Этапы истории ВООПиК. К 50-летию образования Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры. Орел: Орловский филиал Рос. акад. нар. хоз-ва и гос. службы, 2016.
34. Малахеев И. В. Уральская школа журналистики: миф или реальность // Известия Уральского государственного университета. Серия 1. Проблемы образования, науки и культуры. 2006. № 40. С. 12–25.
35. Никаев Х. Р. Материалы периодической печати как исторический источник // Социально-гуманитарные знания. 2013. № 9. С. 73–80.
36. Потапова Э. Следы истории нашей // Маяк. 1979. 21 апреля. С. 2.
37. Профессионализм историка и идеологическая конъюнктура: проблемы источниковедения советской истории. М.: Ин-т рос. истории, 1994.
38. Рябинин Б. Чти следы прошлого // Уральский рабочий. 1966. 18 января. С. 1.
39. Самойлов И. Творения уральских мастеров // Алапаевская Искра. 1972. 15 мая. С. 2.
40. Свичкарь И. Г. Деятельность государственных органов по охране историко-культурного наследия в Российской Федерации в 1960–1980-е гг. // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Социально-гуманитарные науки. 2013. Т. 13. № 1. С. 52–56.
41. Стариков А. А какой был приказ! // Уральский рабочий. 1982. 9 декабря. С. 1.
42. Уральский Н. Важное средство воспитания // Рабочая правда. 1977. 7 марта. С. 2.
43. Центр документации Свердловской области. Ф. 250. Оп. 1. Д. 113.
44. Центр документации Свердловской области. Ф. 250. Оп. 1. Д. 14.
45. Центр документации Свердловской области. Ф. 250. Оп. 1. Д. 204.
- Restoration, Museumification, Promotion and Use of Historical and Cultural Monuments of Sverdlovsk Oblast]. Sverdlovsk: [s.n.].
23. Kuzovenkova, Yu.A. (2015) Paradigmy muzeifikatsii industrial'nogo naslediya [Paradigms of Industrial Heritage Museumification]. *Labirint. Zhurnal sotsial'no-gumanitarnykh issledovaniy*. 5 (6). pp. 6–16.
24. Kurashova, T. (1980) *Kogda zavod stanovitsya muzeem* [When the Plant Becomes a Museum]. *Ural'skiy rabochiy*. 24 April. pp. 2–3.
25. Kurashova, T. (1982) *Pokushenie na domnu* [Attempted Blast Furnace]. *Ural'skiy rabochiy*. 12 May. p. 2.
26. Kurashova, T. (1982) *Pokushenie na domnu* [Attempted Blast Furnace]. *Ural'skiy rabochiy*. 8 July. p. 3.
27. Kurlaev, A.E. (2015) *Industrial'noe nasledie v sisteme okhrany i sokhraneniya pamyatnikov istorii i kul'tury Rossii: problemy i perspektivy* [Industrial Heritage in the System of Protection and Conservation of Monuments of History and Culture of Russia: Problems and Prospects]. *Rossiyskiy nauchnyy zhurnal*. 4 (47). pp. 72–79.
28. Kurlaev, A.E. & Kurlaev, E.A. (2014) *Pamyatniki industrial'nogo naslediya Urala. Sovremennoe sostoyanie, puti izucheniya i sokhraneniya* [Monuments of the Industrial Heritage of the Urals. Current State, Ways of Studying and Preserving]. *Vestnik Ural'skogo otdeleniya Rossiyskoy akademii nauk. Nauka. Obshchestvo. Chelovek*. 4 (46). pp. 139–147.
29. Lakhtionova, E.S. (2020) "A Comprehensive Program for the Identification, Certification, Registration, Restoration, Museumification, Promotion and Use of Historical and Cultural Monuments of the Sverdlovsk Region for the Period up to 2000" as a Source on the History of the Preservation of Industrial Heritage. *Istoriko-kul'turnoe nasledie narodov Uralo-Povolzh'ya*. 1 (8). pp. 137–146. (In Russian).
30. Lakhtionova, E.S. (2022) [Studying and Preserving Industrial Heritage Sites in the 1980s (Based on the Materials of the *Tekhnika – molodezhi Magazine*)]. *Mnogooobrazie kul'tur v usloviyakh globalizovannogo mira i problemy sokhraneniya kul'turno-istoricheskogo naslediya (XVII Kolosnitsynskie chteniya)* [Diversity of Cultures in a Globalized World and the Problems of Preserving Cultural and Historical Heritage (XVII Kolosnitsyn Readings)]. Proceedings of the International Conference. Yekaterinburg. 18–19 November 2022. Yekaterinburg: Ural State Pedagogical University. pp. 55–60. (In Russian).
31. Lakhtionova, E.S. (2022) Activities of Public and Political Actors to Preserve Monuments of Industrial Heritage of Sverdlovsk Region in 1960–1980s. *Nauchnyy dialog*. 11 (3). pp. 439–455. (In Russian). DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-3-439-455
32. Makunin, V. (1970) *Eta staraya domna* [This Old Blast Furnace]. *Rabochaya pravda*. 18 July. p. 3.
33. Malanicheva, G.I. & Livtsov, V.A. (2016) *Etapy istorii VOOPlIK. K 50-letiyu obrazovaniya Vserossiyskogo obshchestva okhrany pamyatnikov istorii i kul'tury* [Stages of the History of VOOPlIK. To the 50th Anniversary of the Formation of the All-Russian Society for the Protection of Historical and Cultural Monuments]. Oryol: Oryol Branch of RANEPa.
34. Malakheev, I.V. (2006) *Ural'skaya shkola zhurnalistiki: mif ili real'nost'* [Ural School of Journalism: Myth or Reality]. *Izvestiya Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 1. Problemy obrazovaniya, nauki i kul'tury*. 40. pp. 12–25.

46. Шипицына О. А. Индустриальное наследие Урала: архитектурно-презентационная актуализация. Екатеринбург: [Б. и.], 2020.
47. Штиглиц М. С. Промышленная архитектура Петербурга в сфере «индустриальной археологии». СПб.: Белое и Черное, 2003.
35. Nikaev, Kh.R. (2013) Materialy periodicheskoy pechati kak istoricheskiy istochnik [Periodical Press Materials as a Historical Source]. *Sotsial'no-gumanitarnye znaniya*. 9. pp. 73–80.
36. Potapova, E. (1979) Sledy istorii nashey [Traces of Our History]. *Mayak*. 21 April. p. 2.
37. Sokolov, A.K. (ed.) (1994) *Professionalizm istorika i ideologicheskaya kon'yunktura: problemy istochnikovedeniya sovetskoj istorii* [Historian's Professionalism and Ideological Conjuncture: Problems of Source Studies of Soviet History]. Moscow: Institute of Russian History.
38. Ryabinin, B. (1966) Chti sledy proshlogo [Honor the Traces of the Past]. *Ural'skiy rabochiy*. 18 January. p. 1.
39. Samoylov, I. (1972) Tvoreniya ural'skikh masterov [Creations of the Ural Masters]. *Alapaevskaya Iskra*. 15 May. p. 2.
40. Svichkar', I.G. (2013) Deyatel'nost' gosudarstvennykh organov po okhrane istoriko-kul'turnogo naslediya v Rossiyskoj Federatsii v 1960–1980-e gg. [Activities of State Bodies for the Protection of Historical and Cultural Heritage in the Russian Federation in the 1960s–1980s]. *Vestnik Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Sotsial'no-gumanitarnye nauki*. 13 (1). pp. 52–56.
41. Starikov, A. (1982) A kakoy byl prikaz! [And What an Order It Was!]. *Ural'skiy rabochiy*. 9 December. p. 1.
42. Ural'skiy, N. (1977) Vazhnoe sredstvo vospitaniya [An Important Means of Education]. *Rabochaya pravda*. 7 March. p. 2.
43. Documentation Center of Sverdlovsk Oblast. Fund 250. List 1. File 113.
44. Documentation Center of Sverdlovsk Oblast. Fund 250. List 1. File 14.
45. Documentation Center of Sverdlovsk Oblast. Fund 250. List 1. File 204.
46. Shipitsyna, O.A. (2020) *Industrial'noe nasledie Urals: arkhitekturno-prezentatsionnaya aktualizatsiya* [Industrial Heritage of the Urals: Architectural and Presentational Actualization]. Yekaterinburg: [s.n.].
47. Shtiglits, M.S. (2003) *Promyshlennaya arkhitektura Peterburga v sfere "industrial'noy arkheologii"* [Industrial Architecture of St. Petersburg in the Field of Industrial Archeology]. St. Petersburg: Beloe i Chernoe.

Полная библиографическая ссылка на статью:

Лахтионова, Е. С. Зарождение деятельности по сохранению индустриального наследия в Свердловской области в 1970-1980-е годы (по материалам региональной периодической печати) / Е. С. Лахтионова. – Текст : электронный. – DOI 10.36343/SB.2023.34.2.004 // Наследие веков. – 2023. – № 2. – С. 54–65. – URL: <http://heritage-magazine.com/index.php/НС/article/view/560/458> (дата обращения: ДД.ММ.ГГГГ).

Full bibliographic reference to the article:

Lakhtionova, E. S. (2023) The Inception of Activities for the Preservation of Industrial Heritage in Sverdlovsk Oblast in the 1970s–1980s (Based on the Materials of the Regional Periodical Press). *Nasledie vekov – Heritage of Centuries*. 2. pp. 54–65. (In Russian). DOI: 10.36343/SB.2023.34.2.004

ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ СТАТЬЯ

FULL ARTICLE

ГОРЛОВА Наталья Ивановна

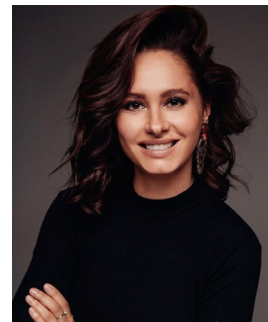
доктор исторических наук,
доцент кафедры индустрии гостеприимства, туризма и спорта
Российского экономического университета имени Г. В. Плеханова,
Москва, Российская Федерация

Natalya I. GORLOVA

Dr. Sci. (National History), Assoc. Prof.,
Plekhanov Russian University of Economics,
Moscow, Russian Federation

gorlovanat@yandex.ru

ORCID: 0000-0003-0833-2053

УДК: 351.853:[323.212+379.835]:340(470+571)

ГРНТИ: 13.61.15

ВАК: 5.10.1.

DOI: 10.36343/SB.2023.34.2.005

Нормативно-правовые основания проведения международных волонтерских кампусов (лагерей) в сфере сохранения историко-культурного наследия

A Legal Basis for Holding International Volunteer Campuses (Camps) in the Field of Preserving Historical and Cultural Heritage

Автором актуализируется проблема нормативно-правового регулирования сферы приложения добровольческого труда в области сохранения объектов культурного наследия. Целью является анализ и оценка правовых норм российского законодательства, касающихся организации международных волонтерских кампусов. Эмпирическую базу исследования составили законодательные акты, регулирующие сферу профильного добровольческого труда. Констатируется неоднородность и разнообразие отечественных нормативных правовых актов, регламентирующих вопросы проведения кампусов. Отмечается, что в настоящее время комплекс правовых документов включает в себя многочисленные законы, постановления и инструкции, определяющие правила организации кампусов, а также содержит требования к условиям проживания и питания, здоровья участников. Указано на необходимость разработки единых методических рекомендаций для организаторов волонтерских кампусов, что позволит им эффективно координировать добровольческую деятельность в изучаемой сфере.

Ключевые слова: волонтеры наследия, волонтерский лагерь (кампус), добровольческая деятельность, нормативно-правовые акты, охрана историко-культурного наследия, социальная практика.

Сегодня организация и проведение волонтерских лагерей является распространенной практикой отечественных и зарубежных организаций, осуществляющих свою профес-

сиональную деятельность в сфере защиты культурного наследия. Социальные аспекты актуальности предпринятого исследования особенностей законодательного регулиро-

вания проведения волонтерских кампусов на территории страны обусловлены, прежде всего, необходимостью создания правовых условий и обеспечения соответствующих гарантий, сервисов для участников профильных лагерей, позволяющих привлечь неравнодушных граждан на безвозмездной основе к решению задач в области защиты объектов культурного наследия страны. Практическая актуальность исследования комплекса нормативных правовых актов обусловлена отсутствием единых норм по организации международных кампусов, закрепленных на уровне федерального закона.

Анализ отечественного законодательства и организационно-методических документов, которые обеспечивают унифицированный подход к организации профильных волонтерских кампусов, позволяет организаторам добровольческой деятельности в лице Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры, Общественного движения «Волонтеры культуры» и др. эффективно осуществлять координацию и планирование добровольческого труда волонтеров наследия.

Интерес исследователей к данной теме за последние годы привел к увеличению числа публикаций, при этом достаточно полно изучены исторический опыт и современное состояние волонтерства в области сохранения культурного наследия в России и за рубежом и различные практики привлечения добровольцев к сохранению культурного наследия [1] [2] [3]. Некоторые из этих работ раскрывают вопросы нормативно-правового обеспечения деятельности волонтеров наследия, косвенно затрагивая процессуальную сторону участия добровольных помощников в мероприятиях по его охране, в том числе и в формате профильных организованных лагерей на территории Российской Федерации. Вместе с тем проблемы разработки специализированных норм и требований, которыми бы регламентировались различные аспекты деятельности волонтерского лагеря, остаются за пределами сферы исследовательского внимания.

Целью настоящего исследования, таким образом, является выявление, анализ и оценка действующих нормативных правовых актов, регулирующих вопросы органи-

зации международных волонтерских кампусов. При этом материалами исследования послужили законодательные и нормативные акты, регламентирующие сферу профильного добровольческого труда (федеральные законы, постановления и распоряжения Правительства Российской Федерации, иных органов федеральной власти и управления, инструктивные письма, приказы, национальные и межгосударственные стандарты и др.). Исследование предполагает использование главным образом системно-структурного подхода и методов, распространенных в юридических науках и применяемых при анализе правовых актов: сравнительно-правового и формально-юридического.

Анализ действующих правовых норм в области организации международных волонтерских кампусов в сфере охраны наследия может стать основой для разработки единого нормативно-правового акта, регламентирующего данный комплекс проблем в рамках российского законодательства.

* * *

Первый международный волонтерский лагерь прошел во Франции в 1920 г. Он был организован группой студентов из разных стран, движимых желанием оказать помощь французским семьям, пострадавшим от Первой мировой войны. В течение лета молодые люди работали на фермах и виноградниках, а также занимались ремонтом жилых домов, мельниц.

Со второй половины XX в. волонтерские лагеря становятся популярной формой консолидации молодежи со всего мира и добровольной помощи в деле охраны окружающей среды, защиты объектов культурного наследия, проведения событийных фестивалей и др. Один из самых успешных международных волонтерских лагерей был организован в 1960-х гг. в Италии с целью реставрации знаменитой церкви Санта-Мария-дель-Пополо в Риме. Подобные проекты в сфере защиты памятников истории и культуры организовывались в Греции, Испании, Франции и Германии. В каждом лагере его участники работали над различными проектами памятникоохранной тематики: восстанавливали замки, монастыри, церкви и другие исторические объекты.

С середины 1960-х гг. под эгидой Ассоциации REMPART, деятельность которой посвящена делу спасения памятников истории и культуры Франции, ежегодно организуется множество международных волонтерских кампусов. Благодаря усилиям волонтеров было восстановлено большое количество зданий, которые теперь живут своей новой жизнью.

В России профильные волонтерские лагеря стали появляться сравнительно недавно. Так, в 2018 г. по инициативе и при поддержке Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры состоялось шесть международных волонтерских кампусов в Ленинградской, Псковской, Рязанской областях и в г. Москве. За последние годы значительно расширилась география проведения кампусов.

Организация волонтерских лагерей может осуществляться как некоммерческими организациями, так и государственными (муниципальными) культурными учреждениями. При этом организаторы должны соблюдать требования законодательства в вопросах проведения волонтерских лагерей, обеспечения безопасности и охраны труда, а также создать условия проживания и питания его участников. Следовательно, необходимо собрать и объединить нормативно-правовые документы по теме исследования в соответствии с отечественным законодательством.

В настоящее время в Российской Федерации отсутствует специальное законодательство, регулирующее проведение международных волонтерских кампусов в сфере защиты, восстановления, использования и популяризации объектов культурного наследия. На территории, где они проводятся, действуют нормативно-правовые акты, которые отдельно регулируют вопросы организации добровольческой деятельности, туризма, охраны памятников истории и культуры, организации летнего отдыха и оздоровления, а также миграционное законодательство.

Среди правовых документов в первую очередь стоит отметить основной закон в сфере отечественного добровольческого движения — Федеральный закон от 11 августа 1995 г. № 135-ФЗ «О благотворительной деятельности и добровольчестве (волонтерстве)», ко-

торый выступает базисом правоотношений в данном поле [24]. Документ конкретизирует дефиниции «добровольческая (волонтерская) деятельность», ее ключевых участников — «волонтеров (добровольцев)», включая и «организатора добровольческой (волонтерской) деятельности». Нормативно-правовой акт также содержит закрытый перечень целей безвозмездных практик социально значимой деятельности, определяет права и обязанности субъектов добровольческого труда и волонтерской организации, а также в нем оговариваются особенности оформления договорных отношений между организатором добровольческой деятельности и волонтером. В законе конкретизированы полномочия Правительства Российской Федерации, федеральных и региональных органов исполнительной власти, органов местного самоуправления в области осуществления добровольческой деятельности.

Таким образом, данный нормативно-правовой акт является основой для регулирования добровольческой деятельности, и потенциальный организатор международного волонтерского лагеря с его помощью может ознакомиться с утвержденными определениями и юридическими особенностями взаимоотношений между субъектами российского добровольческого движения.

В соответствии с Федеральным законом от 12 января 1996 г. № 7-ФЗ «О некоммерческих организациях» такие организации могут проводить волонтерские лагеря и привлекать добровольцев к его работе [22].

Еще один основополагающий нормативно-правовой документ — Федеральный закон от 25 июня 2002 г. № 73-ФЗ «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» [31] — регулирует сферу отношений в деле сохранения, использования, популяризации и государственной охраны объектов культурного наследия. Кроме того, законом регламентируются вопросы безвозмездного участия добровольных помощников в производимых работах по защите памятников истории и культуры. Спустя несколько лет нормативно-правовой документ был дополнен подзаконным актом — Постановлением Правительства

Российской Федерации от 25 декабря 2019 г. № 1828 «Об особенностях участия добровольцев (волонтеров) в работах по сохранению объектов культурного наследия, включенных в единый государственный реестр объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации, или выявленных объектов культурного наследия» [17], согласно которому волонтеры, в том числе и в рамках волонтерских кампусов, могут быть задействованы в следующих видах работ: ремонтные работы, приспособление объектов культурного наследия для современного использования, благоустройство территории. Отдельно в документе оговаривается, что работы не должны изменять особенности объекта культурного наследия, которые являются предметом его охраны.

Процесс сотрудничества учреждений культуры с добровольческими организациями в ходе подготовки волонтерских лагерей конкретизируется Постановлением Правительства Российской Федерации от 28 ноября 2018 г. № 1425 «Об утверждении общих требований к порядку взаимодействия федеральных органов исполнительной власти, органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации, органов местного самоуправления, подведомственных им государственных и муниципальных учреждений, иных организаций с организаторами добровольческой (волонтерской) деятельности и добровольческими (волонтерскими) организациями и перечня видов деятельности, в отношении которых федеральными органами исполнительной власти, органами исполнительной власти субъектов Российской Федерации, органами местного самоуправления утверждается порядок взаимодействия государственных и муниципальных учреждений с организаторами добровольческой (волонтерской) деятельности, добровольческими (волонтерскими) организациями» [18].

Процесс взаимодействия добровольных помощников с государственными и муниципальными учреждениями культуры затрагивается в Методических рекомендациях по организации добровольческой (волонтерской) деятельности в государственных (муниципальных) учреждениях культуры, разработан-

ных Минкультуры России и введенных в действие письмом от 31 мая 2018 г. № 8645–01.1–49@-АЖ [12]. В рекомендациях содержится информация о том, как привлекать и обучать волонтеров, организовывать их работу, обеспечивать безопасность их деятельности, а также оценивать результаты добровольческого труда.

Косвенно сферу проведения международных волонтерских лагерей по сохранению памятников истории и культуры затрагивает Концепция развития добровольчества (волонтерства) в Российской Федерации до 2025 г. (утвержденная Распоряжением Правительства Российской Федерации от 27 декабря 2018 г. № 2950-р). В документе определяются стратегические направления развития отечественного добровольческого движения и перечисляется комплекс мер, необходимых для продвижения идей добровольчества, повышения социальной активности населения и формирования культуры добровольчества, укрепления гражданского общества [21]. Одним из ключевых направлений Концепции является создание необходимых условий поддержки добровольческих организаций со стороны государства и построения инфраструктуры отечественного добровольческого движения в стране. Кроме того, Концепция уделяет внимание вопросам международного сотрудничества в сфере добровольчества и участию России в международных волонтерских проектах. Утвержденный в 2019 г. План мероприятий по реализации Концепции [13] содержит 95 пунктов, связанных с формированием благоприятных условий включения граждан в безвозмездные практики социально значимой деятельности. Кроме того, в Плате отдельное внимание уделяется мерам по привлечению иностранных граждан в Российскую Федерацию для участия в событийных и спортивных мероприятиях, волонтерских проектах, в том числе и в деле сохранения культурного наследия страны.

Кампусы также содержательно попадают в поле действия национальных проектов: федерального проекта «Социальная активность» национального проекта «Образование» [11] в части поддержки и развития от-

ественного добровольческого движения и федерального проекта «Творческие люди» национального проекта «Культура» [10] в части реализации федеральной программы «Волонтеры культуры».

В связи с тем, что в рамках проведения международных волонтерских кампусов предусматривается предоставление таких сервисов для его участников, как питание и проживание, а также пребывание в природной среде, его организаторы должны руководствоваться следующими законами федерального значения:

- Федеральный закон от 21 декабря 1994 г. № 69-ФЗ «О пожарной безопасности» [27];
- Федеральный закон от 30 марта 1999 г. № 52-ФЗ «О санитарно-эпидемиологическом благополучии населения» [34];
- Федеральный закон от 10 января 2002 г. № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды» [23].

В настоящее время происходит значительная перестройка нормативной базы, которая регулирует туристическую отрасль, включая правила и стандарты предоставления услуг в сфере размещения. В связи с этим пребывание, питание и проживание в рамках волонтерских кампусов полностью лишены какой-либо стандартизации, не имеют четкого правового регулирования в силу совершеннолетия его участников, а также безвозмездного характера услуг по обеспечению проживания и питания, не подразумевающих договорных отношений между поставщиком и потребителем.

Опосредованно к этой стороне подготовки и проведения кампусов могут быть применены:

- Национальный стандарт Российской Федерации ГОСТ Р 50690–2017 «Туристские услуги. Общие требования (Переиздание)» (введен в действие приказом Федерального агентства по техническому регулированию и метрологии от 31 октября 2017 г. № 1561-ст) [5];
- Межгосударственный стандарт ГОСТ 32611–2014 «Туристские услуги. Требования по обеспечению безопасности туристов» (введен в действие прика-

зом Федерального агентства по техническому регулированию и метрологии от 26 марта 2014 г. № 228-ст) [4];

- Национальный стандарт Российской Федерации ГОСТ Р 50764–2009 «Услуги общественного питания. Общие требования» (введен в действие приказом Федерального агентства по техническому регулированию и метрологии от 3 ноября 2009 г. № 495-ст) [7];

- Национальный стандарт Российской Федерации ГОСТ Р 50763–2007 «Услуги общественного питания. Продукция общественного питания, реализуемая населению. Общие технические условия» (введен в действие приказом Федерального агентства по техническому регулированию и метрологии от 27 декабря 2007 г. № 474-ст) [6].

В случае участия в кампусе несовершеннолетних волонтеров мероприятие автоматически подпадает под действие нормативно-правовых актов, регулирующих отдых и здоровье детей, а также правил безопасности на территории лагеря, а именно:

- Федеральный закон от 24 июля 1998 г. № 124-ФЗ «Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации» [29];
- Федеральный закон от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» [33];
- Федеральный закон от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» [28];
- Федеральный закон от 29 декабря 2010 г. № 436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию» [32];
- Основы государственного регулирования и государственного контроля организации отдыха и оздоровления детей (утверждены Распоряжением Правительства Российской Федерации от 22 мая 2017 г. № 978-р) [9];
- Национальный стандарт Российской Федерации ГОСТ Р 52887–2007 «Услуги детям в учреждениях отдыха и оздоровления» (введен в действие приказом Федерального агентства по техническому регулированию и метрологии от 27 декабря 2007 г. № 565-ст.) [8];

- Постановление Главного государственного санитарного врача Российской Федерации от 28 сентября 2020 г. № 28 «Об утверждении санитарных правил СП 2.4.3648–20 “Санитарно-эпидемиологические требования к организациям воспитания и обучения, отдыха и оздоровления детей и молодежи”» [15];

- Постановление Главного государственного санитарного врача Российской Федерации от 18 марта 2011 г. № 22 «Об утверждении СанПиН 2.4.2.2842–11 “Санитарно-эпидемиологические требования к устройству, содержанию и организации работы лагерей труда и отдыха для подростков”» (с изменениями на 22 марта 2017 г.) [14];

- Приказ Министерства здравоохранения Российской Федерации от 13 июня 2018 г. № 327н «Об утверждении Порядка оказания медицинской помощи несовершеннолетним в период оздоровления и организованного отдыха» (с изменениями и дополнениями), в котором определены требования к медицинскому обеспечению детских лагерей, а также правила проведения медицинских осмотров и контроля за состоянием здоровья детей [20].

Еще один блок нормативно-правовых актов, влияющих на организацию международных волонтерских кампусов, составляют документы, регулирующие порядок въезда и пребывания на территории Российской Федерации иностранных граждан:

- Федеральный закон от 15 августа 1996 г. № 114-ФЗ «О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию» [25];

- Федеральный закон от 25 июля 2002 г. № 115-ФЗ «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» [30];

- Федеральный Закон от 18 июля 2006 г. № 109-ФЗ «О миграционном учете иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации» [26];

- Постановление Правительства Российской Федерации от 09 июня 2003 г. № 335 «Об утверждении положения об установлении формы визы, порядка и условий ее оформления и выдачи, продления срока ее действия,

восстановления ее в случае утраты, а также порядка аннулирования визы» [16];

- Приказ МВД России от 4 декабря 2019 г. № 907 «Об утверждении Административного регламента Министерства внутренних дел Российской Федерации по предоставлению государственной услуги по оформлению, выдаче, продлению срока действия и восстановлению виз иностранным гражданам и лицам без гражданства» [19].

Таким образом, в рамках настоящего исследования был предпринят анализ отечественного законодательства, регулирующего вопросы проведения профильных международных волонтерских лагерей. Нормативно-правовой обзор в части подготовки тематических международных волонтерских лагерей на территории Российской Федерации содержит необходимый алгоритм применения норм законодательства всеми возможными заинтересованными субъектами добровольческой деятельности в лице общественных организаций, органов государственной власти и местного самоуправления, волонтеров наследия, а также конкретизирует механизмы взаимодействия между ними.

В свою очередь, нормативная и функциональная специфика правового регулирования организации волонтерских кампусов на территории страны заключается в том, что она может рассматриваться как симбиоз официальных правил, определенных отечественным законодательством и закрепленных в федеральных законах, постановлениях Правительства Российской Федерации, приказах министерств, национальных стандартах, а также методических рекомендациях. В статье продемонстрировано многообразие нормативно-правовых актов и широта охвата ими регулируемых сфер организации деятельности кампусов по сохранению памятников истории и культуры. Однако автор считает, что необходимо разработать единые методические рекомендации, которые позволят организаторам волонтерских кампусов эффективно планировать и координировать добровольческую деятельность в сфере сохранения объектов культурного наследия.

Natalya I. GORLOVA

Dr. Sci. (National History), Assoc. Prof.,
 Plekhanov Russian University of Economics,
 Moscow, Russian Federation
gorlovanat@yandex.ru
ORCID: 0000-0003-0833-2053

***A Legal Basis for Holding International Volunteer Campuses (Camps)
 in the Field of Preserving Historical and Cultural Heritage***

Abstract. The article actualizes the problem of legal regulation of application of volunteer labor in the field of preservation of cultural heritage objects. The aim is to analyze and evaluate the legal norms of the Russian legislation regarding the organization of international volunteer campuses. The empirical basis of the study was formed by legislative acts regulating specialized volunteer work. The study uses mainly a system-structural approach and comparative legal and formal legal methods customary in legal sciences and used in the analysis of legal acts. The author briefly considers the history of holding international campuses and determines the need to develop legal and regulatory support for their activities. She states the heterogeneity and diversity of domestic regulatory legal acts regulating the issues of holding international campuses. She also notes that at present the complex of legal documents includes numerous laws, regulations and instructions that define the rules for organizing such campuses, and contain requirements for participants' living conditions, food, and health. The author comprehensively studies the legal acts of the Russian Federation regulating the activities of volunteer and non-profit organizations, the protection of historical and cultural monuments, the procedure for cooperation between cultural institutions and volunteer organizations, conceptual and program documents (passports of national projects and the Concept for the Development of Volunteering in the Russian Federation), regulations governing the recreation and health of children, safety rules on campus, as well as documents that determine the procedure for foreign citizens' entry and stay on the territory of the Russian Federation. The author concludes that the existing norms can be considered as a kind of a symbiosis of official rules established by Russian legislation that cover various (both general and private) aspects of holding volunteer camps and providing the necessary services for voluntary assistants (volunteer activities, organization of tourism, summer holidays and rehabilitation, protection of historical and cultural monuments, migration issues). At the same time, stays, meals and accommodation at volunteer campuses do not have a clear legal regulation due to the age of most of the volunteers participating in them. The need to develop uniform guidelines for the organizers of international volunteer campuses is indicated, which will allow them to effectively coordinate volunteer activities in the field under study.

Keywords: heritage volunteers, volunteer camp (campus), volunteering, legal acts, protection of historical and cultural heritage, social practice.

Использованная литература:

1. Горлова Н. И. Волонтерство в России и за рубежом: исторический опыт и современное состояние сохранения культурного наследия. Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2020.
2. Горлова Н. И., Губина А. В., Воропаева М. Д. и др. Анализ практики привлечения добровольцев к сохранению культурного наследия (на примере России, Великобритании и Франции). Тверь: Парето-Принт, 2020.
3. Горлова Н. И., Губина А. В., Демидов А. Г. Современные практики привлечения волонтеров к сохранению культурного наследия.

References:

1. Gorlova, N.I. (2020) *Volonterstvo v Rossii i za rubezhom: istoricheskiy opyt i sovremennoe sostoyanie sokhraneniya kul'turnogo naslediya* [Volunteering in Russia and Abroad: Historical Experience and Current State of Preservation of Cultural Heritage]. Krasnodar: Kuban State University.
2. Gorlova, N.I. et al. (2020) *Analiz praktiki privlecheniya dobrovol'tsev k sokhraneniyu kul'turnogo naslediya (na primere Rossii, Velikobritanii i Frantsii)* [Analysis of the Practice of Attracting Volunteers to the Preservation of Cultural Heritage (On the Example of Russia, UK and France)]. Tver: Pareto-Print.

нию историко-культурного наследия. М.: Перспектива, 2021.

4. Межгосударственный стандарт ГОСТ 32611-2014 Туристские услуги. Требования по обеспечению безопасности туристов: введен в действие приказом Федерального агентства по техническому регулированию и метрологии от 26 марта 2014 г. № 228-ст // Федеральное агентство по техническому регулированию и метрологии URL: <https://protect.gost.ru/v.aspx?control=8&baseC=6&page=0&month=1&year=2015&search=&RegNum=1&DocOnPageCount=15&id=179317> (дата обращения: 23.02.2023).

5. Национальный стандарт РФ ГОСТ Р 50690-2017 Туристские услуги. Общие требования (Переиздание): введен в действие приказом Федерального агентства по техническому регулированию и метрологии от 31 октября 2017 г. № 1561-ст // Федеральное агентство по техническому регулированию и метрологии URL: <https://protect.gost.ru/v.aspx?control=8&baseC=1&page=0&month=1&year=1&search=&RegNum=1&DocOnPageCount=15&id=211145> (дата обращения: 23.02.2023).

6. Национальный стандарт РФ ГОСТ Р 50763-2007 Услуги общественного питания. Продукция общественного питания, реализуемая населению. Общие технические условия: введен в действие приказом Федерального агентства по техническому регулированию и метрологии от 27 декабря 2007 г. № 474-ст // Федеральное агентство по техническому регулированию и метрологии URL: <https://protect.gost.ru/v.aspx?control=8&baseC=1&page=0&month=1&year=1&search=&RegNum=1&DocOnPageCount=15&id=178008> (дата обращения: 23.02.2023).

7. Национальный стандарт РФ ГОСТ Р 50764-2009 Услуги общественного питания. Общие требования: введен в действие приказом Федерального агентства по техническому регулированию и метрологии от 3 ноября 2009 г. № 495-ст // Федеральное агентство по техническому регулированию и метрологии URL: <https://protect.gost.ru/v.aspx?control=8&baseC=1&page=0&month=1&year=1&search=&RegNum=1&DocOnPageCount=15&id=176170> (дата обращения: 23.02.2023).

8. Национальный стандарт РФ ГОСТ Р 52887-2007 Услуги детям в учреждениях отдыха и оздоровления: введен в действие приказом Федерального агентства по техническому регулированию и метрологии от 27 декабря 2007 г. № 565-ст. // Федеральное агентство по техническому регулированию и метрологии URL: <https://protect.gost.ru/v.aspx?control=8&baseC=6&page=0&month=5&year=2020&search=%D1%83%D1%81%D0%BB%D1%83%D0%B3%D0%B8&RegNum=1&DocOnPageCount=15&id=223331> (дата обращения: 23.02.2023).

9. Основы государственного регулирования и государственного контроля организации отдыха и оздоровления детей (утв. Распоряжением Правительства РФ от 22 мая 2017 г. № 978-р) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001201706010012> (дата обращения: 23.02.2023).

10. Паспорт национального проекта «Культура» // Правительство Российской Федерации. URL: <http://static.government.ru/media/files/KwygvPgq1PWAajAmsABFTSPUvVtEjHrO.pdf> (дата обращения: 23.02.2023).

3. Gorlova, N.I., Gubina, A.V. & Demidov, A.G. (2021) *Sovremennye praktiki privlecheniya volonterov k sokhraneniyu istoriko-kul'turnogo naslediya* [Modern Practices of Attracting Volunteers to the Preservation of Historical and Cultural Heritage]. Moscow: Perspektiva.

4. Federal Agency for Technical Regulation and Metrology. (2014) *Interstate Standard GOST 32611-2014: Tourist Services. Requirements for Ensuring the Safety of Tourists* (Put Into Force by Order of the Federal Agency for Technical Regulation and Metrology Dated March 26, 2014, No. 228-St). [Online] Available from: <https://protect.gost.ru/v.aspx?control=8&baseC=6&page=0&month=1&year=2015&search=&RegNum=1&DocOnPageCount=15&id=179317> (Accessed: 23.02.2023). (In Russian).

5. Federal Agency for Technical Regulation and Metrology. (2017) *National Standard of the Russian Federation GOST R 50690-2017: Tourist Services. General Requirements (Reissue)* (Put Into Force by Order of the Federal Agency for Technical Regulation and Metrology Dated October 31, 2017, No. 1561-St). [Online] Available from: <https://protect.gost.ru/v.aspx?control=8&baseC=1&page=0&month=1&year=1&search=&RegNum=1&DocOnPageCount=15&id=211145> (Accessed: 23.02.2023). (In Russian).

6. Federal Agency for Technical Regulation and Metrology. (2007) *National Standard of the Russian Federation GOST R 50763-2007: Catering Services. Public Catering Products Sold to the Population. General Technical Conditions* (Put Into Force by Order of the Federal Agency for Technical Regulation and Metrology Dated December 27, 2007, No. 474-St). [Online] Available from: <https://protect.gost.ru/v.aspx?control=8&baseC=1&page=0&month=1&year=1&search=&RegNum=1&DocOnPageCount=15&id=178008> (Accessed: 23.02.2023). (In Russian).

7. Federal Agency for Technical Regulation and Metrology. (2009) *National Standard of the Russian Federation GOST R 50764-2009: Catering Services. General Requirements* (Put Into Force by Order of the Federal Agency for Technical Regulation and Metrology Dated November 3, 2009, No. 495-St). [Online] Available from: <https://protect.gost.ru/v.aspx?control=8&baseC=1&page=0&month=1&year=1&search=&RegNum=1&DocOnPageCount=15&id=176170> (Accessed: 23.02.2023). (In Russian).

8. Federal Agency for Technical Regulation and Metrology. (2007) *National Standard of the Russian Federation GOST R 52887-2007: Services for Children in Recreation and Health Facilities* (Put Into Force by Order of the Federal Agency for Technical Regulation and Metrology of December 27, 2007, No. 565-St). [Online] Available from: <https://protect.gost.ru/v.aspx?control=8&baseC=6&page=0&month=5&year=2020&search=%D1%83%D1%81%D0%BB%D1%83%D0%B3%D0%B8&RegNum=1&DocOnPageCount=15&id=223331> (Accessed: 23.02.2023). (In Russian).

9. Government of the Russian Federation. (2017) *Fundamentals of State Regulation and State Control of the Organization of Recreation and Health Improvement for Children* (Approved by Order of the Government of the Russian Federation of May 22, 2017, No. 978-R). [Online] Available from: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001201706010012> (Accessed: 23.02.2023). (In Russian).

10. Government of the Russian Federation. (2023) *Passport of the National Project "Culture"*. [Online] Avail-

11. Паспорт национального проекта «Образование» // Правительство Российской Федерации. URL: <http://static.government.ru/media/files/UuG1ErcOWtjOFCSqdLsLxC8oPFDkmBB.pdf> (дата обращения: 23.02.2023).

12. Письмо Минкультуры России от 31 мая 2018 г. № 8645-01.1-49@-АЖ «О направлении информации о лучших практиках и разработанных методических материалах по развитию добровольчества (волонтерства) в сфере культуры» // КонсультантПлюс: справочно-правовая система. URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=EXP&n=610796&st=100001#031475435459491763> (дата обращения: 23.02.2023).

13. План мероприятий по реализации Концепции содействия развитию добровольчества (волонтерства) в Российской Федерации до 2025 года (утв. распоряжением Правительства РФ от 27 декабря 2018 г. № 2950-р) (утв. Правительством РФ от 20 июня 2019 г. № 5486п-П44) // КонсультантПлюс: справочно-правовая система. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_328784/ (дата обращения: 23.02.2023).

14. Постановление Главного государственного санитарного врача РФ от 18 марта 2011 г. № 22 «Об утверждении СанПиН 2.4.2.2842-11 “Санитарно-эпидемиологические требования к устройству, содержанию и организации работы лагерей труда и отдыха для подростков”» // Гарант: справочно-правовая система. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/12084437/> (дата обращения: 23.02.2023).

15. Постановление Главного государственного санитарного врача РФ от 28 сентября 2020 г. № 28 «Об утверждении санитарных правил СП 2.4.3648-20 “Санитарно-эпидемиологические требования к организациям воспитания и обучения, отдыха и оздоровления детей и молодежи”» // Гарант: справочно-правовая система. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/74993644/> (дата обращения: 20.02.2023).

16. Постановление Правительства РФ от 09 июня 2003 г. № 335 «Об утверждении положения об установлении формы визы, порядка и условий ее оформления и выдачи, продления срока ее действия, восстановления ее в случае утраты, а также порядка аннулирования визы» // КонсультантПлюс: справочно-правовая система. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_42658/ (дата обращения: 24.02.2023).

17. Постановление Правительства РФ от 25 декабря 2019 г. № 1828 «Об особенностях участия добровольцев (волонтеров) в работах по сохранению объектов культурного наследия, включенных в единый государственный реестр объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации, или выявленных объектов культурного наследия» // Гарант: справочно-правовая система. URL: <https://base.garant.ru/73366205/> (дата обращения: 23.02.2023).

18. Постановление Правительства РФ от 28 ноября 2018 г. № 1425 «Об утверждении общих требований к порядку взаимодействия федеральных органов исполнительной власти, органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации, органов местного самоуправления, подведомственных им государственных и муниципальных учреждений, иных организаций

able from: <http://static.government.ru/media/files/KwyvgvPq1PWAajAmsABFTSPUvVtEjHrO.pdf> (Accessed: 23.02.2023). (In Russian).

11. Government of the Russian Federation. (2023) *Passport of the National Project “Education”*. [Online] Available from: <http://static.government.ru/media/files/UuG1ErcOWtjOFCSqdLsLxC8oPFDkmBB.pdf> (Accessed: 23.02.2023). (In Russian).

12. Ministry of Culture of the Russian Federation. (2018) *Letter of the Ministry of Culture of Russia Dated May 31, 2018, No. 8645-01.1-49@-azh: On Sending Information on Best Practices and Developed Methodological Materials for the Development of Volunteerism (Volunteering) in the Field of Culture*. [Online] Available from: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=EXP&n=610796&st=100001#031475435459491763> (Accessed: 23.02.2023). (In Russian).

13. Government of the Russian Federation. (2019) *Action Plan for the Implementation of the Concept for Promoting the Development of Volunteerism (Volunteering) in the Russian Federation Until 2025* (Approved by Order of the Government of the Russian Federation of December 27, 2018, No. 2950-R) (Approved by the Government of the Russian Federation of June 20, 2019, No. 5486P-P44). [Online] Available from: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_328784/ (Accessed: 23.02.2023).

14. Chief State Sanitary Doctor of the Russian Federation. (2011) *Decree of the Chief State Sanitary Doctor of the Russian Federation Dated March 18, 2011, No. 22, On Approval of SanPiN 2.4.2.2842-11: Sanitary and Epidemiological Requirements for the Arrangement, Maintenance and Organization of Labor and Recreation Camps for Adolescents*. [Online] Available from: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/12084437/> (Accessed: 23.02.2023). (In Russian).

15. Chief State Sanitary Doctor of the Russian Federation. (2020) *Decree of the Chief State Sanitary Doctor of the Russian Federation of September 28, 2020, No. 28, On Approval of the Sanitary Rules SP 2.4.3648-20: Sanitary and Epidemiological Requirements for Organizations of Education and Training, Recreation and Health Improvement of Children and Youth*. [Online] Available from: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/74993644/> (Accessed: 20.02.2023). (In Russian).

16. Government of the Russian Federation. (2003) *Decree of the Government of the Russian Federation of June 9, 2003, No. 335: On Approval of the Regulation on Establishing the Form of a Visa, the Procedure and Conditions for Its Registration and Issuance, Extending Its Validity, Restoring It in Case of Loss, and the Procedure for Canceling a Visa*. [Online] Available from: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_42658/ (Accessed: 24.02.2023). (In Russian).

17. Government of the Russian Federation. (2019) *Decree of the Government of the Russian Federation of December 25, 2019 No. 1828: On the Specifics of the Participation of Volunteers in the Work to Preserve Cultural Heritage Objects Included in the Unified State Register of Cultural Heritage Objects (Monuments of History and Culture) of the Peoples of the Russian Federation, or Identified Objects Cultural Heritage*. [Online] Available from: <https://base.garant.ru/73366205/> (Accessed: 23.02.2023). (In Russian).

18. Government of the Russian Federation. (2018) *Decree of the Government of the Russian Federation of No-*

с организаторами добровольческой (волонтерской) деятельности и добровольческими (волонтерскими) организациями и перечня видов деятельности, в отношении которых федеральными органами исполнительной власти, органами исполнительной власти субъектов Российской Федерации, органами местного самоуправления утверждается порядок взаимодействия государственных и муниципальных учреждений с организаторами добровольческой (волонтерской) деятельности, добровольческими (волонтерскими) организациями» // Гарант: справочно-правовая система. URL: <https://base.garant.ru/72116618/> (дата обращения: 23.02.2023).

19. Приказ МВД России от 4 декабря 2019 г. № 907 «Об утверждении Административного регламента Министерства внутренних дел Российской Федерации по предоставлению государственной услуги по оформлению, выдаче, продлению срока действия и восстановлению виз иностранным гражданам и лицам без гражданства» // Гарант: справочно-правовая система. URL: <http://base.garant.ru/73421575/> (дата обращения: 24.02.2023).

20. Приказ Министерства здравоохранения РФ от 13 июня 2018 г. № 327н «Об утверждении Порядка оказания медицинской помощи несовершеннолетним в период оздоровления и организованного отдыха» (с изменениями и дополнениями) // Гарант: справочно-правовая система. URL: <https://base.garant.ru/72025778/> (дата обращения: 20.02.2023).

21. Распоряжение Правительства РФ от 27 декабря 2018 г. № 2950-р «Об утверждении Концепции развития добровольчества (волонтерства) в РФ до 2025 года» // Гарант: справочно-правовая система. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/72039562/> (дата обращения: 23.02.2023).

22. Федеральный закон от 12 января 1996 г. № 7-ФЗ «О некоммерческих организациях» // Консультант-Плюс: справочно-правовая система. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8824/ (дата обращения: 20.02.2023).

23. Федеральный закон от 10 января 2002 г. № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды» // Консультант-Плюс: справочно-правовая система. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34823/ (дата обращения: 23.02.2023).

24. Федеральный закон от 11 августа 1995 г. № 135-ФЗ «О благотворительной деятельности и добровольчестве (волонтерстве)» // Консультант-Плюс: справочно-правовая система. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_7495/ (дата обращения: 23.02.2023).

25. Федеральный закон от 15 августа 1996 г. № 114-ФЗ «О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию» // Консультант-Плюс: справочно-правовая система. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_11376/ (дата обращения: 24.02.2023).

26. Федеральный закон от 18 июля 2006 г. № 109-ФЗ «О миграционном учете иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации» // Консультант-Плюс: справочно-правовая система. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61569/ (дата обращения: 24.02.2023).

number 28, 2018, No. 1425: On Approval of General Requirements for the Procedure for Interaction Between Federal Executive Authorities, Executive Authorities of the Constituent Entities of the Russian Federation, Local Governments, State and Municipal Institutions Subordinate to Them, Other Organizations With Organizers of Voluntary (Volunteer) Activities and Voluntary (Volunteer) Organizations and a List of Activities in Respect of Which Federal Executive Authorities, Executive Authorities of the Constituent Entities of the Russian Federation, Local Governments Approve the Procedure for Interaction Between State and Municipal Institutions With the Organizers of Voluntary (Volunteer) Activities, Voluntary (Volunteer) Organizations. [Online] Available from: <https://base.garant.ru/72116618/> (Accessed: 23.02.2023). (In Russian).

19. Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation. (2019) *Order of the Ministry of Internal Affairs of Russia Dated December 4, 2019, No. 907: On Approval of the Administrative Regulations of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation for the Provision of Public Services for the Issuance, Extension and Restoration of Visas to Foreign Citizens and Stateless Persons*. [Online] Available from: <http://base.garant.ru/73421575/> (Accessed: 24.02.2023). (In Russian).

20. Ministry of Health of the Russian Federation. (2018) *Order of the Ministry of Health of the Russian Federation of June 13, 2018, No. 327n: On Approval of the Procedure for the Provision of Medical Care to Minors During the Period of Recovery and Organized Recreation (With Amendments and Addenda)*. [Online] Available from: <https://base.garant.ru/72025778/> (Accessed: 20.02.2023). (In Russian).

21. Government of the Russian Federation. (2018) *Decree of the Government of the Russian Federation Dated December 27, 2018, No. 2950-r: On Approval of the Concept for the Development of Volunteerism (Volunteering) in the Russian Federation Until 2025*. [Online] Available from: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/72039562/> (Accessed: 23.02.2023). (In Russian).

22. Russian Federation. (1996) *Federal Law of January 12, 1996, No. 7-FZ: On Non-profit Organizations*. [Online] Available from: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8824/ (Accessed: 20.02.2023). (In Russian).

23. Russian Federation. (2002) *Federal Law of January 10, 2002, No. 7-FZ: On Environmental Protection*. [Online] Available from: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34823/ (Accessed: 23.02.2023). (In Russian).

24. Russian Federation. (1995) *Federal Law of August 11, 1995 No. 135-FZ: On Charitable Activities and Volunteerism (Volunteering)*. [Online] Available from: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_7495/ (Accessed: 23.02.2023). (In Russian).

25. Russian Federation. (1996) *Federal Law of August 15, 1996, No. 114-FZ: On the Procedure for Leaving the Russian Federation and Entering the Russian Federation*. [Online] Available from: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_11376/ (Accessed: 24.02.2023). (In Russian).

26. Russian Federation. (2006) *Federal Law of July 18, 2006, No. 109-FZ: On Migration Registration of Foreign Citizens and Stateless Persons in the Russian Federation*. [Online] Available from: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61569/ (Accessed: 24.02.2023). (In Russian).

27. Russian Federation. (1994) *Federal Law of December 21, 1994, No. 69-FZ: On Fire Safety*. [Online] Avail-

27. Федеральный закон от 21 декабря 1994 г. № 69-ФЗ «О пожарной безопасности» // КонсультантПлюс: справочно-правовая система. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5438/ (дата обращения: 23.02.2023).
28. Федеральный закон от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» // КонсультантПлюс: справочно-правовая система. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_121895/ (дата обращения: 14.02.2023).
29. Федеральный закон от 24 июля 1998 г. № 124-ФЗ «Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации» // КонсультантПлюс: справочно-правовая система. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_19558/ (дата обращения: 14.02.2023).
30. Федеральный закон от 25 июля 2002 г. № 115-ФЗ «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» // Гарант: справочно-правовая система. URL: <http://base.garant.ru/184755/> (дата обращения: 14.02.2023).
31. Федеральный закон от 25 июня 2002 г. № 73-ФЗ «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» // КонсультантПлюс: справочно-правовая система. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_37318/ (дата обращения: 10.02.2023).
32. Федеральный закон от 29 декабря 2010 г. № 436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию» // КонсультантПлюс: справочно-правовая система. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_108808/ (дата обращения: 12.02.2023).
33. Федеральный закон от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» // КонсультантПлюс: справочно-правовая система. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174/ (дата обращения: 12.02.2023).
34. Федеральный закон от 30 марта 1999 г. № 52-ФЗ «О санитарно-эпидемиологическом благополучии населения» // КонсультантПлюс: справочно-правовая система. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_22481/ (дата обращения: 23.01.2023).
- able from: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5438/ (Accessed 23.02.2023). (In Russian).
28. Russian Federation. (2011) *Federal Law of November 21, 2011, No. 323-FZ: On the Basics of Protecting the Health of Citizens in the Russian Federation*. [Online] Available from: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_121895/ (Accessed: 14.02.2023). (In Russian).
29. Russian Federation. (1998) *ederal Law of July 24, 1998, No. 124-FZ: On the Basic Guarantees of the Rights of the Child in the Russian Federation*. [Online] Available from: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_19558/ (Accessed: 14.02.2023). (In Russian).
30. Russian Federation. (2002) *Federal Law of July 25, 2002, No. 115-FZ: On the Legal Status of Foreign Citizens in the Russian Federation*. [Online] Available from: <http://base.garant.ru/184755/> (Accessed: 14.02.2023). (In Russian).
31. Russian Federation. (2002) *Federal Law of June 25, 2002 No. 73-FZ: On Objects of Cultural Heritage (Monuments of History and Culture) of the Peoples of the Russian Federation*. [Online] Available from: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_37318/ (Accessed: 10.02.2023). (In Russian).
32. Russian Federation. (2010) *Federal Law of December 29, 2010, No. 436-FZ: On the Protection of Children From Information Harmful to Their Health and Development*. [Online] Available from: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_108808/ (Accessed: 12.02.2023). (In Russian).
33. Russian Federation. (2012) *Federal Law of December 29, 2012, No. 273-FZ: On Education in the Russian Federation*. [Online] Available from: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174/ (Accessed: 12.02.2023). (In Russian).
34. Russian Federation. (1999) *Federal Law of March 30, 1999, No. 52-FZ: On the Sanitary and Epidemiological Well-Being of the Population*. [Online] Available from: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_22481/ (Accessed: 23.01.2023). (In Russian).

Полная библиографическая ссылка на статью:

Горлова, Н. И. Нормативно-правовые основания проведения международных волонтерских кампусов (лагерей) в сфере сохранения историко-культурного наследия / Н. И. Горлова. – Текст : электронный. – DOI 10.36343/SB.2023.34.2.005 // *Наследие веков*. – 2023. – № 2. – С. 66–76. – URL: <http://heritage-magazine.com/index.php/HC/article/view/546/467> (дата обращения: ДД.ММ.ГГГГ).

Full bibliographic reference to the article:

Gorlova, N. I. (2023) A Legal Basis for Holding International Volunteer Campuses (Camps) in the Field of Preserving Historical and Cultural Heritage. *Nasledie vekov – Heritage of Centuries*. 2. pp. 66–76. (In Russian). DOI: 10.36343/SB.2023.34.2.005

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЫ

REGIONAL HISTORICAL AND CULTURAL STUDIES

ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ
СТАТЬЯ

FULL ARTICLE

ИППОЛИТОВ Сергей Сергеевич

доктор исторических наук, главный научный сотрудник Российского
научно-исследовательского института природного
и культурного наследия имени Д. С. Лихачева;
Российская государственная академия интеллектуальной собственности;
Государственный научно-исследовательский институт реставрации;
Москва, Российская Федерация

Sergey S. IPPOLITOV

Dr. Sci. (National History),

Likhachev Russian Research Institute for Cultural and Natural Heritage,
Russian State Academy of Intellectual Property;
State Research Institute for Restoration;
Moscow, Russian Federation

nivestnik@yandex.ru

ORCID: 0000-0003-3564-4271

УДК: 327.83:[78+79]: 331.102.312(574)
ГРНТИ: 13.11.46
ВАК: 5.10.1.

DOI: 10.36343/SB.2023.34.2.006

**Творческий сектор Казахстана
через призму геополитики:
«мягкая сила»
культурного наследия**

**The Creative Sector of Kazakhstan
through the Prism of Geopolitics:
The Soft Power of Cultural Heritage**

В статье исследуется феномен «мягкой силы» мировых игроков, использующих креативный сектор Казахстана для насаждения собственной политической повестки, направленной на расторжение вековых культурных и исторических связей Казахстана с его соседями, в первую очередь, с Российской Федерацией. Источниковую базу исследования составили: открытая информация иностранных агентов влияния, осуществляющих деятельность на территории Казахстана, нормативные акты республики, публикации казахстанских ученых, данные национальных рейтинговых агентств Казахстана, российские статистические источники. Исследованы методы, широко используемые в ментальном противостоянии ведущих держав: внедрение в публичную сферу чуждых традиционной казахской культуре нарративов, попытки дискре-

дитации общей истории и культурного наследия, насаждение в молодежной среде деструктивных практик, образов и этических установок через подконтрольные инструменты индустрии развлечений.

Ключевые слова: государственная культурная политика, творческие индустрии, культурное наследие, «мягкая сила», Казахстан, Германия, США, Япония, Китай, «Пояс и путь».

Последние десятилетия в общественно-политическом дискурсе ведущих мировых держав все чаще звучит термин «мягкая сила» в качестве определения алгоритма действий по навязыванию собственных интересов остальному миру без прямого использования вооруженных сил. Обманчивая и успокаивающая коннотация слова «мягкая» в этом определении не должна вводить в заблуждение: инструментарий «мягкой силы» весьма обширен и включает в себя отнюдь не только «образовательные и научные проекты», но и вполне «жесткую» дестабилизацию общественной жизни государств, которым «не посчастливилось» оказаться на «острие атаки». Особенно много примеров подобного воздействия можно наблюдать на постсоветском пространстве, где «мягкая сила» «западных партнеров» неоднократно приводила государства к трагическим последствиям. Исследование этих процессов показывает, что внедрение дестабилизирующих общество нарративов, как правило, начиналось с атаки на культурное наследие стран-объектов, когда традиционные национальные духовные ценности умышленно девальвировались, опошлялись, размывались целенаправленной пропагандой. Роль творческих индустрий в этом процессе каждый раз становилась определяющей: именно с помощью креативного инструментария развлекательной сферы внешним акторам удавалось внедрять в общественное сознание требуемые нарративы. Трагические события на Украине — наглядный тому пример. Объект настоящего исследования — креативный сектор другой постсоветской республики — Казахстана, где сегодня активно внедряются аналогичные «мягкие» технологии.

Исследование развития и функционирования творческих индустрий Республики Казахстан будет неполным без выявления и анализа внешних и внутренних социально-

политических и социально-экономических факторов, оказывающих воздействие на креативную отрасль этой среднеазиатской страны. Корпус материалов такого исследования формируется на основе использования открытых информационных источников иностранных агентов влияния, действующих на территории Республики Казахстан, нормативной правовой документации органов государственной власти Казахстана, опубликованных результатов исследований казахстанских ученых, сведений рейтинговых агентств, а также российских статистических источников. При этом методологический инструментарий складывался с учетом возможностей структурно-функционального подхода, рассматривающего «мягкую силу» как целостную систему, обладающую определенным комплексом параметров и функций, а также институционального подхода, благодаря которому выявляются и описываются основные акторы, участвующие в формировании различных стратегий «мягкой силы» и анализируется их значение в аспекте реализации этих стратегий.

Сфера культуры, исторического и культурного наследия, креативной экономики и общественно-политического дискурса на постсоветском пространстве всегда являлись объектом активного воздействия многих заинтересованных сторон из ближнего и дальнего зарубежья. Креативная индустрия — неотъемлемая часть понятия «мягкая сила» — представляет собой чрезвычайно удобный инструмент реализации внешней политики для целого ряда мировых держав в силу своей открытости инновациям, вовлеченности в процесс формирования умонастроений общества и легкой «вхожести» в каждый дом посредством индустрии развлечений. Креативная сфера Казахстана представляет в этом смысле крайне удобный объект для

влияния западной политической мысли. Раствующие в последнее десятилетие националистические настроения, стремление на этом фоне разорвать культурные, научные, интеллектуальные связи с Российской Федерацией, заметное культурное обособление Казахстана в парадигме отторжения советского и российского культурного наследия — эти и сопутствующие процессы находят активную поддержку со стороны субъектов «мягкой силы» западных и восточных правительств [1] [2] [5] [12] [18] [19] [20] [29]. При этом многие исследователи справедливо отмечают, что упомянутое давление «мягкой силы» на страны региона в значительной степени является проекцией геополитического противостояния стран западного мира, с одной стороны, Китая и Российской Федерации — с другой [27].

Современные исследователи предлагают оценивать методологически размытую категорию «мягкой силы» по четырем основным формальным параметрам: политика, экономика, культура и социум [10]. В той или иной степени творческие индустрии являются неотъемлемой частью каждого из этих параметров: политические нарративы внедряются в общество посредством творческого инструментария, креативный сектор формирует заметную долю ВВП страны, культура и социум связаны с творческими индустриями непосредственно, являясь ментальным источником их существования. По названным причинам действующая в современной науке методология изучения и оценки «мягкой силы» государств при осуществлении ими своей внешней политики может быть использована при исследовании особенностей творческой сферы тех или иных государств. Более того, само явление «мягкой силы» может быть истолковано и рассматриваться в качестве элемента креативной индустрии тех государств, которые проецируют свои интересы и влияние во вне, а степень суверенности объектов их воздействия можно оценивать по величине доли «чужой» индустрии развлечений в ментальном общественном пространстве.

Так, автор исследования «Прикладной анализ влияния на Казахстан политики “мягкой силы” США, РФ и КНР» на основе статистического анализа модели изучения «мягкой

силы» трех названных государств по параметру «культурно-цивилизационные ценности» оценил значение «soft power» Российской Федерации в Казахстане в 554,5 балла; США — в 87,1 балла, КНР — в 35,3 балла [14]. В этой условной балльной системе оценки культурно-цивилизационных ценностей учитывалась распространенность языка субъекта «мягкой силы» на территории Казахстана, средств массовой информации, образования, науки. Такую оптимистичную оценку «мягкой силы» Российской Федерации обеспечил русский язык, которым владеют и на котором свободно общается подавляющее большинство жителей республики. Свою положительную роль сыграло и российское образование, широко представленное в Казахстане. Если же более внимательно отнестись к исследованию иностранного влияния на казахстанское общество, то полученный результат будет не столь вдохновляющим: за период с 2012 по 2014 гг. абсолютным лидером в кинопрокате был кинематограф США, примерно в 4 раза опережая российский кинематограф и в 8 раз — кинематограф китайский. В среднем в указанный период в Республике Казахстан в год на экраны выходило 156 американских, 49 российских и 13 китайских художественных фильмов [14], что свидетельствует о почти тотальном превосходстве американской массовой культуры в индустрии развлечений Казахстана.

Контроль за развитием творческих индустрий среднеазиатского региона вообще и Казахстана в частности становится в этом контексте крайне важным и удобным инструментом политического влияния. И целенаправленные действия в этом направлении предпринимаются достаточно активно. Так, в ноябре 2017 г. состоялся международный форум «Креативная Центральная Азия», целью которого было заявлено «построение влиятельной и вовлеченной лидерской сети посредством проведения серии международных ежегодных конференций и создания новых партнерств, и совместной работы с Великобританией для развития “новых экономик” в регионе Центральной Азии» (Цит. по: [22]). Организатором мероприятия выступил British Council — Британский Совет, структура, декларирующая «развитие сотрудничества в обла-

сти образования, культуры и искусства между Великобританией и другими странами» [6]. Данная организация на треть финансируется Министерством иностранных дел Великобритании, по заявлениям бывших сотрудников, в состав British Council входят агенты британской разведки [30]. (В Российской Федерации деятельность Британского Совета была прекращена 17 марта 2018 г.) По утверждению казахстанских источников, «в первом Форуме “Креативная Центральная Азия” приняли участие 800 лидеров из Казахстана, Узбекистана, Кыргызстана и Великобритании, представляющих различные государственные органы, частный сектор и гражданское общество. Лидеры креативного сектора активно участвовали в дискуссиях, способствовавших построению новых отношений и планированию будущей совместной работы». По заверениям организаторов, не менее ста тысяч человек наблюдали за прямой трансляцией форума онлайн [22].

Другой иностранной организацией с государственным финансированием, занимающей заметное место в сфере творческих индустрий Казахстана, является Goethe Institut — Институт Гёте, германская неправительственная организация, пропагандирующая «международное культурное сотрудничество и популяризацию немецкого языка» [23]. Goethe Institut занимается организацией всевозможных массовых мероприятий в различных сегментах творческих индустрий: от джазовых концертов до дизайна городской среды. Так, Институт Гёте реализует в Казахстане программу «Культура в движении», проект «Городские уголки», онлайн-конкурс по культурному менеджменту «Менеджмент в сфере искусства», молодежный театральный фестиваль «Немецкий язык на сцене», фестиваль современной музыки «Made in Germany — Eegeru connect», конкурс «Рэп на немецком», финансирует молодежный лофт-центр Deroe Evolution Park, где работают коворкинг-центры молодых художников, и целый ряд других [22, с. 97].

Как и сто лет назад, сегодня одним из важнейших искусств по-прежнему остается кино. В ста тридцати шести отделениях Goethe Institut, учрежденных по всему миру, ежегодно проводится более двух тысяч кинопоказов —

от архивных немых кинолент до современной германской кинопродукции. Киносеансы часто проводятся в университетах, а в некоторых странах — в специально оборудованных автобусах и даже поездах, как например в Марокко или Индонезии [17].

Среди других областей креативной индустрии, находящихся в сфере активной деятельности Института Гёте, — музыкальное и танцевальное искусство, радиовещание, телевидение, образование, театр, литература.

Самым сильным игроком после Российской Федерации на рынке творческих индустрий Республики Казахстан являются США. До середины 2010-х гг. Соединенные Штаты не рассматривали Казахстан в качестве приоритетного региона проецирования своей «мягкой силы» — их присутствие на среднеазиатском креативном рынке определялось общей внешнеполитической доктриной распространения так называемых «американских ценностей и демократии» в собственных национальных интересах. Ситуация резко изменилась в 2014 г., с началом создания антироссийской западной коалиции, когда ближайшие союзники Российской Федерации стали подвергаться усиленному давлению с целью их геополитического отторжения от единого с Россией евразийского пути развития. Роль культуры вообще и творческих индустрий в частности начала становиться все более значимой, разрушение общего историко-культурного наследия и единого ментального пространства России и Казахстана стало одной из приоритетных задач внешней политики США. Следует отметить, что Соединенные Штаты обладают для достижения своих целей в Казахстане существенным инструментарием в виде развитой системы подконтрольных средств массовой информации. На территории Казахстана ведут вещание девятнадцать американских кабельных телеканалов, среди которых Nickelodeon, MTV, Bloomberg TV и ряд других. Некоторая часть каналов была закрыта после ужесточения казахстанского законодательства о телерадиовещании в 2018 г. [14, с. 57]

При этом следует учесть, что распространенность интернет-ТВ среди жителей Казахстана достигает 49%. Прогнозируемо наиболее популярен этот способ вещания среди

молодой аудитории (15–17 лет), здесь он составляет 72%; в аудитории 18–34 лет — 74%; в аудитории 35–54 лет отмечается падение до 58%. У зрителей старшего возраста после 55 лет интернет-ТВ занимает нишу в 25% (по данным казахстанского портала PROFIT.kz) [26]. Очевидно, что молодежь является наиболее активным потребителем американского креативного продукта, имея соответствующие культурные предпочтения и технические навыки.

Вместе с тем в сфере распространения социальных сетей в Казахстане лидирует российская VKontakte (данные с 2013 по 2019 гг.): ее предпочитает в пять раз больше пользователей, нежели американскую соцсеть Facebook. Наиболее популярная социальная сеть Китая Qzone в Казахстане интересом не пользуется [14, с. 59].

Политику США по ментальному освоению постсоветского пространства активно проводит фонд «Сорос-Казахстан», имеющий свои опорные пункты в Астане, Караганде, Шимкенте и Актобе. При поддержке этого фонда созданы молодежные центры «Білім-Центральная Азия», «Step by Step», Центр современного искусства, Волонтерский дом, Национальный дебатный центр, Языковая школа, Центр демократического образования [3].

Заметное влияние на индустрию развлечений Республики Казахстан оказывает культурная политика Японии. Это влияние в настоящий момент не может перевесить воздействия на творческую сферу региона таких игроков, как Российская Федерация, Великобритания, США или Китай. Однако роль японских креативных технологий, нацеленных на ментальное и культурное завоевание центрально-азиатского региона, нельзя недооценивать. Популяризация традиционных культурных ценностей и исторического наследия, на которой многие десятилетия строилась внешняя культурная экспансия Японии, в последнее время сменилась новым трендом. «Сдувание» японского финансового пузыря и экономическая стагнация вынуждают политические круги смещать акцент с традиционного имиджа Японии как экономически мощной державы с богатой историей и тради-

циями на продвижение массовой поп-культуры с весьма сомнительными нравственными и этическими стандартами. Так, некоторые исследователи отмечают, что «в условиях весьма непростого экономического положения и туманных перспектив дальнейшего развития Японии японский истеблишмент пришел к выводу о необходимости способствовать внешней экспансии своих предприятий малого и среднего бизнеса, работающих в так называемых творческих отраслях, к которым принято относить рекламу, архитектуру, искусство, промыслы, дизайн, моду, видеопroduкцию, игры, музыку, шоу-бизнес, издательский бизнес, создание программного обеспечения и его обслуживание, радио и телевидение, производство мебели, столовых принадлежностей, ювелирных изделий, продуктов питания, туристические услуги» [16, с. 202].

Наметившуюся тенденцию достаточно емко сформулировал бывший министр иностранных дел Японии Т.Асо: «Мы живем в эпоху, когда на национальную дипломатию оказывает большое влияние общественное мнение, формируемое обычными людьми. Поэтому мы хотим, чтобы поп-культура, которая весьма эффективна в воздействии на массовую публику, была бы нашим дипломатическим союзником» (Цит. по: [9, с. 38]).

Сегодня в Центральной Азии действует четыре совместных Центра развития человеческих ресурсов (которые также часто называют Японскими центрами). С августа 2002 г. аналогичный Центр открылся в Казахстане с отделений в Алма-Ате и Астане [9, с. 40].

Американский журналист Мак Грэй, исследовавший японскую молодежную культуру и роль манги, анимэ, моды, кино, электроники, архитектуры, кухни, отмечал, что японские экономические проблемы в известном смысле способствовали развитию креативной сферы. По статистике Министерства экономики, торговли и промышленности Японии, японский рынок творческих индустрий составляет 7% ВВП страны и формирует 5% рабочих мест в экономике [16, с. 203]. И значительная часть продукции японских творческих индустрий предназначена на экспорт, где новые жанры анимации, кинематографа, дизайна и других креативных сфер экономики пользуются все

большим интересом, главным образом — в молодежной среде.

Проблема влияния современной Японии на ближайших соседей и традиционных союзников Российской Федерации приобрела особую актуальность в последние годы. Агрессивные заявления политиков, незаконные экономические рестрикции в отношении нашей страны требуют не только экономического и дипломатического ответов, но и соответствующей осмысленной государственной культурной политики в пространстве творческих индустрий дружественных стран, где современные деструктивные технологии в сфере индустрии развлечений оказывают разрушающее воздействие не только на национальную культуру центрально-азиатского региона, но и ведут к фрагментации единого евразийского культурного пространства, базирующегося на общности исторического и культурного наследия.

Научная общественность Республики Казахстан отчасти понимает опасность подобного культурного и интеллектуального воздействия на молодежь через внедрение чуждых культурных нарративов в сферу индустрии развлечений. Однако специализированных трудов по названной острой проблеме на удивление мало: в частности, нам удалось обнаружить лишь одну научную статью, автор которой заявил о попытке исследования воздействия японской анимации на подрастающее поколение Казахстана. К сожалению, предпринятая попытка оказалась не совсем удачной: автор процитировал значительное количество нормативных актов, призванных оградить казахстанскую молодежь от опасного воздействия деструктивных технологий в креативной индустрии, но обещанного в заглавии изучения влияния феномена японского аниме на психику молодых людей в статье не обнаруживается. Вместе с тем автор привел в исследовании весьма полезную классификацию наиболее распространенных жанров японской анимации, пользующихся повышенным интересом у детей и подростков. Среди таковых аниме, тематическая направленность которых связана с пропагандой нетрадиционных сексуальных отношений и педофилии [2, с. 46].

Из приведенной автором классификации нетрудно понять, насколько разрушительным для детской и юношеской психики может стать увлечение подобным «креативным контентом». Автор статьи делает закономерный вывод, что «многие аниме в виде восточных комиксов, именуемых “Манга”, “Манхва”, “Маньхуа” одобряют, поощряют и пропагандируют инцест, педофилию, суицид, убийство родителей и учителей» [2, с. 47].

Реальность угроз, которые несет в себе деструктивная этика японского аниме, нельзя недооценивать [11] [15]. Самым свежим событием, связанным с молодежными группами, ассоциирующими себя с аниме, стали массовые беспорядки с участием так называемого «ЧВК Рёдан» — субкультуры, основанной на аниме «Hunter x Hunter». Участники этих молодежных групп устроили массовые драки в нескольких российских городах — Москве, Новосибирске, Казани, Санкт-Петербурге. Их последователи в феврале 2023 г. проявили себя в Казахстане [28].

Еще одним стратегическим игроком на поле творческих индустрий среднеазиатских государств является Китай. Крупнейший геополитический и геоэкономический проект КНР «Один пояс — один путь», переименованный позднее в «Пояси путь», впервые был озвучен председателем КНР Си Цзиньпином во время посещения Казахстана и Индонезии осенью 2013 г. [25]. Однако работа по гуманитарной подготовке этого грандиозного проекта началась значительно раньше и затронула все государства, находившиеся в то время в сфере планирования будущей китайской инициативы.

В Казахстане уже в 2002 г. была создана совместная Комиссия по сотрудничеству в области культуры и гуманитарной сферы. С этого момента в целях популяризации своей национальной культуры и языка Китай почти ежегодно, в преддверии китайского Нового года, устраивает гастроли художественных коллективов по городам Казахстана: в 2011 г. это был творческий коллектив из Нанкина; в 2012 г. — Хайнаньский ансамбль народной песни и пляски, в 2013 г. — труппа Хунаньского театра оперы и балета [8, с. 63].

В Республике Казахстан регулярно организуются выставки традиционного китай-

ского искусства, Дни культуры Китая. В июле 2022 г. в Нур-Султане состоялось первое после пандемии такое офлайн-мероприятие [7]. В республике ведут работу отделения информационного агентства «Синьхуа», газет «Жэньминь жибао» и «Гуанминь жибао», международного радио Китая, Центрального Телевидения Китая «ССТV», Синьцзянского телеканала (на казахском языке). Отделения ИА «Синьхуа» работают и на русском языке, что увеличивает охват казахской аудитории за счет русскоязычных граждан республики [8, с. 64].

Некоторые исследователи справедливо отмечают, что успешность гуманитарной экспансии Китая основывается на уважении к традиционным культурным устоям государств и народов, с которыми КНР развивает сотрудничество: «сознательный выбор в пользу традиционалистского содержания нарративов “мягкой силы” призван подчеркнуть китайский культурный суверенитет, независимость от западного масскульта. Китай через традиционализм сознательно сделал ставку на уход от острых политических дискуссий, тем самым не только минимизируя риски вербализации неудобных для Пекина сюжетов, но и компенсируя недостаток актуальных идеологических ценностей для внешней аудитории. Объекты китайской “мягкой силы” в Центральной Азии, в отличие от западной аудитории, придерживаются позиций политического суверенитета и отказа от грубого навязывания им чуждых ценностных догм» [19, с. 279]. Особая успешность такой гуманитарной политики Китая отмечается в Казахстане, занимающем место в первой десятке по количеству студентов в китайских вузах.

Однако наибольшее влияние на общественно-политический дискурс и творческие индустрии Республики Казахстан, по мнению экспертов, оказывает «мягкая сила» Российской Федерации [4] [8] [13] [14] [21] [24].

Как уже отмечалось выше, практически всеобщее владение населением Казахстана русским языком предоставляет России исторический шанс восстановить свое дружественное влияние на среднеазиатский регион и обеспечить сохранение единого социокультурно-

го пространства «русского мира». Роль творческих индустрий в решении этой задачи трудно переоценить. Казахская аудитория традиционно с большим интересом относилась к представителям российской эстрады. Многочисленные концерты популярных исполнителей из России пользуются в Казахстане вниманием и интересом. Вместе с тем многие исследователи отмечают, что политика казахстанского руководства, направленная на культурное обособление страны от общего с Россией исторического и культурного наследия, начинает давать свои негативные результаты: «Казахстан проводит жесткую национальную политику — политику “казахизации”, направленную на возрождение “национальных, культурных, языковых ценностей”, усиление роли казахского языка и влияния казахоязычных кадров в государственном управлении. В частности, “сверху” оказывается активная поддержка отечественной эстраде и исполнителям. В силу этого, а также экономического кризиса в последние несколько лет, воздействие российской “мягкой силы” в сфере эстрады снизилось» [13, с. 32].

При этом автор процитированной выше статьи справедливо замечает, что популярность российских исполнителей, которой они до сих пор пользуются в Казахстане, обеспечена не целенаправленными усилиями российского государства в деле популяризации русской культуры, а традиционными и устоявшимися связями отечественных и казахстанских предпринимателей из шоу-бизнеса. Такое благодушное оставление политики «мягкой силы» «на самотек» в условиях острого геополитического противостояния в сфере культуры и смыслов чревато потерей российской творческой индустрией своих лидирующих позиций в креативном секторе Казахстана. Рецепт купирования возникающих на постсоветском пространстве рисков для реализации Россией собственной «мягкой силы» в креативной сфере автор видит создание альтернативы европейским и мировым творческим конкурсам и фестивалям — Евровидению, Евро-Азиатскому Форуму Моды и пр. — и вовлечение в эту орбиту представителей из дружественных и нейтральных стран, и особенно из постсоветских государств, где «стартовые

позиции» для российской культурной экспансии все еще сильны.

Подводя некоторый итог в кратком рассмотрении творческих индустрий Республики Казахстан в контексте геополитики, допустимо сделать ряд выводов.

Во-первых, имеющийся массив доступных источников и литературы свидетельствует о резком обострении конкуренции мировых игроков за влияние на сферу творческих индустрий центрально-азиатских государств вообще и Республики Казахстан в частности. Субъекты «мягкой силы» используют креативный сектор Казахстана для насаждения собственной политической повестки, направленной на расторжение вековых культурных и исторических связей Казахстана с его соседями, в первую очередь, с Российской Федерацией. Внедрение в публичную сферу чуждых традиционной казахской культуре нарративов, попытки дискредитации общей истории и культурного наследия, насаждение в молодежной среде деструктивных практик, образов и этических установок через подконтрольные инструменты индустрии развлечений — эти и подобные им методы широко используются в ментальном противостоянии ведущих держав.

Во-вторых, прочные, на первый взгляд, позиции Российской Федерации в пространстве креативных индустрий Республики Казахстан, обеспеченные главным образом широким распространением русского языка

в стране и историко-культурной близостью, оспариваются и подвергаются эрозии посредством инструментов «мягкой силы» коллективного Запада. Подобная политика недружественных России государств находит определенную поддержку в казахстанских элитах, проводящих целенаправленную политику национального культурного обособления. В среднесрочной перспективе подобная ситуация может привести к утере Российской Федерацией собственных инструментов «мягкой силы» в этой среднеазиатской республике, если не будет реализована государственная программа популяризации и поддержки российской индустрии развлечений, образования, туризма и других творческих индустрий.

Наконец, необходимо признать, что Китайская Народная Республика, также проводящая активную политику по гуманитарному освоению среднеазиатского региона, предлагает Республике Казахстан весьма конкурентную модель творческого сотрудничества, основанную на уважении к нематериальному наследию страны, историко-культурным традициям, вовлечении местной молодежи в образовательные и творческие проекты. Подобная «вежливая и уважительная» гуманитарная экспансия КНР в пространство творческих индустрий Казахстана также создает определенный вызов Российской Федерации, порождая необходимость конкурировать с мощными креативными ресурсами великой восточной державы.

Sergey S. IPPOLITOV

Dr. Sci. (National History),

Likhachev Russian Research Institute for Cultural and Natural Heritage,

Russian State Academy of Intellectual Property;

State Research Institute for Restoration;

Moscow, Russian Federation

nivestnik@yandex.ru

ORCID: 0000-0003-3564-4271

***The Creative Sector of Kazakhstan through the Prism of Geopolitics:
The Soft Power of Cultural Heritage***

Abstract. The article explores the phenomenon of the soft power of global players that use the creative sector of Kazakhstan to impose their own political agenda aimed at breaking the centuries-old cultural and historical ties of Kazakhstan with its neighbors, primarily with the Russian Federation. The source base of the study contains open information of foreign agents of influence operating in the

Republic of Kazakhstan, regulatory acts of the Republic of Kazakhstan, publications of Kazakh scientists, data from national rating agencies of Kazakhstan, Russian statistical sources. The methodological tools were developed taking into account the possibilities of the structural-functional approach, which considers soft power as an integral system with a certain set of parameters and functions, as well as the institutional approach. The author considers activities of international organizations that influence the development of the creative industries of Kazakhstan (British Council and Goethe-Institut) and evaluates the policies of a number of states aimed at developing the cultural space of the republic (USA, Japan). He also studies methods widely used in the mental confrontation of the leading powers: the introduction of narratives alien to the traditional Kazakh culture into the public sphere, attempts to discredit the common history and cultural heritage, planting of destructive practices, images and ethical attitudes in the youth environment through controlled tools of the entertainment industry. The author emphasizes the success in Kazakhstan of humanitarian activities implemented by China and based on respect for the traditional cultural foundations and heritage of the states and peoples with which the PRC is developing cooperation, and considers the events in the field of culture and the humanitarian sphere, carried out by Chinese creative teams in the Republic of Kazakhstan. The author analyzes in detail the impact by the soft power of the Russian Federation on the socio-political discourse and creative industries of the Republic of Kazakhstan. The author concludes that Russia's strong, at first glance, position in the creative industries of the Republic of Kazakhstan is ensured by the wide spread of the Russian language in the country and historical and cultural closeness. Meanwhile, these positions are currently being challenged and eroded through the soft power tools of the collective West. Such a policy of states unfriendly to Russia finds some support among the Kazakhstani elites, who are pursuing a targeted policy of national cultural isolation.

Keywords: state cultural policy, creative industries, cultural heritage, soft power, Kazakhstan, Germany, USA, Japan, China, Belt and Road.

Использованная литература:

1. Азимбаева С. «Мягкая сила» Великобритании в Центральной Азии // *ORIENSS*. 2021. № 11. С. 226–232.
2. Абулгазин Е. С., Макенов Т. К. К вопросу о влиянии японской анимации на подрастающее поколение Республики Казахстан // *Colloquium-Journal*. 2021. № 22-2 (109). С. 46–51.
3. Александров Д., Ипполитов И., Попов Д. «Мягкая сила» как инструмент американской политики в Центральной Азии. Казахстан // *Россия и мусульманский мир*. 2014. № 2 (260). С. 62–80.
4. Бактыбаева А. Факторы, тормозящие развитие гуманитарного сотрудничества Республики Казахстан и Российской Федерации в ходе евразийской интеграции // *Постсоветские исследования*. 2021. № 5. С. 400–408.
5. Берикбаева А. К. Арт-менеджмент как комплексная система продвижения казахской национальной культуры в условиях глобализации // *Евразийская наука и искусство*. 2019. № 3. С. 50–54.
6. Британский совет [Электронный ресурс] // Википедия. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%91%D1%80%D0%B8%D1%82%D0%B0%D0%BD%D1%81%D0%BA%D0%B8%D0%B9_%D1%81%D0%BE%D0%B2%D0%B5%D1%82 (дата обращения: 25.03.2023).
7. В столице Казахстана прошел День китайской культуры [Электронный ресурс] // *Синьхуа Новости*. 14.07.2022. URL: <https://russian.news.cn/20220714/b14>

References:

1. Azimbaeva, S. (2021) The “Soft Power” of Great Britain in Central Asia. *ORIENSS*. 11. pp. 226–232. (In Russian).
2. Abulgazin, E.S. & Makenov, T.K. (2021) K voprosu o vliyaniy yaponskoy animatsii na podrastayushchee pokolenie Respubliki Kazakhstan [On the Influence of Japanese Animation on the Younger Generation of the Republic of Kazakhstan]. *Colloquium-Journal*. 22-2 (109). pp. 46–51.
3. Aleksandrov, D., Ippolitov, I. & Popov, D. (2014) “Myagkaya sila” kak instrument amerikanskoy politiki v Tsentral’noy Azii. Kazakhstan [“Soft Power” as an Instrument of American Policy in Central Asia. Kazakhstan]. *Rossiya i musul'manskiy mir*. 2 (260). pp. 62–80.
4. Baktybaeva, A. (2021) Factors Hindering the Development of Humanitarian Cooperation Between the Republic of Kazakhstan and the Russian Federation During Eurasian Integration. *Postsovetkie issledovaniya*. 5. pp. 400–408. (In Russian).
5. Berikbaeva, A.K. (2019) Art-menedzhment kak kompleksnaya sistema prodvizheniya kazakhskoy natsional'noy kul'tury v usloviyakh globalizatsii [Art Management as an Integrated System for the Promotion of Kazakh National Culture in the Context of Globalization]. *Vestnik “EvrAziyskaya nauka i iskusstvo”*. 3. pp. 50–54.
6. Wikipedia. (2023) *British Council*. [Online] Available from: https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%91%D1%80%D0%B8%D1%82%D0%B0%D0%BD%D1%81%D0%BA%D0%B8%D0%B9_%D1%81%D0%BE%D0%B2%D0%B5%D1%82 (Accessed: 25.03.2023). (In Russian).
7. Xinhua News. (2022) *The Day of Chinese Culture Was Held in the Capital of Kazakhstan*. [Online] Available

388992c1644d7af720a8fb0b9d6d4/c.html (дата обращения: 21.03.2023).

8. Ван Гуанчжэнь, Журавлёва Е. В. Политика «мягкой силы» России и КНР в отношении стран Центральной Азии (на примере Казахстана) // Вестник РУДН. Серия: Международные отношения. 2015. № 1. С. 60–67.

9. Добринская О. А. Особенности «мягкой силы» Японии в странах Центральной Азии // Япония. 2015. № 44. С. 36–56.

10. Журавлёва Е. В. Прикладной анализ политики «мягкой силы» КНР, РФ и США в Монголии // Вестник международных организаций. 2018. Т. 13. № 1. С. 171–192. DOI: 10.17323/19967845-2018-01-10.

11. Иванов Б. Введение в японскую анимацию. М.: Всерос. фонд развития кинематографии, 2001.

12. Илеуова Г. Т. Восприятие населением Казахстана ситуации в сфере культуры // Телескоп. 2011. № 2. С. 25–28.

13. Калитко И. И. Российская эстрада как фактор «мягкой силы» России на постсоветском пространстве (на примере Беларуси и Казахстана) // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. 2020. № 3. С. 29–36.

14. Козлов Г. В. Прикладной анализ влияния на Казахстан политики «мягкой силы» США, РФ и КНР // Постсоветский материк. 2020. № 1 (25). С. 32–61.

15. Коломицкий А. Голая правда об аниме, или Как нами манипулируют [Электронный ресурс] // Библиотека Ihtika. URL: <https://ihtika.ru/book/download/a-kolomitskiy-golaya-pravda-ob-anime-ili-kak-nami-manipuliruyut-2-e-izdanie-2010-pdf> (дата обращения: 21.03.2023).

16. Королёв В. А., Кудрявцева С. С. «Мягкая сила» современной Японии: опыт и направления развития // Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика. 2014. № 2. С. 198–208.

17. Ланьшина Т. А. «Мягкая сила» Гёте-Института // Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика. 2015. № 1. С. 118–142.

18. Лебедева М. М. «Мягкая сила» в отношении Центральной Азии: участники и их действия // Вестник МГИМО. 2014. № 2 (35). С. 47–55.

19. Махмутова Е. В. Китайская «мягкая сила» в Центральной Азии: перспективы и ограничители // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. 2022. № 27. С. 268–283.

20. Мурадян К. А. Организация ЕАЭС как элемент межгосударственного взаимодействия и глобализации // Проблемы науки. 2018. № 3 (27). С. 42–47.

21. Наумов А. О. Историческая память о Великой Отечественной войне как ресурс «мягкой силы» современной России // Известия АлтГУ. 2020. № 6 (116). С. 41–45.

22. Оспанова А. М., Сарымсакова А. С. Роль двух мегаполисов: г. Нур-Султан и г. Алматы на рынке креативной индустрии Казахстана // Глобальная экономика в XXI веке: роль биотехнологий и цифровых технологий: сб. науч. ст. по итогам работы круглого стола с междунар. участием. Москва: Конвент, 2020. С. 95.

23. Официальный сайт Института Гёте [Электронный ресурс]. URL: <https://www.goethe.de/en/> (дата обращения: 21.03.2023).

from: <https://russian.news.cn/20220714/b14388992c1644d7af720a8fb0b9d6d4/c.html> (Accessed: 21.03.2023). (In Russian).

8. Wang Guangzhen & Zhuravleva, E.V. (2015) Russia's and China's "Soft Power" Policy Towards the Countries of Central Asia (On the Example of Kazakhstan). *Vestnik RUDN. Seriya: Mezhdunarodnye otnosheniya*. 1. pp. 60–67. (In Russian).

9. Dobrinskaya, O.A. (2015) Osobennosti "Myagkoy sily" Yaponii v stranakh Tsentral'noy Azii [Features of Japan's Soft Power in Central Asian Countries]. *Ezhegodnik Yaponiya*. 44. pp. 36–56.

10. Zhuravleva, E.V. (2018) Applied Analysis of the Soft Power of the PRC, Russia and the U.S. in Mongolia. *Vestnik mezhdunarodnykh organizatsiy*. 13 (1). pp. 171–192. (In Russian). DOI: 10.17323/19967845-2018-01-10

11. Ivanov, B. (2001) *Vvedenie v yaponskuyu animatsiyu* [Introduction to Japanese Animation]. Moscow: Vseros. fond razvitiya kinematografii.

12. Ilevova, G.T. (2011) Vospriyatie naseleniem Kazakhstana situatsii v sfere kul'tury [Perception of the Situation in the Sphere of Culture by the Population of Kazakhstan]. *Teleskop*. 2. pp. 25–28.

13. Kalit'ko, I.I. (2020) Russian Pop Music as a Factor of Russia's "Soft Power" in the Post-Soviet Space (On the Example of Belarus and Kazakhstan). *Gumanitarnye nauki. Vestnik Finansovogo universiteta*. 3. pp. 29–36. (In Russian).

14. Kozlov, G.V. (2020) Applied Analysis of the Impact of the "Soft Power" Policy on Kazakhstan by the USA, the Russian Federation and China. *Postsovetskiy materik*. 1 (25). pp. 32–61.

15. Kolomitskiy, A. (2010) *Golaya pravda ob anime, ili Kak nami manipuliruyut* [The Naked Truth About Anime, or How We Are Manipulated]. [Online] Available from: <https://ihtika.ru/book/download/a-kolomitskiy-golaya-pravda-ob-anime-ili-kak-nami-manipuliruyut-2-e-izdanie-2010-pdf> (Accessed: 21.03.2023)

16. Korolev, V.A. & Kudryavtseva, S.S. (2014) "Myagkaya sila" sovremennoy Yaponii: opyt i napravleniya razvitiya [Soft Power of Modern Japan: Experience and Directions of Development]. *Vestnik mezhdunarodnykh organizatsiy: obrazovanie, nauka, novaya ekonomika*. 2. pp. 198–208.

17. Lan'shina, T.A. (2015) "Myagkaya sila" Gete-Instituta [Soft Power of Goethe-Institut]. *Vestnik mezhdunarodnykh organizatsiy: obrazovanie, nauka, novaya ekonomika*. 1. pp. 118–142.

18. Lebedeva, M.M. (2014) "Myagkaya sila" v otnoshenii Tsentral'noy Azii: uchastniki i ikh deystviya [Soft Power in Relation to Central Asia: Participants and Their Actions]. *Vestnik MGI MO*. 2 (35). pp. 47–55.

19. Makhmutova, E.V. (2022) Chinese "Soft Power" in Central Asia: Prospects and Constraints. *Kitay v mirovoy i regional'noy politike. Istoriya i sovremennost'*. 27. pp. 268–283. (In Russian).

20. Muradyan, K.A. (2018) Organizatsiya EAES kak element mezhdunarodnogo vzaimodeystviya i globalizatsii [The EAEU as an Element of Interstate Interaction and Globalization]. *Problemy nauk*. 3 (27). pp. 42–47.

21. Naumov, A.O. (2020) Historical Memory of the Great Patriotic War as a Soft Power Resource of Modern Russia. *Izvestiya AltGU*. 6 (116). pp. 41–45. (In Russian).

22. Ospanova, A.M. & Sarymsakova, A.S. (2020) [The Role of Two Megacities – Nur-Sultan and Almaty – in the Market of the Creative Industry of Kazakhstan]. *Global'naya ekonomika v XXI veke: rol' biotekhnologii i tsifrovyykh tekhnologii* [Global Economy in the 21st Century: The Role of Biotechnologies and Digital Technologies]. Proceedings of the Round Table. Moscow: Konvert. p. 95.

24. Полякова Е. А., Антипова Ю. В. Особенности продвижения ценностей российской культуры в образовательном пространстве азиатских стран // Ученые записки Алтайской государственной академии культуры и искусств. 2021. № 4 (30). С. 27–35.
25. Пояс и путь [Электронный ресурс] // Википедия. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%9F%D0%BE%D1%8F%D1%81_%D0%B8_%D0%BF%D1%83%D1%82%D1%8C (дата обращения: 21.03.2023).
26. Рынок платного ТВ в Казахстане: невероятная легкость «телебывтия» [Электронный ресурс] // PROFIT. 23.04.2018. URL: <https://profit.kz/articles/13414/Rinok-platnogo-TV-v-Kazahstane-neveroyatnaya-legkost-telebitiya/> (дата обращения: 21.03.2023).
27. Саттарова М. С. Основные направления реализации политики «мягкой силы» США в Центральной Азии // Социально-гуманитарные знания. 2022. № 5. С. 171–173.
28. ЧВК Редан в Казахстане [Электронный ресурс] // DTF. URL: <https://dtf.ru/flood/1660449-chvk-redan-v-kazahstane> (дата обращения: 21.03.2023).
29. Чже Сун Хун, Успенская Л. И. Активизация культурного обмена между Республикой Корея и странами Центральной Азии в рамках Евразийской инициативы // Вестник Российского экономического университета им. Г. В. Плеханова. 2016. № 6 (90). С. 132–137.
30. Шестаков И. Демарш совета. Британского [Электронный ресурс] // Аргументы и факты. 2008. № 3 (1420). 16 января. URL: <https://aif.ru/politics/world/1582> (дата обращения: 27.03.2023).
23. *Goethe-Institut*. [Online] Available from: <https://www.goethe.de/en/> (Accessed: 21.03.2023).
24. Polyakova, E.A. & Antipova, Yu.V. (2021) Oso-bennosti prodvizheniya tsennostey rossiyskoy kul'tury v obrazovatel'nom prostranstve aziatskikh stran [Features of Promoting the Values of Russian Culture in the Educational Space of Asian Countries]. *Uchenye zapiski (Altayskaya gosudarstvennaya akademiya kul'tury i iskusstv)*. 4 (30). pp. 27–35.
25. Wikipedia. (2023) *Poyas i put'* [Belt and Road]. [Online] Available from: https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%9F%D0%BE%D1%8F%D1%81_%D0%B8_%D0%BF%D1%83%D1%82%D1%8C (Accessed: 21.03.2023).
26. PROFIT. (2023) *Rynok platnogo TV v Kazakhstane: neveroyatnaya legkost' "telebytiya"* [Pay TV Market in Kazakhstan: The Incredible Lightness of "Television"]. [Online] Available from: <https://profit.kz/articles/13414/Rinok-platnogo-TV-v-Kazahstane-neveroyatnaya-legkost-telebitiya/> (Accessed: 21.03.2023).
27. Sattarova, M.S. (2022) Osnovnye napravleniya realizatsii politiki "Myagkoy sily" SShA v Tsentral'noy Azii [The Main Directions of the Implementation of the US "Soft Power" Policy in Central Asia]. *Sotsial'no-gumanitarnye znaniya*. 5. pp. 171–173.
28. DTF. (2023) *PMC Redan in Kazakhstan*. [Online] Available from: <https://dtf.ru/flood/1660449-chvk-redan-v-kazahstane> (Accessed: 21.03.2023). (In Russian).
29. Jae Sun Hong & Uspenskaya, L.I. (2016) Aktivizatsiya kul'turnogo obmena mezhdru Respublikoy Koreey i stranami Tsentral'noy Azii v ramkakh Evraziyskoy initsiativy [Activation of Cultural Exchange Between the Republic of Korea and the Countries of the Central Asia Within the Framework of the Eurasian Initiative]. *Vestnik Rossiyskogo ekonomicheskogo universiteta imeni G. V. Plekhanova*. 6 (90). pp. 132–137.
30. Shestakov, I. (2008) Demarsh soveta. Britanskogo [Demarche of the Council. British Council]. *Argumenty i fakty*. 16 January. 03 (1420). [Online] Available from: <https://aif.ru/politics/world/1582> (Accessed: 27.03.2023).

Полная библиографическая ссылка на статью:

Ипполитов, С. С. Творческий сектор Казахстана через призму геополитики: «мягкая сила» культурного наследия / С. С. Ипполитов. – Текст : электронный. – DOI 10.36343/SB.2023.34.2.006 // Наследие веков. – 2023. – № 2. – С. 77–87. – URL: <http://heritage-magazine.com/index.php/HC/article/view/548/466> (дата обращения: ДД.ММ.ГГГГ).

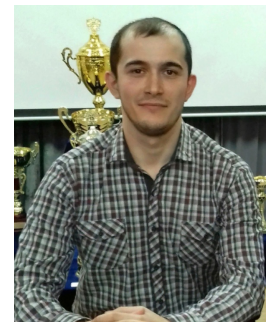
Full bibliographic reference to the article:

Ippolitov, S. S. (2023) The Creative Sector of Kazakhstan through the Prism of Geopolitics: The Soft Power of Cultural Heritage. *Nasledie vekov – Heritage of Centuries*. 2. pp. 77–87. (In Russian). DOI: 10.36343/SB.2023.34.2.006

ЧАЧИ Эбазер Мустафаевич
аспирант кафедры истории
Крымского инженерно-педагогического университета
имени Февзи Якубова,
Симферополь, Российская Федерация

Ebazer M. CHACHI
Postgraduate Student,
Crimean Engineering and Pedagogical University
named after Fevzi Yakubov,
Simferopol, Russian Federation
ebazer.chachi.98@mail.ru
ORCID: 0000-0002-0903-7884

УДК: [791.44.071.5-057.36:791.229.2]:929(292.471)“1941/1945”
ГРНТИ: 03.23.55
ВАК: 5.6.1.

DOI: 10.36343/SB.2023.34.2.007

**Фронтовые кинооператоры –
уроженцы Крыма в годы
Великой Отечественной войны:
историко-биографический очерк**

**Front-Line Camera Operators–Natives
of the Crimea during
the Great Patriotic War:
A Historical and Biographical Sketch**

Цель работы – выявить значение профессиональной деятельности кинооператоров, работавших во фронтовых условиях и являвшихся уроженцами Крымского полуострова, в освещении событий Великой Отечественной войны и создании кинематографических источников, свидетельствующих о них. Работа проведена на основе материалов Российского государственного архива литературы и искусства, использованы также фактография и выводы из работ специалистов по истории кино. Обобщены и проанализированы биографические данные девяти кинооператоров-крымчан (сведения о жизненном и боевом пути, заслугах и наградах, фильмография и др.). Осуществлен сравнительный анализ биографий сотрудников военных киностудий СССР, являвшихся уроженцами Крыма. В процентном отношении определен вклад крымских фронтовых кинооператоров и режиссеров в освещение военных событий, впервые проведена сравнительная оценка значения их героической деятельности для формирования массива киноисточников о Великой Отечественной войне.

Ключевые слова: кинооператор, фронтовые кинооператоры, фронтовые кинорежиссеры, Великая Отечественная война, фронтовая кинолетопись, Крым.

Введение. Одной из характеристик современной эпохи является динамичное развитие научно-технических средств и технологий, формирующих достаточно объемное

информационное поле, с помощью которого каждый человек способен получить безграничное число новостных данных со всего мира, используя также материалы визуаль-

ного характера, раскрывающие любой сюжет до мельчайших деталей. При этом приходится констатировать, что вместе с резким скачком в развитии технологий произошло снижение глубины эмоционального сопереживания зрителя участникам демонстрируемых сюжетов. Наблюдатель зачастую перегружен разнообразной информацией и не уделяет должного внимания даже важным и решающим событиям. В этих условиях значительно возрастает роль источников визуальной информации как «передатчиков» искренних эмоций прошлого и объективных данных о нем, непосредственно воспринимаемых и осознаваемых нашими современниками. Например, фронтовая фотография или запись может передать и глубину случившейся трагедии, и радость победы. Подобный бесценный источник, формирующий определенный элемент исторической памяти о событиях Второй мировой войны, как нельзя лучше показывает подвиг фронтовых корреспондентов, создававших материалы, запечатлевшие нелегкий путь к Победе.

Победа в Великой Отечественной войне была достигнута за счет совокупных усилий всех граждан Советского Союза. Знания о совершенных подвигах уроженцев родного края имеют большую ценность для современных поколений, служат формированию у молодежи нравственных ориентиров.

Историография проблемы представлена относительно небольшим рядом исследовательских работ, посвященных истории кино и созданных на основе фронтовых сводок, сохранившихся съемочных листов и сценариев. Авторы этих работ использовали, как правило, собственные материалы, оставшиеся после войны, а также воспоминания своих коллег.

Первой работой по истории создания фронтовой кинохроники в годы Великой Отечественной войны является труд В. В. Микоши [13], крайне ценный в плане раскрытия будней советских киногрупп в военные годы в большей степени из-за того, что автор сам был фронтовым оператором и на собственном опыте испытал все трудности этой профессии.

Долгое время дискуссионным остается вопрос о численности советских фронтовых кинооператоров. А. А. Лебедев, который сам являлся представителем этой профессии, по-

сле войны предпринимал попытки создания полного поименного списка своих коллег. Его первый сборник «Их оружие — кинокамера» [12] описывал судьбу 243 операторов [5, с. 6]. В 1985 г. А. А. Лебедевым совместно с Д. Г. Рымаревым был издан альбом «Из кинолетописи Великой Отечественной 1941–1945» [11], в котором эта цифра была уточнена, составив 257 человек [8, с. 461]. Стоит, однако, отметить, что А. А. Лебедев не являлся профессиональным историком, и его работы носят по большей части публицистический характер. Основные проблемы при этом возникали с определением статуса фронтового кинесотрудника, поскольку многие из них погибли, не успев снять хотя бы один кадр. Другие же сняли малое количество материала и зачастую не упоминались в сводках. На протяжении долгого времени считалось, что число фронтовых киноработников, определенное А. А. Лебедевым, является окончательным, пока в конце 1980-х гг. не были обнаружены сохранившиеся монтажные листы военной эпохи, в которых удалось обнаружить фамилии 308 операторов и ассистентов, а также 107 административных киноработников, режиссеров, звукооператоров, также входивших в состав фронтовых групп.

В 2016 г. вышла в свет обширная работа А. С. Дерябина [5], включавшая сведения о практически всех ранее упоминавшихся в источниках фронтовых кинолетописцах. Однако в данном библиофильмографическом справочнике отмечается, что указанные в книге данные об их численности не являются окончательными [5, с. 16–17]. Также никогда не был произведен подсчет операторов по месту их рождения или же по региону призыва.

В исследованиях общего характера получили свое воплощение тенденции, характерные для всего кинофронта в целом и практически не раскрываются подробности, связанные с вкладом кино- и фотокорреспондентов, работавших в регионах, в отечественную военную кинодокументалистику.

Несмотря на то, что общее количество сотрудников советских киногрупп не превышает и пяти сотен, некоторые регионы дали фронту значимое число высококвалифицированных кинооператоров и режиссеров. В на-

стоящее время приходится констатировать, что в Крыму уровень осведомленности и общества, и специалистов-историков об уроженцах полуострова, создававших документальную хронику войны, достаточно невысок. Порой также допускаются различные ошибки в определении региона происхождения некоторых кинооператоров и режиссеров: часто тех, кто не родился в Крыму, а переехал на полуостров в 1960–1970-х гг., публицисты и популяризаторы истории указывают как урожденных крымчан.

Некоторые данные о кинооператорах, относящиеся к крымскому региону и его уроженцам-кинороботникам, можно найти в трудах В. В. Микоши и А. А. Лебедева, которые давали им различные характеристики, отмечая как особенности личности, так и уровень профессиональных навыков.

В данной работе автор поставил себе *цель* на примере девяти уроженцев Крымского полуострова раскрыть тему подвига сотрудников кинофронта, которые своей работой создали кинолетопись войны, сыграли значительную роль в создании для будущих поколений наглядных материалов, способствующих формированию исторической памяти.

Материалы исследования представлены в первую очередь источниками мемуарного характера, опубликованными В. В. Микошей и А. А. Лебедевым. Данные воспоминания, поскольку являются одним из немногих источников информации по теме, часто цитировались в ряде научных работ.

Источниками, содержащими информацию о награждениях, а также о подвигах, совершенных фронтовыми кинооператорами и режиссерами, являются материалы Центрального архива Министерства обороны Российской Федерации, опубликованные в Едином банке данных «Мемориал» в сети Интернет [15]. Наградные листы, как правило, содержат основную и точную информацию, часто выраженную в цифрах, по совершенным подвигам и полученным наградам.

Еще одним источником являются материалы Российского государственного архива литературы и искусства, в котором представлено наиболее полное собрание документов по истории фронтовой кинохроники периода

Великой Отечественной войны. Для целей настоящего исследования использовались материалы фондов Главного управления по производству хроникально-документальных фильмов — Главкинохроника (Ф. 2451), Комитета по делам кинематографии при СНК СССР (Ф. 2456), Центральной студии документальных фильмов (Ф. 2487). В указанных фондах представлены также документы, содержащие биографии и характеристики фронтовых сотрудников киногрупп.

Методологической основой определения вклада военнотружеников фронтовых кинооператоров и режиссеров из числа уроженцев Крыма в Победу во Второй мировой войне явилось совокупное применение эмпирического анализа и сравнительного метода. Также в работе нашел свое воплощение метод актуализации, который помог практически применить полученные в процессе исследования выводы и обобщения, рассмотреть изучаемое явление как единое целое в более широком социальном контексте. Материал работы был принят за основу экспозиционного рассказа и структуры выставки «Великая Отечественная в объективе» Крымскотатарского музея культурно-исторического наследия, действующей с 5 мая по 31 июня 2023 г.

Научная значимость исследования определяется тем, что в настоящее время не существует научных работ, в которых была бы представлена общая характеристика профессиональной работы уроженцев Крыма — сотрудников фронтовых киногрупп. Основная доля работ по теме касается общей характеристики вклада фронтовых кинооператоров и режиссеров в Победу, освещению их фронтовых будней, награждений и проч. Между тем среди значительного количества фронтовых киноработников трудно определить принадлежность героев войны к определенному региону по рождению, хотя такое определение, производящееся наряду с уточнением биографий сотрудников фронтовых киногрупп, будет весьма полезным для развития краеведения и региональной истории.

Начало работы советских военных кинооператорских групп относится к первому месяцу Великой Отечественной войны. Еще

в марте 1941 г. в Главном управлении политической пропаганды РККА обсуждалось создание специальных операторских групп в составе вооруженных сил, однако, как показали последующие события, окончательного решения принято не было [10, с. 14]. На момент начала войны единой структуры фронтовых киногрупп еще не существовало, но уже к 26 июня 1941 г. в киножурналы и хранилища отснятой киноплёнки стали поступать первые сюжеты боевых действий, снятые случайно попавшими в районы боевых действий операторами. К 12–13 июля 1941 г. система государственной армейской фиксации хроники войны находилась на удовлетворительном уровне, на основных участках фронта действовало 16 киногрупп, в составе которых числилось более 90 операторов, среди которых каждый четвертый являлся выпускником ВГИКа [10, с. 16]. К середине июля 1941 г. был сформирован фронтовой отдел киносъёмки при Главном политуправлении РККА, а в политических частях при фронтовом командовании организованы особые группы, руководить которыми были назначены в большинстве случаев режиссеры или операторы. Съёмки стали вестись не только на полях сражений или в уничтоженных городах, но и в партизанских отрядах. Группы перебрасывались даже в другие страны, где действовало движение сопротивления оккупантам. Ряд операторов временно отправили в экипажи ВВС для аэросъёмки.

На передовой фронтовые операторы работали парами, использовали ручные кинокамеры «Аймо», «КС-4» и «КС-5». Стоит отметить, что последние в мирное время обычно применялись для досъёмки отдельных планов ассистентами оператора и их использование на фронте объяснено громоздкостью стандартных хроникальных камер — французской Debrie Parvo L и советской «Конвас-1», которые из-за больших размеров невозможно использовать во время боя [13, с. 6–12]. Профессия военного оператора и режиссера оказалась крайне опасной, по разным данным среди всех работников фронтовых киногрупп в военные годы погибло до 25%. Было много случаев, когда оператору приходилось сражаться как солдату [6]. Самый известный подобный случай — Борис Шер, который,

ведя съёмку с самолета Ил-2, сидел в кабине стрелка-радиста и во время внезапной атаки противника сбил из пулемета истребитель Фокке-Вульф-190 [7].

Всего советскими кинематографистами за время войны было отснято более 500 номеров киножурналов и специальных выпусков, создано около 100 документальных фильмов [14, с. 313–348]. Ряд материалов ввиду ряда причин разного характера на экраны так и не попал.

Если говорить об уроженцах Крымского полуострова, то на данный момент в большинстве источников мы видим девять имен, у которых доподлинно известны место рождения и боевая служба. Крымские военные кинокорреспонденты перечислены в данной работе по алфавиту.

Барбутлы Мансур Ягьяевич (22.10.1909, Бахчисарай — 07.03.1992, Пятигорск) с самого начала связал свою жизнь с отраслью средств массовой информации. В 1928–1930 гг. — фотокорреспондент газеты в Симферополе. В 1931 г. — ассистент оператора кинофабрики «Востоккино» / «Востокфильм». В 1932 г. окончил Государственный институт кинематографии в Москве, после был ассистентом кинооператора на Московской студии кинохроники. В 1933–1935 гг. проходил воинскую службу в РККА в 3-й Крымской дивизии, базирующейся в Симферополе. С 1936 г. — кинооператор Московской и Казанской киностудий.

В РККА с 19 августа 1943 г. кинооператор штаба ПВО СССР и Политического управления 4-го Украинского фронта в звании инженер-капитан. Активный участник боев и сражений по освобождению западных областей УССР и Чехословакии [18, л. 114]. Вел документальную съёмку движения советского танкового десанта в направлении Мукачеве-Ужгород. Знаковой киносъёмкой М. Я. Барбутлы считается эпизод уничтожения советским танками Т-34 фашистской роты СС, снаряженной орудиями «Фердинанд». Среди его коллег фронтовых кинооператоров можно назвать В. А. Сущинского, Б. Путнянского, М. Силенко.

Принимал участие в качестве кинооператора в основных боевых операциях 4-го Украинского фронта 1944–1945 гг. [15]:

Никопольско-Криворожской наступательной операции, разгроме немецко-румынских войск в Крыму и под Одессой, Крымской наступательной операции, Карпатской (Ужгородской) наступательной операции, разгроме немецко-венгерских войск на территории Венгрии, Западно-Карпатской наступательной операции, Моравско-Оставской наступательной операции [5, с. 78–79].

Участвовал в создании фильмов «Бойцы ПВО — Керченский пролив» (1944), «Партизаны возвращаются в Смоленск» (1944), «Бои в Карпатах» (1944), «Освобожденная Чехословакия» (1945) [4, с. 21].

После войны продолжал гражданскую операторскую деятельность сначала на Куйбышевской студии кинохроники. С 1947 г. — на Сталинабадской киностудии художественных фильмов. В 1951 г. переведен на Северо-Кавказскую студию кинохроники, где работал как режиссером, так и оператором. К 1970-м гг. назначен внештатным автором в Пятигорской студии телевидения. Член Союза кинематографистов СССР (1957) и России. Заслуженный деятель искусств РСФСР (09.10.1970), за созданные фильмы отмечен множеством благодарностей от Минкульта СССР.

Ушел из жизни 7 марта 1992 г. Похоронен в Пятигорске [20, с. 665–666].

Братуха Александр Анастасьевич (27.08.1904, Севастополь — 07.08.1986, Ленинград) — оператор и режиссер, с 1925 г. сотрудник киностудии «Союзкино». Снял художественные фильмы: «По ту сторону», «Человек за бортом» и «Американская история» (1931). Связал свою жизнь с Ленинградом — с 1933 по 1984 гг. работал на киностудии «Лентехфильм» / «Леннаучфильм». Во время Великой Отечественной войны фронтовой оператор в блокадном городе. Член Союза кинематографистов СССР.

Бурт Борис Давыдович (03.07.1905, Феодосия — 05.03.1985, Фрунзе, Киргизская ССР) являлся кинооператором. Уже с 14 лет работал электромонтером, а позже и электро-техником в Феодосийском театре. Позже переехал в Москву, с 1930 по 1935 гг. обучается в Государственном институте кинематографии на операторском факультете. Одновременно до 1934 г. учится на курсах воздушных

операторов в школе морских и сухопутных летчиков. Уже с 1932 г. работает ассистентом оператора на фабрике «Союзкинохроника», с 1935 г. — на Московской студии кинохроники уже как полноценный оператор. В течении 13 лет снял сотни сюжетов для журнала «Новости дня», принял участие в создании таких фильмов, как «Имени Ленина», «Паша Ангелина», «Есть метро», «Наш Горький», «День нового мира» [22].

В 1941–1945 гг. был фронтовым кинооператором, снимал действия Краснознаменного Балтийского флота, события на Волховском, Ленинградском, IV Украинском и I Белорусском фронтах, участвовал во взятии Берлина, в разгроме японской Квантунской армии на Дальнем Востоке. Также известно, что проходил службу на крейсере «Киров» КБФ [16, с. 242–243]. Демобилизован 21 апреля 1946 г. Участвовал в работе над фильмом «Ленинград в осаде» (1946).

После войны Б. Д. Бурт работал оператором на Свердловской киностудии. С апреля 1958 г. он переходит во Фрунзенскую студию художественных и хроникально-документальных фильмов. Член Союза кинематографистов СССР (1962). Заслуженный работник культуры Киргизии (1969) [1, с. 24–36]. Умер 5 марта 1985 г. в городе Фрунзе Киргизской ССР.

Зекки Осман Велиуллаевич (15.06.1909, Бахчисарай — 15.12.1981, Алма-Ата) — режиссер и кинооператор. Сразу стоит отметить, что на фронте не был, однако является одним из немногих киноработников — уроженцев Крыма, а потому стоит упоминания. В 1937 г. по окончании операторского факультета ВГИКа переехал в Хабаровск, где на Дальневосточной студии хроники занимал должность ассистента оператора по киножурналу «Советский Дальний Восток». Сокурсниками Османа Зекки по киноинституту были Н. П. Киселёв, Ф. Высоцкий, М. Беркович, Я. Смирнов, В. Томберг, Н. Большаков.

С 1938 г. работал на Центральной студии хроники ассистентом режиссера, где снял (совместно с другими операторами) фильмы «Цветущая Бурят-Монголия» (1940), «На рубежах Забайкалья» (1942), «Советская Бурят-Монголия» (1943), «Жемчужина Сибири»

(1953), «В краю эвенков» (1953). Член КПСС с 1943 г. [2, с. 395].

С 1939 г.— главный оператор Иркутской студии хроники [8, с. 220–235]. В 1953 г. перешел на Алма-Атинскую студию (ныне «Казахфильм»), руководил там сектором хроники и в качестве главного оператора снял фильмы «Лиманное орошение» (1954), «Абай», «Камышитовый дом» (оба в 1956), «Битва за миллиард» (1957). Заслуженный деятель искусств Бурятской АССР (1953). С 1957 г. совмещал работу оператора с режиссерской, а иногда и авторской. Член Союза кинематографистов СССР (1957).

Деятельность уже режиссера-оператора О. В. Зекки отмечена съемкой фильмов «Дорога из мрака» (1960), «Краденая жизнь» (1963), «Бездна» (1964), «По призыву Родины» (1965). Заслуженный деятель искусств Казахской ССР (1969).

Снимал сюжеты для кинолетописи и киножурналов. Имя О. В. Зекки указано среди операторов «Союзкиножурналов» № 73 (1940), № 110 (1941), «Железнодорожник» № 5 (1941), «Новости дня» № 26 (1945) и ряда других работ исследуемого периода [4, с. 74].

Кутуб-заде Кенан Абдуреимович (13.08.1906, Константинополь — 22.02.1981, Ростов-на-Дону) — оператор-документалист. В ноябре 1906 г. семья Кутуб-заде была вынуждена переехать из Константинополя в Крым, где поселилась в Бахчисарае. Кенан обучался в Бахчисарайском художественно-промышленном техникуме, который окончил в 1925 г. по специальности техника-полиграфиста. Два года был сотрудником Ялтинского райкома комсомола.

С 1927 по 1932 гг.— ассистент оператора на Ялтинской киностудии, с 1932 г. перевелся на киностудию «Востоккино», участвовал в съемках фильма «Тоннель» (1933). С 1935 г. работает на «Мостехфильме», 1936–1937 гг. временно — на Казанской студии кинохроники. С середины 1937 г.— кинооператор Московской студии кинохроники. Окончил операторский факультет ВГИКа в 1941 г.

На фронте с 1942 г.— кинооператор Политуправления 1-го Украинского фронта [4, с. 107–108]. Фронтowymi товарищами К. А. Кутуб-заде были В. Сущинский и Н. Быков. Пер-

вой большой работой оператора считается съемка в феврале Корсунь-Шевченковской группировки [19, л. 48]. С 12 апреля 1942 г.— оператор киногруппы Калининского фронта, с 01 июля 1943 г. по 1945 г.— оператор киногруппы 1-го Украинского фронта. Июль–август 1944 г. работал в кавалерии. В сентябре 1944 г. на западе УССР в районе Карпат К. А. Кутуб-заде, несмотря на ранение, полученное в ходе съемок развернувшегося сражения, смог вынести с поля боя тяжелораненого оператора Г. А. Могилевского. После две недели лечился в госпитале и впоследствии вернулся для продолжения работы в киногруппу [18, л. 27].

Является участником значимых боевых операций, среди которых можно отметить: Киевскую, Житомирско-Бердичевскую, Корсунь-Шевченковскую наступательные операции, разгром немецких войск на Западной Украине, в Польше, Берлинскую наступательную операцию [20, с. 741–742]. В мировую кинохронику Кенан Кутуб-заде вошел прежде всего как оператор фильма «Лагерь смерти Освенцим». Кадры, снятые совместно с другими операторами в Освенциме, были приобщены к обвинению нацистских преступников на Нюрнбергском процессе [5, с. 471–472].

Принимал участие в съемках фильмов «Мы с вами, боевые товарищи» (1941), «День войны» (1942), «Битва за нашу Советскую Украину» (1943), «Александр Покрышкин» (1945), «В Верхней Силезии» (1945), «Кинодокументы о зверствах немецко-фашистских захватчиков» (1945) [9], «Освенцим» (1945), «Освобожденная Чехословакия» (1945), «От Вислы до Одера» (1945) [3], «Победа на Правобережной Украине» (1945) и других.

Член ВКП(б) с 1939 г., член Союза кинематографистов СССР с 1959 г. В 1946–1948 гг.— оператор Центральной студии документальных фильмов. В 1948–1949 гг.— оператор Рижской студии художественных и хроникально-документальных фильмов. В 1946–1980 гг.— оператор Ростовской студии кинохроники, одновременно преподавал в кинотехникуме фотографию и кино съемку. Снял более 1500 сюжетов для кинолетописи и киножурналов: «Союзкиножурнал», «Железнодорожник», «Советский спорт», «Советский Юг», «Новости недели» (Ростовская-на-Дону

студия кинохроники) и другие [4, с. 107–108]. К. А. Кутуб-заде скончался 22 февраля 1981 г. в Ростове-на-Дону.

Мазрухо Леон Борисович (03.08.1908, Феодосия — 24.12.1979, Ростов-на-Дону). В 1925 г. окончил среднюю школу-девятилетку в Феодосии. Увлекался фотографией. В 1927 г. окончил годичные курсы кинооператоров при Обществе друзей советской кинематографии в Симферополе. В 1929 г. был приглашен кинокорреспондентом «Союзкиножурнала» (выходил в Москве).

В 1931 г. руководство «Востокфильма» зачислило Л. Б. Мазрухо на Ялтинскую кинофабрику штатным оператором кинохроники, затем последовал перевод на «Востоккино» в Москву. С 1932 г. находился на постоянной работе в качестве кинооператора на Ростовской кинофабрике «Союзкинохроники», куда ранее был направлен приказом кинокомитета.

Фронтовой кинооператор во время Великой Отечественной войны, в РККА — с 1941 г. Призван как военный кинооператор Центральной студии кинохроники. Снимал на фронтах, в тылу врага. Пожалуй, Леона Борисовича можно назвать одним из первых во всем СССР воздушным оператором, всего ему удалось совершить 48 боевых вылетов, и по количеству отснятого материала по воздушной съемке он также занимает одно из первых мест.

С декабря 1941 г. до июля 1943 г. — на Южном, Закавказском, Северо-Кавказском фронтах. С января 1944 г. — на Ростовской студии кинохроники. С июля 1944 г. — в киногруппе ВВС 1-го Белорусского фронта. Практически все служебные характеристики Л. Б. Мазрухо имеют пометки отличия, высоко-го профессионального мастерства. Его съемки вошли в фильмы «Хелм — Люблин», «На подступах к Варшаве», «От Вислы до Одера» [20, с. 753]. Принимал участие в съемках фильмов «Кавказ» (1944), «Варшава» (1944), «В Померании» (1945), «Освобождение Варшавы» (1945), «Берлин» (1945), «Берлинская конференция» (1945), спецвыпуска «Подписание декларации о поражении Германии по взятии на себя Верховной власти правительствами 4-х союзных держав» (1945).

В 1946 г. за съемки для фильма «Берлин» удостоен Сталинской премии I степени. Заслуженный деятель искусств РСФСР (1969). Заслуженный деятель искусств Белорусской ССР. С 1957 г. Член Союза кинематографистов СССР. Член Союза журналистов СССР.

В послевоенные годы выступил как режиссер, однако продолжал заниматься операторской деятельностью. Основное место работы — Ростовская студия кинохроники. Снял более 40 короткометражных и полнометражных фильмов. Умер 24 декабря 1979 г. в Ростове-на-Дону.

Могилевский Григорий Александрович (19.07.1905, Симферополь — 09.08.1964, Москва) — оператор неигрового кино. В 1925–1926 гг. являлся преподавателем в профтехшколе и Симферопольской городской больницы. В 1927 г. призван в РККА в качестве курсанта 1-го химволка. В 1932 г. окончил операторский факультет ГИК. С 1933 г. работал на кинофабрике «Мостехфильм» в качестве оператора.

С 28 июня 1942 г. — оператор в киногруппе Воронежского фронта. Удачно начал работу на фронте съемкой боевого сюжета «Пикирующие бомбардировщики» (включен в СКЖ № 70) [17, л. 29]. С середины 1944 г. находился в составе киногруппы 1-го Украинского фронта, в сентябре тяжело ранен во время съемки сражения, был спасен другом оператором Кенаном Кутуб-заде [18, л. 27]. Не раз отмечался высоким качеством съемок и авторской работы [19, л. 48]. Лечился вплоть до весны 1945 г., после чего вернулся на фронт к товарищам и принял участие в съемках освобождения Силезии, Вены, Дрездена и Праги.

В целом Г. А. Могилевский является участником всех важнейших боевых операций 1-го Украинского фронта в 1944–1945 гг., в том числе разгрома немцев в Западной Украине, Львовско-Сандомирской наступательной операции, Сандомирско-Силезской наступательной операции, Нижне-Силезской наступательной операции, Опельнской операции, Берлинской наступательной операции, Пражской наступательной операции.

Принимал участие в съемках фильмов «Борьба с вражескими танками» (1941), «Уничтожай танки врага» (1941), «Грозное

оружие» / «Минометы» (1942), «Битва за нашу Советскую Украину» (1943), «Орловская битва» (1943), «Освобожденная Чехословакия» (1945), «Парад Победы» (1945), «Победа на Правобережной Украине и изгнание немецких захватчиков за пределы украинских советских земель» (1945) [20, с. 764–765].

С января 1946 г. — оператор киностудии «Воентехфильм» / «Моснаучфильм». Член Союза кинематографистов СССР с 1957 г. Скончался 9 августа 1964 г. в Москве.

Фаик Эмир Ибрагимович (09.05.1909, Бахчисарай — 23.03.1993, Алма-Ата) — режиссер игрового, документального и научно-популярного кино. Окончив школу в 1928 г., он поступил в Симферопольский педагогический институт. До 1929 г. — корректор газеты (г. Симферополь). В 1930–1931 гг. — ассистент режиссера, практикант Ялтинской кинофабрики «Востоккино».

В кино с 1932 г., был ассистентом режиссеров Л. Кулешова и М. Донского кинофабрик «Востокфильм», «Межрабпомфильм» на фильмах «Великий утешитель», «Кража зрения», «Песня о счастье», «Детство Горького» [8, с. 530–570]. В 1935 г. окончил режиссерский факультет ГТКа (мастерская Льва Кулешова). С 1938 г. — режиссер Ташкентской студии кинохроники, затем режиссер Куйбышевской студии кинохроники.

В 1941 г. ушел добровольцем на фронт, был комиссаром батареи Отдельного противотанкового истребительного дивизиона. Участник сражений на реках Дон и Донец, разгрома немецко-фашистских войск под Сталинградом, битв за города Славянск, Краматорск в составе 153-й стрелковой дивизии. В итоге назначен заместителем командира дивизии по политчасти в звании капитана.

В боях на Днепре был ранен, во время лечения в госпитале познакомился с кинорежиссером Р.Г. Григорьевым, который пригласил его в свою фронтową киногруппу. С 20 августа 1944 г. по 31 декабря 1945 г. — заместитель начальника киногруппы 3-го Украинского фронта и Южной группы войск, принимал участие в освобождении городов Софии, Будапешта и Вены.

С 1946 по 1985 гг. — режиссер киностудии «Казахфильм». Создал более 200 доку-

ментальных фильмов, киножурналов, спецвыпусков. Творчество режиссера было отмечено почетными грамотами правительства Казахстана, семью памятливыми медалями. Он был делегатом трех съездов Союза кинематографистов СССР, состоял в руководстве Союза кинематографистов Казахстана. Член Союза кинематографистов Казахской ССР. Заслуженный деятель искусств Казахской ССР (1959) [5, с. 821]. Скончался 23 марта 1993 г. в Алма-Ате.

Шулятин Герман Владимирович (17.05.1906, Севастополь — 12.02.1983, Ленинград) закончил ГИК в 1935 г. Работал в секторе кинохроники, до начала войны — на Ленинградской студии. В военные годы по причине близости к последнему месту работы стал оператором киногруппы Ленинградского фронта. Благодаря ему и его коллегам на сегодняшний день существует визуальное описание событий, происходивших в блокадном Ленинграде. После войны работал директором Рижской киностудии хроникальных и документальных фильмов, с 1947 г. — оператор, с 1949 по 1970 гг. — режиссер документальных фильмов. Заслуженный деятель искусств Латвийской ССР (1955). Член Союза кинематографистов СССР (1957).

Выводы. Вклад фронтовых кинокорреспондентов в Великую Победу не оценим. В большинстве случаев им не приходилось сражаться, участвовать в подготовке стратегии или укреплять тыловую инфраструктуру снабжения. Их фронт был более специфичным — создание летописи трагических и героических событий для современников и потомков. Для первых освещение событий на полях сражений помогало сохранить боевой дух и укрепить веру в грядущую победу, для вторых же позволило наглядными средствами познать историю прошлого и увидеть тяжелые дни Великой Отечественной. Подвиг советских фронтовых операторов и режиссеров был высоко оценен. 4 сентября 2020 г. в городе Красногорск открыт первый в мире памятник фронтовым кинооператорам — архитектурно-скульптурная композиция «Фронтовым кинооператорам и фотокорреспондентам посвящается...» [21].

По разным данным, фронтовых кинолетописцев было от 260 до 415. Среди них мы

видим уроженцев Крымского полуострова. Стоит отметить, что все они пережили Великую Отечественную, но ни один из них после войны в силу разных причин не вернулся на родину. Г. В. Шулятин и А. А. Братуха оба родились в Севастополе, известны по своим съёмочным работам в осажденном Ленинграде, в котором они и остались жить до конца своих дней. К. А. Кутуб-заде, несмотря на то что родился в Константинополе, уже в трехмесячном возрасте с семьей оказался в Крыму, а потому может относиться к изучаемым личностям, так как сознательную жизнь провел на Крымском полуострове, который стал ему родным. Известен по своим фильмам об освобожденном Освенциме. О. В. Зекки на фронте не был, однако является одним из немногих кинематографистов-крымчан, а потому стоит упоминания. В Бахчисарае родились выдающиеся оператор М. Я. Барбутлы и режиссер Э. И. Фаик. Уроженцами Феодосии являются Б. Д. Бурт и Л. Б. Мазрухо. Симферополь дал одного кинооператора — Г. А. Могилевского. Каждый регион СССР внес свой вклад в Великую Победу, дав выдающихся героев каждого фронта и каждого рода войск.

Таким образом, уроженцы Крымского полуострова составляли от 2 до 3,5% от общего количества всех сотрудников фронтовой кинослужбы. Несмотря на то, что это общее количество не превышает и пяти сотен, некоторые регионы дали фронту довольно значимое число высококвалифицированных кинооператоров и режиссеров, и Крымский полуостров по числу выдающихся кинолетописцев войны занимает далеко не последнее место.

Определение конкретного числа фронтовых кинооператоров и режиссеров — урожен-

цев Крыма, а также составление их цельных биографий, позволило автору проекта создать концепцию и курировать экспонирование выставки «Великая Отечественная в объективе», которая открылась 5 мая 2023 г. в Крымско-татарском музее культурно-исторического наследия (г. Симферополь). Структура выставки разделена в соответствии с биографиями указанных в статье личностей. Автор собрал свыше 50 фотографий крымчан — сотрудников фронтовых киногрупп, а также ряд экспонатов (среди которых медали, награжденные книжки, личные вещи, документы, кинокамеры), которые им принадлежали. Всего за время экспонирования выставку посетило более 1200 человек.

В работе раскрывается точное количество уроженцев Крыма — фронтовых кинооператоров и режиссеров, впервые указанная группа военнослужащих представлена в одной работе и может послужить примером для публикаций в локальном и историческом краеведении. Автор работы в ходе исследования посетил потомков представленных личностей для сбора материалов экспонирования и согласования данных биографий. В частности, значительную часть материала предоставил сын Мансура Барбутлы — Виктор Мансурович, проживающий в Ливадии. Будучи лично знакомым с большинством коллег отца, Виктор рассказал некоторые неизвестные части истории жизненного и боевого пути крымчан-фронтовиков, проверил правильность ранее опубликованных работ, уточнил, кто из фронтовых кинооператоров и режиссеров родился в Крыму, а кто переехал на полуостров после войны, дал исчерпывающую информацию по фильмографии.

Ebazer M. CHACHI

Postgraduate Student,
Crimean Engineering and Pedagogical University
named after Fevzi Yakubov,
Simferopol, Russian Federation
ebazer.chachi.98@mail.ru
ORCID: 0000-0002-0903-7884

***Front-line Camera Operators, Natives of the Crimea,
during the Great Patriotic War: A Historical and Biographical Sketch***

Abstract. The research aims to reveal the role of the professional activities of cinematographers who worked in front-line conditions and were natives of the Crimean Peninsula in covering the events of the Great Patriotic War and creating cinematic sources that testify to them. The work is conducted on the basis of archival materials of the Russian State Archive of Literature and Art, facts and conclusions from the works of specialists in the history of cinema are also used. The methodological basis of the study was the complex application of empirical analysis, the comparative method and the method of actualization. The author presents facts related to the initial stage of the development of the state army record of the front-line chronicle; lists the traditional professional functions of a military film correspondent at the front; summarizes and analyzes the biographical data of nine Crimean cinematographers (Mansur Barbutly, Alexander Bratuha, Boris Burta, Osman Zekki, Kenan Kutub-zade, Leon Mazruho, Grigoriy Mogilevsky, Emira Faik, German Shulyatin), gives information about their life and combat path, filmography, merits and awards, and characterizes the topics of the cinematographers' documentaries (front-line exploits of Soviet pilots, the days of the besieged Leningrad, the liberated Auschwitz, the Berlin operation, the fighting for the liberation of Ukraine, Poland and Czechoslovakia). The author compares the biographies of the USSR military cinema group employees born in Crimea and evaluates the significance of their heroic activities for creating film sources about the Great Patriotic War. All the film workers mentioned in the study, natives of the Crimean Peninsula, were from fairly large settlements of the region (Simferopol, Bakhchisaray, Feodosia, and others) and began their careers in cinematography even before the start of the war (in the 1920s–1930s). All of them survived the Great Patriotic War; however, none of them, for various reasons, returned to their small homeland. In the post-war period, they all continued their professional activities at various film studios in the Soviet Union. The study showed that natives of the Crimean Peninsula made up from 2 to 3.5% of all employees of the front-line film service.

Keywords: cinematographer, front-line camera operators, front-line filmmakers, Great Patriotic War, front-line film chronicle, Crimea.

Использованная литература:

1. Артюхов О. Б. Кинематографисты Советской Киргизии: справочник. Фрунзе: Кыргызстан, 1981.
2. Аяган Б. Казахстан. Национальная энциклопедия. Алматы: Қазақ энциклопедиясы, 2005. Т. 2.
3. Военный Ибраим. Кенан Кутуб-заде – главный оператор фильма «Лагерь смерти Освенцим» // Голос Крыма. 2016. № 20 (60). 20 мая. С. 4.
4. Горбатский В. Документальное кино XX века. Кинооператоры от А до Я. М.: Науч.-исслед. ин-т киноискусства, 2005.
5. Дерябин А. С. Создатели фронтовой кинолетописи: биофильмографический справочник. М.: Госфильмофонд, 2016.
6. Ишевская С. М., Копалин И. П. Операторский фронт. Лекция во ВГИКе, 15 марта 1958 г. // Киноведческие записки. 2005. № 72. С. 86–98.
7. Качук Н. Как кинооператоры снимали войну на самолетах. Служили два товарища. Кино и жизнь // Беларусь сегодня. 2017. 1 июня. С. 2.
8. Кино: энциклопедический словарь / гл. ред. С. И. Юткевич. М.: Советская энциклопедия, 1987.
9. Колбасин В. Пленка обвинения. Как ростовский оператор первым вошел в «Освенцим» // Аргументы и факты. 2014. 22 июня. С. 4.
10. Кондратенко А. И. Фронтовая кинохроника: Орловская битва на документальном экране. Орел: Картуш, 2019.

References:

1. Artyukhov, O.B. (1981) *Kinematografisty Sovetskoy Kirgizii: spravochnik* [Cinematographers of Soviet Kyrgyzstan: A Reference Book]. Frunze: Kyrgyzstan.
2. Ayagan, B. (2005) *Kazakhstan. Natsional'naya entsiklopediya* [Kazakhstan. National Encyclopedia]. Vol. 2. Almaty: Қазақ энциклопедиясы.
3. Voennyi, I. (2016) Kenan Kutub-zade – glavnyy operator fil'ma "Lager' smerti Osventsim" [Kenan Kutub-Zade, Chief Cinematographer of the Film "Death Camp Auschwitz"]. *Golos Kryma*. 20 May. 20 (60). p. 4.
4. Gorbatskiy, V. (2005) *Dokumental'noe kino XX veka. Kinooperatory ot A do Ya* [Documentary Cinema of the 20th Century. Camera Operators From A to Z]. Moscow: Nauch.-issl. in-t. kinoiskusstva.
5. Deryabin, A.S. (2016) *Sozdateli frontovoy kinoletopisi. Biofil'mograficheskiy spravochnik* [Creators of the Front-Line Film Chronicle. Biofilmographic Guide]. Moscow: Gosfil'mofond.
6. Ishevskaya, S.M. & Kopalina, I.P. Operatorskiy front. Lektsiya vo VGIKe, 15 marta 1958 g. [Operator Front. Lecture at VGIK, March 15, 1958]. *Kinovedcheskie zapiski*. 72. pp. 86–98.
7. Kachuk, N. (2017) *Kak kinooperatory snimali voynu na samoletakh. Sluzhili dva tovarishcha. Kino i zhizn'* [How Camera Operators Filmed the War on Planes. There Were Two Comrades. Cinema and Life]. *Belarus' segodnya*. 1 June. p. 2.

11. Лебедев А. А. Из кинолетописи Великой Отечественной 1941–1945. М.: Искусство, 1985.
12. Лебедев А. А. Рымарев Д. Г. Их оружие – кинокамера. М.: Искусство, 1984.
13. Микоса В. В. Годы и страны: Записки кинооператора. М.: Искусство, 1967.
14. Музы в шинелях. Советская интеллигенция в годы Великой Отечественной войны: документы, тексты, воспоминания / сост. С. Д. Воронин и др. М.: РОС-СПЭН, 2006.
15. Объединенный Банк данных «Мемориал». Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации. Ф. 33. Оп. 686196. Д. 80.
16. Совещание начальников фронтов киногрупп Комитета по делам кинематографии при СНК СССР, 1942 год / публикация, предисловие и комментарии И. Сексте // Киноведческие записки. 2004. № 67. С. 238–309.
17. Российский государственный архив литературы и искусства. Ф. 2451. Оп. 1. Д. 66.
18. Российский государственный архив литературы и искусства. Ф. 2487. Оп. 1. Д. 1002.
19. Российский государственный архив литературы и искусства. Ф. 2944. Оп. 28. Д. 837.
20. Фомин В. И. Плачьте, но снимайте! Советская фронтовая кинохроника 1941–1945 гг. М.: Киновек, 2018.
21. Шаблинский Д. В. Кинооператоры Великой Отечественной войны // Молодой ученый. 2021. № 2 (344). С. 150–154.
22. Школьников С. Фронтовой кинооператор. Воспоминания // Искусство кино. 2007. № 5. С. 111–129.
8. Yutkevich, S.I. (ed.) (1987) *Kino. Entsiklopedicheskiy slovar'* [Cinema. Encyclopedic Dictionary]. Moscow: Sovetskaya entsiklopediya.
9. Kolbasin, V. (2014) *Plenka obvineniya. Kak rostovskiy operator pervym voshel v "Osventsim"* [Film of the Prosecution. How the Rostov Operator Was the First to Enter Auschwitz]. *Argumenty i Fakty*. 22 June. p. 4.
10. Kondratenko, A.I. (2019) *Frontovaya kinokhronika: Orlovskaya bitva na dokumental'nom ekrane* [Front-Line Newsreel: Battle of Oryol on a Documentary Screen]. Oryol: Kartush.
11. Lebedev, A.A. (1985) *Iz kinoletopisi Velikoy Otechestvennoy 1941–1945* [From the Film Chronicle of the Great Patriotic War, 1941–1945]. Moscow: Iskuststvo.
12. Lebedev, A.A. & Rymarev, D.G. (1984) *Ikh oruzhie – kinokamera* [Their Weapon Is a Movie Camera]. Moscow: Iskuststvo.
13. Mikosha, V.V. (1967) *Gody i strany: Zapiski kinooperatora* [Years and Countries: Notes of a Camera Operator]. Moscow: Iskuststvo.
14. Voronin, S.D. et al. (2006) *Muzy v shinelyakh. Sovetskaya intelligentsiya v gody Velikoy Otechestvennoy voyny: Dokumenty, teksty, vospominaniya* [Muses in Overcoats. Soviet Intelligentsia During the Great Patriotic War: Documents, Texts, Memoirs]. Moscow: ROSSPEN.
15. Central Archive of the Ministry of Defense of the Russian Federation. Fund 33. List 686196. Item 80. *Ob"edinennyi Bank dannykh "Memorial"* [Memorial, a United Data Bank].
16. Sekste, I. (2004) *Soveshchanie nachal'nikov frontov kinogrupp Komiteta po delam kinematografii pri SNK SSSR, 1942 god* [Meeting of the Chiefs of the Fronts of Film Groups of the Committee for Cinematography Under the Council of People's Commissars of the USSR, 1942]. *Kinovedcheskie zapiski*. 67. pp. 238–309.
17. Russian State Archive of Literature and Art. Fund 2451. List 1. Item 66. Page 29.
18. Russian State Archive of Literature and Art. Fund 2487. List 1. Item 1002. Pages 27–114.
19. Russian State Archive of Literature and Art. Fund 2944. List 28. Item 837. Pages 23–48.
20. Fomin, V.I. (2018) *Plach'te, no snimayte! Sovetskaya frontovaya kinokhronika 1941–1945 gg.* [Cry, but Shoot! Soviet Front-Line Newsreel, 1941–1945]. Moscow: Kinovek.
21. Shablinskiy, D.V. (2021) *Kinooperatory Velikoy Otechestvennoy voyny* [Camera Operators of the Great Patriotic War]. *Molodoy uchenyy*. 2 (344). pp. 150–154.
22. Shkol'nikov, S. (2007) *Frontovoy kinooperator. Vospominaniya* [Front-line Camera Operator. Memories]. *Iskusstvo kino*. 5. pp. 111–129.

Полная библиографическая ссылка на статью:

Чачи, Э. М. Фронтовые кинооператоры – уроженцы Крыма в годы Великой Отечественной войны: историко-биографический очерк / Э. М. Чачи. – Текст : электронный. – DOI 10.36343/SB.2023.34.2.007 // Наследие веков. – 2023. – № 2. – С. 88–98. – URL: <http://heritage-magazine.com/index.php/HC/article/view/553/462> (дата обращения: ДД.ММ.ГГГГ).

Full bibliographic reference to the article:

Chachi, E. M. (2023) *Front-line Camera Operators, Natives of the Crimea, during the Great Patriotic War: A Historical and Biographical Sketch. Nasledie vekov – Heritage of Centuries*. 2. pp. 88–98. (In Russian). DOI: 10.36343/SB.2023.34.2.007

MUSEION: ВЫСТАВКИ, ФОНДЫ, КОЛЛЕКЦИИ

MUSEION: EXHIBITIONS, FUNDS, COLLECTIONS

ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ
СТАТЬЯ

FULL ARTICLE

МИКИТИНЕЦ Ольга Ивановна

кандидат философских наук, доцент кафедры философии,
культурологии и гуманитарных дисциплин
Крымского университета культуры, искусств и туризма,
Симферополь, Российская Федерация

Olga I. MIKITINETS

Cand. Sci. (Philosophical Anthropology, Philosophy of Culture), Assoc. Prof.,
Crimean University of Culture, Arts and Tourism,
Simferopol, Russian Federation
olia_mikitinets83@mail.ru

ШИЛИНА Виктория Алексеевна

аспирант кафедры философии,
культурологии и гуманитарных дисциплин
Крымского университета культуры, искусств и туризма,
Симферополь, Российская Федерация

Victoria A. SHILINA

Postgraduate Student,
Crimean University of Culture, Arts and Tourism,
Simferopol, Russian Federation
miss.viktoriya84@mail.ru

УДК: [069.68: 334.764.47]: 801.732
ГРНТИ: 13.51.07
ВАК: 5.10.2.

DOI: 10.36343/SB.2023.34.2.008

**Музейный кластер:
к возникновению и осмыслению
понятия в контексте развития
современной музейной
терминологии**

**Museum Cluster: To the Emergence
and Understanding of the Concept
in the Context of Modern Museum
Terminology Development**

В статье проанализирован процесс формирования понятия «музейный кластер». Целью при этом является концептуализация данного понятия и создание его определения, соответствующего актуальному уровню развития музейной науки. Исследование основано на нормативно-правовых документах, работах отечественных и зарубежных авторов. Предпринят анализ ключевых определений таких понятий, как «музей» и «кластер», «культурный кластер», «протокластер», «музейная сеть». Созданная дефиниция музейного кластера учитывает не только географическую локализацию и взаимодействие входящих в него музеев, но и аспекты, связанные с повышением конкурентоспособности объединения и популяризацией области его деятельности. Установлено, что внедрение кластерного подхода в музейное пространство – это целенаправленный процесс, ориентированный на улучшение экономических и социокультурных условий региона за счет упрощения администрирования, управления и форм коммуникации взаимодействующих структур.

Ключевые слова: музей, музейная среда, музейная терминология, экономика, структуризация, дефиниция, кластер, кластеризация, культурный кластер, музейный кластер.

Междисциплинарный подход, развиваемый сегодня в отношении ресурсного восприятия культуры, предполагает новый взгляд на дотационные сегменты данной сферы, в частности, на область деятельности, связанную с музеями и музейной работой. Взаимодействие культуры и экономики, привлечение музеев к развитию креативных индустрий, картирование культуры и оценка культурного наследия как ресурса регионов актуализируют проблему изучения и оценки музейных кластеров как координационной системы, позволяющей раскрыть их культурный и экономический потенциал. С конца XX в. музей формировался в том числе в соответствии с потребностями, диктуемыми глобализационными процессами. Музейный кластер — понятие, используемое сегодня достаточно часто в отношении популяризации музейных пространств, однако так окончательно и не устоявшееся в научной музеологической среде. Под музейным кластером нередко подразумевают как музейную сеть, так и взаимодействие музеев с туристской отраслью. В этой связи значимость данного исследования обусловлена как теоретическими вопросами разработки актуального научного языка современной музеологии, так и практическими проблемами восприятия региональной социокультурной среды как ресурса, в котором музеи играют существенную роль.

Различным аспектам понимания кластера, а также кластерному подходу посвящено

значительное количество работ. Ввиду особенностей концептуализации понятия «музейный кластер» и необходимости обращения к данным работам в процессе выявления его существенных характеристик отметим здесь только некоторые исследования, так или иначе посвященные кластерам в музейной среде. Среди работ, посвященных кластеризации как механизму конкурентоспособности, отметим исследования М. Портера [18] [19], Т. В. Цихана [26], Г. А. Яшевой [30]. Кластерный подход в условиях рыночной экономики в своих трудах развивают О. Д. Коль [9], А. Н. Асаул [3], Д. А. Ялов [29], А. А. Мигранян [13] и др. Культурные кластеры исследуются в основном в контексте развития креативных индустрий и развития туристской сферы. Так, О. Н. Астафьева в работе «Социокультурные кластеры как модель управления региональным развитием» [4] предложила кластерный подход к социокультурной сфере. Отметим также работы М. В. Казаковой [8], А. В. Личутина [12], Н. О. Андросовой [2], В. Э. Гордина и М. В. Матецкой [6], посвященные сущности социокультурных кластеров и особенностям их функционирования.

Однако, несмотря на такое активное использование кластерного подхода и самого понятия «кластер» в социокультурной сфере, области его применения ограничиваются в основном сферой креативных индустрий и развития туризма. Понятие «музейный кластер» используется, в первую очередь, имен-

но в контексте туристской деятельности, и его существенные характеристики либо совсем не выделяются, либо актуальны именно в рамках узкоспециализированного исследования. В итоге существенные пласты данной проблематики требуют дальнейшего изучения, в том числе концептуализации данного понятия и выделения его ключевых характеристик. Таким образом, цель данного исследования заключается в концептуализации понятия «музейный кластер» и представлении его определения. Для достижения поставленной цели необходимо прежде всего проанализировать основные концепции кластера в смежных областях, выделить его существенные характеристики и сопоставить с основными характеристиками современного музея как социокультурного феномена.

В качестве источников в статье использовались нормативно-правовые документы, регламентирующие деятельность музеев на современном этапе, а также результаты исследований кластера и кластерного подхода в области экономики, культурологии и иных социально-гуманитарных направлений, отражающих основные черты исследуемого феномена.

Так как целью исследования выступает концептуализация понятия «музейный кластер», в качестве методологической базы предлагается таксономический подход, который позволяет анализировать содержание различных дефиниций и строить на их основе новые определения необходимых нам понятий. Одна из задач исследования состоит в привнесении в устоявшиеся понятия новых смыслов без потери сущностных свойств отражаемых явлений. Для выявления структурных характеристик кластера и объяснения его базовых функций, в том числе и в музейной среде, применялся структурно-функциональный метод. Также в работе на разных этапах использовались методы описания, абстрагирования и логическая процедура определения, при помощи которых были концептуализированы и охарактеризованы основные термины и проведен анализ необходимых музеологических категорий.

Содержание и выводы настоящего исследования будут способствовать расшире-

нию объема научных знаний в области изучения музейных сетей, принципов их деятельности и функций, а также тенденций и динамики их развития.

Одной из задач любой научной теории является разработка определений основных категорий, понятий и терминов, наиболее полно отражающих сущность изучаемого предмета. Их смысл во многом зависит от содержащихся в них значений. В целях устранения разночтений и недоразумений используется процедура определения содержания, то есть «придание языковым терминам строго фиксированного значения» [21, с. 214]. На сегодняшний день существует достаточно много определений кластера, семантика которых иногда диаметрально противоположна и исходит из специфики области применения. В этой связи нам представляется возможным применить несколько иной подход к дефиниции исследуемого понятия. Остановимся на нем подробнее.

Построение определений подразумевает под собой однозначное толкование, но при некоторых допущениях термин (понятие, категория) может иметь несколько определений, которые уточняются или переопределяются с течением времени, они не могут быть «правильными» или «неправильными». Кроме того, любое определение должно быть кратким, без смысловых перегрузок, не тавтологичным и соответствовать принципу соразмерности [5, с. 296].

В то же время многообразие методов исследования категорий, понятий, определений терминов расширяет круг познания изучаемых явлений, поскольку позволяет увидеть их с разных сторон, но в то же время характеризуется инициализацией, неполнотой и фрагментацией. Большое количество определений создает проблему их унификации. В основном построение определений осуществляется методом формальной логики, что позволяет получать различного рода определения, выделяя категории «универсум», «класс», «подкласс» применительно к исследуемому объекту [7, с. 311].

Однако для решения проблемы конструирования определений возможно использование и другого научного инструмен-

тария — категориально-системной методологии, положительные примеры применения которой в данном аспекте есть в научной литературе [20, с. 344].

При этом одна из основных задач данного процесса состоит в том, чтобы определение отражало новые качества феномена, не теряя в то же время его сущностные свойства. То есть термин «музейный кластер» должен представлять собой сочетание понятий «музей» и «кластер», которое приобретает новые признаки, не теряя при этом своих основных характеристик.

Качественный подход обеспечивает полноту описания объекта, и в этом ключе применение методов качественного анализа к категориальным системам позволяет образовывать «оригинальные и достаточно строгие определения категорий» [15, с. 49]. Каждое определение, содержащееся в формируемом понятии, «расширяется до описания деталей», которые в том или ином месте включают эту категорию в рассматриваемую среду. В результате формируется комплекс взаимосвязанных признаков, всесторонне характеризующий изучаемое понятие и представляющий его основные качественные характеристики. Научный метод использования интеллектуальных схем в различных областях исследований весьма возможен не только для естественных и технических наук, но и для социальных и гуманитарных. Данный способ будет использован в работе для конструирования определения понятия «музейный кластер».

Перейдем непосредственно к *концептуализации* понятия «музейный кластер».

Остановимся на специфике понимания кластера в современной науке. В настоящее время данный термин активно используется в самых различных отраслях знания: в информатике, астрономии, музыке, химии, биологии, лингвистике и т.д., причем в каждой из этих отраслей термин имеет свои смысловые особенности при сохранении общего семантического ядра. Термин «кластер» заимствован из английского языка (англ. *cluster*) и буквально означает «скопление». Чаще всего его употребление ассоциируется с экономикой. Для лучшего понимания сущности кластеров и кластерного подхода, а также возможностей

их использования в музейной среде необходимо, на наш взгляд, раскрыть трактовку соответствующего понятия, принятую в экономической теории.

Необходимо отметить, что интерес к кластерам как к мощному инструменту повышения конкурентоспособности появился в последней четверти XX в. Профессор Майкл Портер из Гарвардской школы бизнеса считается основоположником кластерного подхода к определению и повышению региональной конкурентоспособности [18] [19]. Позже его идеи были распространены в трудах отечественных и зарубежных ученых [28] [29] [30].

Несмотря на популярность методов кластеризации в коммерческой среде, следует отметить отсутствие единого мнения о характере самой кластеризации. Сам М. Портер выделил несколько терминов понятия «кластер».

В соответствии с первым определением кластер — это «географически сконцентрированная группа взаимосвязанных фирм, поставщиков профессиональных услуг, фирм в смежных отраслях и организаций, связанных своей деятельностью в определенной области, которые конкурируют друг с другом и при этом ведут совместную работу...» [19, с. 256]. Согласно второй трактовке, кластер понимается как «промышленная группа организаций, географически соседствующих со взаимосвязанными компаниями и связанными с ними организациями, действующими в определенной сфере и характеризующихся общностью производства и взаимодополняющие друг друга» [18, с. 402]. Есть и третье объяснение М. Портера, основанное на концепции местных источников конкурентного преимущества, «национального ромба», вершинами которого являются факторы производства, условия спроса, конкурентная среда и поддерживающие отрасли. Кластеры представляют собой либо вершины ромба, либо одну из граней. С научной точки зрения, их лучше всего рассматривать как взаимодействующие элементы между всеми четырьмя гранями [18, с. 413].

При разработке теории региональных кластеров особое внимание уделяют каналам взаимодействия в них различных организаций, утверждая, что это не территориально

определенная концентрация взаимозависимых предприятий. Они «должны иметь также каналы производственных операций и диалога с малым и средним бизнесом» [32, с. 470] (пер. с англ. — И. В. Пилипенко). «Без активных каналов связи даже критическая масса родственных фирм не является локальной производственной или социальной системой, и поэтому не функционирует как кластер» [36, с. 29] (пер. с англ.: — И. В. Пилипенко).

Значительный вклад в развитие теории региональных кластеров внес американский ученый М. Энрайт. Его исследования сосредоточены на различиях в конкурентоспособности внутри стран и пространственном расширении конкурентных преимуществ. Ученый указывал, что конкурентное преимущество возникает не на наднациональном или национальном уровне, а на региональном уровне, где большую роль играют исторические предпосылки регионального развития, многообразие корпоративных культур и организация производства. Кластер зоны — это особый объект кластерной политики, которому необходимо внимание государственных органов и поддержка научно-исследовательских институтов [34].

Советские и российские ученые также внесли свой вклад в теорию кластеров. Уже в первой половине XX в. было введено понятие «территориально-производственный комплекс», понимаемый как совокупность взаимосвязанных и дополнительных экономических эффектов, достигаемых за счет использования общей инфраструктуры, человеческого капитала, энергоемкости, что в свою очередь очень близко к пониманию кластера [9, с. 379–383]. Однако между этими понятиями есть принципиальная разница — в кластере всегда есть конкурирующие элементы. Важно подчеркнуть, что термин «кластер» использовался советскими и российскими экономистами и географами для обозначения кластеров космических компаний еще в 1970-х гг. [17, с. 8–33]. Так что Майкл Портер не был первым, кто использовал этот термин, но он и не отрицал, что ссылался на работы видных экономистов, изучавших процесс концентрации производства в 1890–1950-х гг. [16, с. 15–25.].

Современное понимание кластера появилось в работах российских ученых в условиях функционирования рыночной экономики. Например, О. Д. Коль определяет его как комплекс территориально локализованных и взаимосвязанных корпоративных структур в различных отраслях экономики мегаполиса, деятельность которых направлена на создание условий для ментального и эмоционального опыта потребителей туристических услуг и повышения конкурентоспособности города как в национальном, так и в международном масштабе. Особенностью данного подхода является определение цели деятельности корпоративных структур в кластере [9]. Д. А. Ялов определяет кластер как сеть взаимосвязанных поставщиков, производителей, потребителей, элементов производственной инфраструктуры и научно-исследовательских институтов, находящихся в процессе создания прибавочной стоимости [29]. По мнению В. П. Третьяка, термин «кластер» обозначает отраслевую и географическую концентрацию компаний, которые совместно производят и продают ряд родственных или взаимодополняющих товаров совместными усилиями [24, с. 132].

С точки зрения Т. В. Цихана, кластер — это сообщество компаний тесно связанных отраслей, которые способствуют конкурентоспособности друг друга и могут быть представлены ограниченными в региональном масштабе хозяйственными единицами, вертикальными производственными цепочками и отраслями [26]. А. Н. Асаул объясняет кластер как «территориальное отраслевое добровольное объединение организаций и компаний, тесно взаимодействующих с научными учреждениями и органами власти для повышения конкурентоспособности собственной продукции и экономического развития данного региона» [3, с. 29]. А. А. Миграян считает, что кластер — это скопление максимально эффективных и взаимосвязанных направлений экономической деятельности, то есть совокупность групп, успешно конкурирующих фирм, которые образуют «золотое сечение» (в западной интерпретации *diamond* — «бриллиант») всей экономической инфраструктуры государства и обеспечивают рост конку-

ренции на производственном, региональном и мировом рынках [13, с. 28].

Описанные выше подходы имеют большое значение для концептуализации понятия «кластер», его природы и роли в экономике. С их помощью можно решать некоторые частные и специфические задачи, возникающие при формировании новых кластеров, в том числе музейных и туристско-рекреационных.

Термин «кластер» в настоящее время является одним из самых применимых понятий в экономике и набирает популярность в отношении других отраслей науки. Однако анализ литературы показывает, что единого подхода к интерпретации данного понятия не существует.

Если абстрагироваться от экономического понимания термина «кластер» и вернуться к более общему определению, то кластер — это объединение нескольких однородных элементов, которое может рассматриваться как самостоятельная единица, обладающая определенными свойствами. Согласно другому определению, кластер — это «группа соседствующих взаимосвязанных компаний и связанных с ними организаций, действующих в определенной сфере и характеризующихся общностью деятельности и взаимодополняющих друг друга» [19, с. 221]. Данное определение, на наш взгляд, является более точным, поскольку подчеркивает не однородность элементов кластера (что далеко не всегда имеет место на практике), а их взаимосвязанность и взаимодополняющие отношения в общей деятельности.

В отечественной экономической литературе также существует множество определений кластеров. В некоторых источниках кластер определяется как совокупность промышленных предприятий, исследовательских центров, финансовых институтов, государственных органов, общественных организаций, которые связаны технологическими цепочками крупных производителей, специализированных поставщиков и потребителей на основе географической концентрации. Кроме того, например, Г. А. Яшева подчеркивает, что производственный кластер — это организация предприятий, учреждений и организаций, объединенных партнерскими отноше-

ями вокруг научно-образовательных центров посредством партнерских отношений с федеральными, региональными и местными органами власти, партнерскими отношениями, укрепленными для повышения конкурентоспособности бизнеса, региональной и государственной экономики в целом [30, с. 49]. Подобные объединения формируются в основном для получения конкурентных преимуществ и создания высокотехнологичной и наукоемкой продукции.

Таким образом, можно заключить, что специфические черты производственного кластера определяются следующим образом: кластер — это единая динамичная структура, некий инновационный центр, устойчивое ядро распространения новых знаний, технологий, продукции; он представляет собой межотраслевой феномен, не имеющий четких границ и обладающий высокой степенью информатизации. Исходя из этого, кластер — это интеграционный механизм, обеспечивающий интенсивное развитие образующих его организаций, их социальное партнерство [14].

Кластеры также можно рассматривать как одну из наиболее эффективных форм реализации инновационных процессов. Й. Шумпетер вводит понятие инновационного кластера как совокупности базовых нововведений, реализованных в данный момент времени [37]. Т. Андерсон дает следующее определение инновационного кластера: это особый вид кластера, обладающий свойствами, позволяющими ускорить процесс генерации и коммерциализации инноваций [31, с. 57]. Интересен и подход В. Щербина, где инновационные кластеры были описаны как сети поставщиков, производителей и потребителей, как альтернатива отраслевым (ведомственным) методам организации производства [27, с. 312].

Инновационные кластеры отличаются от промышленных объединений. Их важной особенностью является тесное сотрудничество не только между компаниями, клиентами и поставщиками, но и с важными университетами и исследовательскими центрами, которые генерируют инновации, тем самым формируя высокий уровень образования в регионе. Таким образом, инновационные кластеры дают возможность направлять инвестиции

в разработку новых продуктов и использовать новые технологии для их продвижения на рынок. Инновационные кластеры отличаются тем, что их продукция в основном экспортируется, поскольку они конкурентоспособны на мировом рынке. Продвижение инноваций и промышленных кластеров становится все более популярным во всем мире как форма промышленной политики. Даже когда кластеры формируются при государственной поддержке, для их успешного развития необходима конкуренция, которая, впрочем, достаточно часто имеет место.

Кластеризация как достаточно успешная практика сегодня выходит далеко за рамки промышленности и инновационного экономического развития. Так, одной из сфер применения данного подхода становится культура.

Определения культурных кластеров часто связывают с такими терминами, как «креативность», «развитие культуры и творческих индустрий», «социальная ценность», «общедоступность», «интерактивность», «бренд» (продвижение которого имеет немаловажное значение для рекламы и развития кластера). Так, М. В. Казакова полагает, что «культурные и креативные индустрии основаны на индивидуальной креативности, умении и таланте создать и продюсировать культурное достояние в течение многих лет креативной работы. Чтобы такая индустрия развивалась, она должна демонстрировать рост от микро до макроуровня — от развития индивидуального до бизнес-развития и до индустриального развития» [8, с. 2898]. Таким образом, культура начинает «работать», эффективно используется и развивается в комплексах «промышленного масштаба», лучше всего в форме кластеров, будь то музеи, галереи или же творческие индустрии. В таком кластере наблюдается «прогресс знаний, прогресс навыков, прогресс талантов, накопление капитала, занятость в индустрии культуры» [33, с. 553] (*пер. с англ.: — Э. Чулуунбаатар*).

Что касается вопроса о формировании дефиниций «культурный кластер», «социокультурный кластер», «музейный кластер», «музейный протокластер» и других терминов в данной отрасли, здесь следует сказать, что

на сегодняшний день он остается открытым для дискуссии. Проанализировав работы как отечественных, так и зарубежных авторов, а также нормативные правовые документы, можно сделать вывод, что все использованные исследователями определения формируются исходя из контекста изучения музейного кластера и являются актуальными именно в рамках данных исследований. А. В. Личутин утверждает, что, с культурологической точки зрения, термин «кластер» следует толковать иначе, чем предлагает экономическая теория. По мнению автора, культурный кластер — это случайное собрание институтов, рассредоточенных по определенному городу или региону, демонстрирующих свои собственные закономерности, которые зависят не только от территориальной концентрации места, но также истории своего формирования и развития, связей с организацией жизни города [12]. Исследователь Н. О. Андросова говорит о том, что под термином «социокультурный кластер» понимается «многоуровневая, внутренне дифференцированная открытая динамическая система, объединяющая учреждения и организации, независимые от организационно-правовых форм собственности, для создания благоприятной социокультурной среды и качественного обслуживания населения» [2, с. 180]. Раскрытием сущности понятия «культурный кластер» занимались В. Э. Гордин и М. В. Матецкая, определившие его как «сообщество фирм, которые тесно связаны с различными отраслями, взаимно дополняют друг друга и способствуют росту своего конкурентоспособного преимущества» [6, с. 199].

Значительный вклад в изучение кластерной среды в сфере культуры и культурной политики внесла отечественный исследователь О. Н. Астафьева, которая дает определение понятию «кластерное объединение», под которым подразумевается не бюрократическая организация, создаваемая «по указке сверху», а средоточие творческих людей, нацеленных на ведение собственного дела, ориентированных управленческими структурами на интегративный эффект и достижение социально значимых целей [4]. К. З. Адамова в своем исследовании приводит широкую историческую справку о развитии понятия «кластер» и дает

определение понятию «протокластер» — объединение предприятий, обладающих рядом признаков кластера и способное при реализации мероприятий государственной поддержки стать полноценным кластером. А также выявляет первичные признаки протокластера: информационное взаимодействие и технологические связи, которые могут носить постоянный характер [1].

Следует заметить, что музейные кластеры в России все еще рассматриваются как часть культурных кластеров, что говорит о проблемах, касающихся повышения результативности деятельности кластерных структур и их адаптации к современным условиям, в том числе и в части формирования терминологического аппарата. Кроме того, существует необходимость в разработке единого подхода к понятию «музейный кластер».

Проанализировав вышеизложенные концепции, выделим *характеристики кластера*, существенно не изменяющиеся в зависимости от сферы применения (экономика, туризм, культура и т.п.).

Итак, к базовым характеристикам кластера относятся: концентрация предприятий на одной территории, взаимная конкуренция участников кластера, вовлечение участников кластера во все возможные процессы его деятельности, экономическое развитие региона, инновации в производстве и развитие его новых направлений. Характерными для экономических кластеров являются такие составляющие, как: близкое географическое расположение, технологическая схожесть производства, использование общего сырья, развитие и инновации в производстве, экономическая прибыльность. Туристские кластеры обладают такими базовыми свойствами, как: объединение отраслей сферы туризма, рациональное и прибыльное использование региональных туристских ресурсов, популяризация и развитие внутреннего туризма региона, поддержка малого бизнеса. В области культуры кластеры обладают следующими свойствами: территориальное и отраслевое объединение культурных организаций, формирование благоприятной социокультурной среды, популяризация и развитие региональной культуры.

Таким образом, отметим, что кластерный подход является универсальным для различных видов деятельности, так как его применение сохраняет характерные черты кластера: концентрация на одной территории, взаимосвязь и конкуренция всех участников кластера, инновационность, популяризация и экономическое развитие региона. Гибкость данного подхода говорит о том, что он может быть применен и в других отраслях регионального развития, например, в музейной отрасли.

Обратимся теперь к анализу смысловой составляющей понятия «музей». Согласно актуальному словарю музейных терминов, музей (лат. *museum* от гр. *museion* — «храм муз») — это «культурная форма, исторически выработанная человечеством для сохранения, актуализации и трансляции последующим поколениям наиболее ценной части культурного и природного наследия. В процессе генезиса и исторической эволюции он реализовался как открытое для публики некоммерческое учреждение, осуществляющее свои социальные функции на благо общества. Являясь институтом социальной памяти, музей отбирает, хранит, исследует, экспонирует и интерпретирует первоисточники знаний о развитии общества и природы — музейные предметы, их коллекции и другие виды движимого и недвижимого, материального и нематериального культурного наследия» [23, с. 56].

Процесс трансформации современных музейных функций обогатил поле музейных исследований и открыл новые горизонты для развития самого музея. Задачи, стоящие перед современными музеями, не могут быть решены без теоретического осмысления и реализации в виде реальной музейной деятельности. Музей уже давно вышел из «закрытых стен» и все больше трансформируется, отвечая потребностям современного общества, оставаясь при этом все тем же научно-исследовательским институтом, главной целью которого является сбор, изучение, хранение и экспонирование не просто предметов, а культурных ресурсов как отдельного региона, так и всего государства [19].

Российские и иностранные эксперты, рассматривая перспективы музея в структуре

общества XXI столетия, отмечают необходимость усиления межотраслевого взаимодействия с прочими социальными институтами — учреждениями культуры, науки, образования и другими. Глобальная практика также говорит об изменениях в системе музейного пространства: экспозиций, выставок, рекреационных зон, досуговых центров, музейной инфраструктуры. Этому учреждению диктуется потребность разработки новых конфигураций работы с посетителем, организации процесса его присутствия в музее. Музей как воспитательно-образовательное учреждение и культурно-развлекательная организация становится сложным организмом с разветвленной сетью современных служб, ориентированных на обеспечение удовлетворения совокупности интеллектуальных и культурно-бытовых запросов общества.

Поэтому актуальным на сегодняшний день является изучение музея с точки зрения развития экономики и бизнеса, управления и менеджмента, законодательства и права, как специфической сферы социокультурной коммуникации, и это далеко не весь перечень подходов к изучению современного музея.

Анализируя вышеизложенное, можно с уверенностью подчеркнуть, что музей как социокультурный институт претерпел достаточно длительную эволюцию, детерминированную изменением социокультурной среды, в которой он находился.

Согласно определению, сформулированному Международным советом музеев (ИКОМ) в 2007 г. в Вене, музей рассматривается представителями профессионального сообщества как «действующая на постоянной основе некоммерческая организация, которая служит обществу, заботится об общественном развитии, является открытой для публики и с целью познания, обучения и развлечения собирает, хранит, изучает, демонстрирует и популяризирует материальное и нематериальное наследие человечества и среды его обитания» [35] (*пер. с англ.*: — Т. П. Калугина). Федеральный закон от 26.05.1996 г. № 54-ФЗ (ред. от 27.12.2018 г.) «О Музейном фонде Российской Федерации и музеях в Российской Федерации» в качестве музейных ценностей рассматривает музейные предметы и коллекции,

обозначенные и кодифицированные как элементы Музейного Фонда Российской Федерации. Согласно статье 26, музеи создаются для осуществления культурных, образовательных и научных функций. Целями их создания является хранение, изучение и публичное представление музейных артефактов [25].

Также достаточно универсальным и полифункциональным является определение, предложенное в российском «Словаре актуальных музейных терминов» (2009), где музей рассматривается как институт социальной памяти, хранящий и транслирующий первоисточники знаний о развитии природы и общества. Основными функциями его признаются документирование, хранение и исследование, а также образование и воспитание [23, с. 52]. Постоянный комитет 139-й сессии исполкома ИКОМ в Париже предложил новую дефиницию музея, в которой основной акцент был перенесен на следующие качества: демократичность, инклюзивность, полифоничность, критический диалог о прошлом и будущем [35]. Отметим, что в этом определении на первый план выдвинуто развитие современных социально-коммуникативных практик для социализации, образования, культурно-досуговой деятельности. В последние десятилетия музеи рассматривают в комплексном единстве с ландшафтом, в котором они локализованы, что в целом соответствует тенденции экологизации музейного пространства, закрепляемой положениями Конвенции ЮНЕСКО «Об охране нематериального культурного наследия», где особо отмечается роль и значение околмузейного культурного пространства, или музейного ландшафта [10]. Также в Резолюции № 1 «Ответственность музеев в деле сохранения ландшафтов», принятой на Генеральной Ассамблее ИКОМ в Милане 9 июля 2016 г., отмечается, что «музеи несут определенную ответственность за окружающий их ландшафт, городской или сельский. Это подразумевает двойную задачу: с одной стороны — музеи должны предпринимать необходимые меры и поддерживать наследие в целях устойчивого развития территории; с другой стороны — им необходимо уделять внимание образам и представлениям, которые определяют и символизируют эти

ландшафты» [22]. При этом околмузейное культурное пространство должно воспроизводить ощущения и смыслы репрезентации материальных музейных предметов культуры в коммуникативном поле музея.

Таким образом, *сущностными характеристиками музея* как социокультурного феномена выступают: актуализация и популяризация культурного наследия, акцентирование социального интереса на приоритетности общечеловеческих ценностей на всех этапах освоения материальной и духовной культуры, самоутверждение и становление личности посредством вовлечения в массовую культуру, гуманизация личности, преемственность традиций и опыта прошлых поколений, централизованное государственное и общественное управление различными сферами социокультурной деятельности.

Следует отметить, что музейные учреждения в рамках своей деятельности в полной мере придерживаются базовых принципов. Музей представляется здесь как уникальное социокультурное явление, так как является хранителем и транслятором социальной культуры, материальных, природных и духовных ценностей, и в то же время способствует формированию нового социокультурного пространства. Музейное пространство создает условия, в которых человек посредством сопричастности общечеловеческим ценностям осуществляет процесс самосовершенствования, самореализации и самоактуализации, то есть происходит воздействие на процесс становления личности. Безусловно, музейное пространство представляет собой одну из форм проявления социокультурного развития общества, направленную на реализацию потребностей в познании окружающей действительности, рефлексии, расширении процесса межкультурной коммуникации и духовного развития.

Все эти процессы требуют четких структуризации и управления для объективного анализа и контроля развития не только музейной сети как самостоятельной инфраструктуры, но и межмузейной и межотраслевой коммуникации, процессы которой являются неотъемлемой частью здорового функционирования не только музейного организма, но и общества в целом. Своеобраз-

ным координатором процессов, протекающих в межмузейном пространстве, давно и успешно выступает музейная сеть, как «...целенаправленно формируемая совокупность музеев либо совокупность конкретных групп музеев (определенного профиля, типа), действующих на определенной территории. Организационная форма музейных объединений сложилась в XX в. с целью равномерного размещения музеев по территории страны и рационального использования культурных ресурсов» [23, с. 56].

Как мы видим, музейная сеть по своим характеристикам является феноменом, достаточно близким с кластером, однако она предполагает сотрудничество только лишь музеев, без привлечения иных заинтересованных организаций разнонаправленных отраслей. В современных условиях это является недостаточным для характеристики всех возможных музейных форм и взаимодействий, что обуславливает необходимость научного обоснования и концептуализации такого понятия, как «музейный кластер».

Исходя из вышеизложенного, основными категориями для достижения поставленной цели будут выступать определение понятия «кластер» М. Портера [18] и «музей» Ф3 РФ «О Музейном фонде Российской Федерации и музеях в Российской Федерации» [25], а также базовые характеристики музея и кластера, выявленные в процессе анализа основных концепций рассматриваемых феноменов.

Полученный нами результат показан на рисунке 1.

Перейдем к его расшифровке.

В представленных ниже определениях выделены базовые характеристики исследуемых понятий, в результате объединения которых и образуется определение исследуемой нами категории «музейный кластер»:

1. *Музей* — «некоммерческое учреждение культуры, созданное собственником для хранения, изучения и публичного представления музейных предметов и музейных коллекций, включенных в состав Музейного фонда Российской Федерации» [25]. «Музеи в Российской Федерации создаются в форме учреждений для осуществления культурных, образова-

Рис. 1. Схема соотношения понятий «музей» и «кластер»

Fig. 1. Correlation between the concepts “museum” and “cluster”

тельных и научных функций некоммерческого характера» [25].

2. *Сущностные характеристики музея:* актуализация и популяризация культурного наследия, приоритетность общечеловеческих ценностей на всех этапах освоения материальной и духовной культуры, самоутверждение и становление личности посредством вовлечения в массовую культуру, гуманизация личности, преемственность традиций и опыта прошлых поколений, управление различными сферами социокультурной деятельности.

3. *Кластер* — это «*группа географически локализованных взаимосвязанных компаний — поставщиков оборудования, комплектующих, специализированных услуг, инфраструктуры, научно-исследовательских институтов, вузов и других организаций, дополняющих друг друга и усиливающих конкурентные преимущества отдельных компаний и кластера в целом*» [19, с. 206].

4. *Базовые характеристики кластера:* концентрация предприятий на одной территории, взаимная конкуренция участников кластера, вовлечение его участников во все возможные процессы деятельности, экономи-

ческое развитие региона, инновации в производстве и развитие его новых направлений.

5. *Культурный кластер:* территориальное и отраслевое объединение культурных организаций, формирование благоприятной социокультурной среды, популяризация и развитие региональной культуры.

Как мы видим, большинство характеристик в базовых понятиях сохраняются, однако взаимоисключающие элементы претерпевают изменения в связи со спецификой музейной среды.

Таким образом, сопоставив и проанализировав базовые характеристики вышеперечисленных понятий, определим музейный кластер как взаимосвязанную группу музеев и учреждений культуры и науки, географически локализованных, взаимодействующих в рамках социокультурной, экономической, научной и других сфер деятельности, способствующих актуализации ключевых направлений их работы и повышающих конкурентоспособность как самого объединения в целом, так и его составляющих, которые участвуют в социально-экономическом и политическом развитии путем популяризации области их прямого (географического) и косвенного (научного) воздействия.

Как видно, для музейного кластера характерным является взаимодействие различных отраслей деятельности в отличие, например, от музейной сети; повышение конкурентоспособности всех участников музейного кластера; прямое и косвенное влияние на социально-экономическое и политическое развитие региона. Данные особенности актуализируют необходимость выделения понятия «музейный кластер» как самостоятельной терминологической единицы, позволяя не использовать, например, понятие «культурный кластер», подразумевающее объединение всех отраслей культуры, включая музеи.

Подводя итог вышеизложенному, следует отметить, что внедрение кластерного подхода в музейное пространство — это целенаправленный процесс, основной задачей которого является улучшение экономических и социокультурных условий региона за счет упрощения форм администрирования, управления и коммуникации взаимосвязанных структур.

В данной связи одной из актуальных задач музеологии является развитие языка науки, в рамках данного исследования эта задача частично решена путем концептуализации термина «музейный кластер».

Предложенное авторами определение музейного кластера основано на применении таксономического подхода и отражает существенные характеристики всех составляющих понятие элементов. Введение данного опре-

деления в научный оборот так же важно и для развития музейной терминологии. Несмотря на спектр существующих работ, это направление музеологических исследований остается востребованным и нуждается в периодической актуализации. В первую очередь это связано со способностью самого музея взаимодействовать с различными структурами и трансформироваться в условиях постоянно изменяющейся социокультурной среды.

Olga I. MIKITINETS

Cand. Sci. (Philosophical Anthropology, Philosophy of Culture), Assoc. Prof.,
Crimean University of Culture, Arts and Tourism,
Simferopol, Russian Federation
olia_mikitinets83@mail.ru

Victoria A. SHILINA

Postgraduate Student,
Crimean University of Culture, Arts and Tourism,
Simferopol, Russian Federation
miss.viktoriya84@mail.ru

***Museum Cluster: To the Emergence and Understanding
of the Concept in the Context of Modern Museum Terminology Development***

Abstract. The article analyzes the formation of the concept “museum cluster”. The authors aim to conceptualize this concept and define it inline with the current level of museum science development. The study is based on normative legal documents, works of foreign authors (M. Porter, M. Enright, and others) and domestic researchers (O.D. Kol, D.A. Yalov, T.V. Tsikhan, and others). The basis of the methodology was the taxonomic approach, which makes it possible to analyze the content of various definitions and build new definitions of the concepts under study on their basis. Structural-functional and descriptive methods were also used, as well as a logical determination procedure. The authors interpret the concept “cluster”, customary in economic theory; consider the features of the production cluster, and analyze the content of the concept “innovation cluster”. Then the authors turn to the study of cluster objects in culture and cultural policy, highlighting the essential general characteristics of the cluster (concentration in one territory, interconnection and competition of all participants, innovation, popularization and economic development of the region). The authors infer that the cluster approach is universal for various types of activities, is flexible and fundamentally applicable in various branches of regional development, including the museum field. Further, the authors consider the essential features of the concept “museum”, focusing on the study of a museum in the aspect of its socio-economic functions. The museum network is analyzed in terms of its importance for the communication process of museums and for the involvement in this process of other interested organizations working in other industries. The authors single out the basic characteristics of all the concepts under study and characterize their correlation. They have established that the museum cluster (unlike the museum network) is characterized by the interaction of various branches of socio-economic activity. The created definition of a museum cluster takes into account not only the geographical localization and interaction of its museums, but also aspects related to increasing the competitiveness of the association and popularizing its area of activity. The authors have established that the introduction of the cluster approach into the museum space is a purposeful process focused on improving the economic and socio-

cultural conditions of the region by simplifying the management processes and forms of communication of interacting structures.

Keywords: museum, museum environment, museum terminology, economics, structuring, definition, cluster, clustering, cultural cluster, museum cluster.

Использованная литература:

1. Адамова К. З. Кластеры: понятие, условия возникновения и функционирования // Вестник Саратовского государственного технического университета. 2008. № 34. С. 129–134.
2. Андросова Н. О. Условия и предпосылки создания социокультурного кластера в Белгородской области // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Философия. Социология. Право. 2012. № 2 (121). Вып. 19. С. 172–180.
3. Асаул А. Н. Кластеры – основа формирования эффективной инновационной системы Санкт-Петербурга // Проблемы предпринимательской и инвестиционно-строительной деятельности: материалы XVII Науч.-практ. конф. (Санкт-Петербург, 30 октября 2015 г.). СПб.: Ин-т проблем экономического возрождения, 2015. С. 11–29.
4. Астафьева О. Н. Социокультурные кластеры как модель управления региональным развитием // Государственное управление и развитие России: модели и проекты: сб. ст. науч.-практ. конф. (Москва, 19–20 мая 2016 г.). М.: Проспект, 2017. Т. 3. С. 185–193.
5. Бочаров В. А., Маркин В. И. Основы логики. М.: ИНФРА-М, 1998.
6. Гордин В. Э., Матецкая М. В. Культурные кластеры как генераторы инноваций в развитии туризма в дестинации // Роль туризма в модернизации экономики российских регионов: сб. науч. ст. по материалам междунар. науч.-практ. конф. Петрозаводск: Карельский научный центр Российской Академии Наук. 2011. С. 195–199.
7. Горский Д. П. Определение (логико-методологические проблемы). М.: Мысль, 1974.
8. Казакова М. В. Культурные и креативные индустрии: границы понятий // Креативная экономика. 2020. Т. 14. № 11. С. 2875–2898.
9. Коль О. Д. Концептуальные основы формирования кластера туристских предпринимательских структур по въездному туризму в крупном городе // Проблемы современной экономики. 2010. № 1 (33). С. 379–383.
10. Конвенция об охране нематериального культурного наследия: [принята Генеральной конференцией Организации Объединенных Наций по вопросам образования, науки и культуры 17.10.2003] // ЮНЕСКО. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/cultural_heritage_conv.shtml (дата обращения: 21.01.2023).
11. Ленчук Е. Б., Власкин Г. А. Кластерный подход в стратегии инновационного развития зарубежных стран // Проблемы прогнозирования. 2010. № 5. С. 38–51.
12. Личутин А. В. Тезисы о культурных кластерах // Экология культуры. 2008. № 2 (45). С. 51–55.
13. Мигранян А. А. Теоретические аспекты формирования конкурентоспособных кластеров в странах

References:

1. Adamova, K.Z. (2008) Klasteri: ponyatie, usloviya vozniknoveniya i funktsionirovaniya [Clusters: Concept, Conditions of Occurrence and Functioning]. *Vestnik Saratovskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta*. 34. pp. 129–134.
2. Androsova, N.O. (2012) Usloviya i predposylki sozdaniya sotsiokul'turnogo klastera v Belgorodskoy oblasti [Conditions and Prerequisites for the Creation of a Socio-Cultural Cluster in Belgorod Oblast]. *Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filosofiya. Sotsiologiya. Pravo*. 2 (121):19. pp. 172–180.
3. Asaul, A.N. (2015) [Clusters as the Basis for the Formation of an Effective Innovation System of St. Petersburg]. *Problemy predprinimatel'skoy i investitsionno-stroitel'noy deyatel'nosti* [Problems of Entrepreneurial and Investment-Construction Activities]. Proceedings of the XVII Conference. St. Petersburg. 30 October 2015. St. Petersburg: In-t problem ekonom. vozrozhdeniya. pp. 11–29. (In Russian).
4. Astaf'eva, O.N. (2017) [Socio-Cultural Clusters as a Model for Managing Regional Development]. *Gosudarstvennoe upravlenie i razvitie Rossii: modeli i proekty* [Public Administration and Development of Russia: Models and Projects]. Conference Proceedings. Moscow. 19–20 May 2016. Vol. 3. Moscow: Prospekt. pp. 185–193. (In Russian).
5. Bocharov, V. A. & Markin, V.I. (1998) *Osnovy logiki* [Fundamentals of Logic]. Moscow: INFRA-M.
6. Gordin, V.E. & Matetskaya, M.V. (2011) [Cultural Clusters as Generators of Innovation in the Development of Tourism in the Region]. *Rol' turizma v modernizatsii ekonomiki rossiyskikh regionov* [The Role of Tourism in the Modernization of the Economy of Russian Regions]. Petrozavodsk. pp. 195–199. (In Russian).
7. Gorskiy, D.P. (1974) *Opredelenie (logiko-metodologicheskie problemy)* [Definition (Logical and Methodological Problems)]. Moscow: Mysl'.
8. Kazakova, M.V. (2020) Cultural and creative industries: concepts limits. *Kreativnaya ekonomika*. 14 (11). pp. 2875–2898. (In Russian). DOI: 10.18334/ce.14.11.111156
9. Kol', O.D. (2010) Kontseptual'nye osnovy formirovaniya klastera turistskikh predprinimatel'skikh struktur po v'ezdnomu turizmu v krupnom gorode [Conceptual Foundations for the Formation of a Cluster of Tourist Entrepreneurial Structures for Inbound Tourism in a Large City]. *Problemy sovremennoy ekonomiki*. 1 (33). pp. 379–383.
10. UNESCO. (2003) *Convention for the Safeguarding of the Intangible Cultural Heritage*. Adopted by the General Conference of UNESCO on 17 October 2003. [Online] Available from: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/cultural_heritage_conv.shtml (Accessed: 21.01.2023). (In Russian).
11. Lenchuk, E.B. & Vlaskin, G.A. (2010) Klasternyy podkhod v strategii innovatsionnogo razvitiya zarubezhnykh

с переходной экономикой // Вестник Кыргызско-Российского Славянского университета. 2002. № 3. С. 22–29.

14. Михайлова М. В., Салаева А. Л. Кластерный подход в управлении образованием и культурой: положительный опыт российских регионов // Кластерный подход к управлению культурно-образовательным пространством города: материалы науч.-практ. конф. (Чебоксары, 19 декабря 2014 г.). Чебоксары: Б. и., 2014. С. 74–80.

15. Недолужко О. В. Новый подход к формированию понятийного пространства феномена интеллектуального капитала организации // Вестник Удмуртского университета. Серия: Экономика и право. 2016. Т. 26. № 2. С. 42–49.

16. Пилипенко И. В. Анализ основных зарубежных теорий конкурентоспособности стран и регионов в современном мировом хозяйстве // Известия академии наук. Серия географическая. 2003. № 6. С. 15–25.

17. Пилипенко И. В., Сорокин М. Ю. Методики определения конкурентоспособности стран мира // Конкурентоспособность в системе мирового хозяйства: пространственный анализ / под ред. Н. С. Мироненко. М.: Пресс-Соло, 2002. С. 8–33.

18. Портер М. Конкурентная стратегия: методика анализа отраслей и конкурентов. Изд. 4-е. М.: Альпина Паблишер, 2011.

19. Портер М. Конкуренция. М.: Вильямс, 2003.

20. Разумов В. И. Информационные основы синтеза систем: монография: в 3 ч. Омск: Изд-во Омского гос. ун-та, 2008. Ч. 2.

21. Разумов В. И., Сизиков В. П. Основы теории динамических информационных систем. Омск: Изд-во Омского гос. ун-та, 2005.

22. Резолюции, принятые на Генеральной Ассамблее Международного совета музеев (ИКОМ) в Милане (Италия, 9 июля 2016 г.) [Электронный ресурс] // Исполнительная дирекция ИКОМ России. URL: https://icom-russia.com/upload/documents/Резолюции%20ИКОМ_Милан%202016_рус.pdf (дата обращения: 20.01.2023).

23. Словарь актуальных музейных терминов / М. Е. Каулен, А. А. Сундиева, И. В. Чувилова [и др.] // Музей. 2009. № 5. С. 47–68.

24. Третьяк В. П. Кластеры предприятий: пути создания и результативность функционирования. М.: Август Борг, 2006.

25. Федеральный закон от 26.05.1996 г. № 54-ФЗ «О Музейном фонде Российской Федерации и музеях в Российской Федерации» // КонсультантПлюс: справочно-правовая система. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10496/ (дата обращения: 20.01.2023).

26. Цихан Т. В. Кластерная теория экономического развития // Теория и практика управления. 2003. № 5. С. 189–190.

27. Щербин В. К. Инфраструктурные составляющие инновационной экономики. Минск: Центр системного анализа и стратегических исследований Национальной академии наук Беларуси, 2010.

28. Яковлев М. М., Заплатин Р. А. Рационализация управления территорией в контексте реализации кластерной политики // Кластеры. Исследования и разработки. 2016. № 1. С. 13–20.

stran [Cluster Approach in the Strategy of Innovative Development of Foreign Countries]. *Problemy prognozirovaniya*. 5. pp. 38–51.

12. Lichutin, A.V. (2008) Tezisy o kul'turnykh klasterah [Theses on Cultural Clusters]. *Ekologiya kul'tury*. 2 (45). pp. 51–55.

13. Migranyan, A.A. (2002) Teoreticheskie aspekty formirovaniya konkurentosposobnykh klastero v stranakh s perekhodnoy ekonomikoy [Theoretical Aspects of the Formation of Competitive Clusters in Countries With Transition Economies]. *Vestnik Kyrgyzsko-Rossiyskogo Slavyanskogo universiteta*. 3. pp. 22–29.

14. Mikhaylova, M.V. & Salavaeva, A.L. (2014) [Cluster Approach to Managing Education and Culture: Positive Experience of Russian Regions]. *Klasternyy podkhod k upravleniyu kul'turno-obrazovatel'nyim prostranstvom goroda* [Cluster Approach to Managing the Cultural and Educational Space of the City]. Conference Proceedings. Cheboksary. 19 December 2014. Cheboksary: [s.n.]. pp. 74–80. (In Russian).

15. Nedoluzhko, O.V. (2016) Novyy podkhod k formirovaniyu ponyatiynogo prostranstva fenomena intellektual'nogo kapitala organizatsii [A New Approach to the Formation of the Conceptual Space of the Organization's Intellectual Capital]. *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriya Ekonomika i pravo*. 26 (2). pp. 42–49.

16. Pilipenko, I.V. (2003) Analiz osnovnykh zarubezhnykh teorii konkurentosposobnosti stran i regionov v sovremennom mirovom khozyaystve [Analysis of the Main Foreign Theories of the Competitiveness of Countries and Regions in the Modern World Economy]. *Izvestiya Akademii Nauk. Seriya geograficheskaya*. 6. pp. 15–25.

17. Pilipenko, I.V. & Sorokin, M.Yu. (2002) Metodiki opredeleniya konkurentosposobnosti stran mira [Methods for Determining the Competitiveness of Countries of the World]. In: Mironenko, N.S. (ed.) *Konkurentosposobnost' v sisteme mirovogo khozyaystva: prostranstvennyy analiz* [Competitiveness in the World Economy System: Spatial Analysis]. Moscow: Press-Solo. pp. 8–33.

18. Porter, M. (2011) *Konkurentnaya strategiya: metodika analiza otrasley i konkurentov* [Competitive Strategy: Techniques for Analyzing Industries and Competitors]. Translated from English. 4th ed. Moscow: Al'pina Publisher.

19. Porter, M. (2003) *Konkurentsiya* [Competition]. Translated from English. Moscow: Vil'yams.

20. Razumov, V.I. (2008) *Informatsionnye osnovy sinteza sistem* [Information Bases of Systems Synthesis]. In 3 Part. Part 2. Омск: Омск State University.

21. Razumov, V.I. & Sizikov, V.P. (2005) *Osnovy teorii dinamicheskikh informatsionnykh sistem* [Fundamentals of the Theory of Dynamic Information Systems]. Омск: Омск State University.

22. ICOM. (2016) *Rezolyutsii, prinyaty na General'noy Assamblee Mezhdunarodnogo soveta muzeev (IKOM) v Milane, Italiya, 9 iyulya 2016 g.* [Resolutions Adopted at the General Assembly of the International Council of Museums (ICOM) in Milan, Italy, July 9, 2016]. [Online] Available from: <https://icom-russia.com/data/contacts/> [Online] Available from: https://icom-russia.com/upload/documents/Rezolyutsii%20ИКОМ_Милан%202016_рус.pdf (Accessed: 20.01.2023).

29. Ялов Д. А. Кластерный подход как технология управления региональным экономическим развитием // Компас промышленной реструктуризации. 2003. № 3. URL: http://subcontract.ru/Docum/DocumShow_DocumID_17.html (дата обращения: 20.01.2023).
30. Яшева Г. А. Формирование и реализация кластерного подхода в управлении конкурентоспособностью предприятий легкой промышленности Республики Беларусь: автореф. дис. ... д-ра экон. наук. Минск, 2009.
31. Andersen T., Bjerre M., & Wise E. The Cluster Benchmarking Project (Innovation Policy). Lund: Nordic Innovation Centre, 2006.
32. Batagan L., Boja C., Cristian I. Intelligent Educational Systems. Support for an Education Cluster // Proceedings of the European Computing Conference (ECC '11) (Paris, April 28-30, 2011). s. l.: World Scientific and Engineering Academy and Society. P. 468–473.
33. Chuluunbaatar E. et al. The role of cluster and social capital in cultural and creative industries development // Procedia – Social and Behavioral Sciences. 2014. 109(4). P. 552–557.
34. Enright M. J. Why Clusters are the Way to Win the Game // World Link. 1992. № 5. P. 24–25.
35. ICOM announces the alternative museum definition that will be subject to a vote [Electronic Resource] // The International Council of Museums. URL: <https://icom.museum/en/news/icom-announces-the-alternative-museum-definition-that-will-be-subject-to-a-vote> (date of access: 20.01.2023).
36. Rosenfeld S. Backing into Clusters: Retrofitting Public Policies // Integrating Pressures: Lessons from Around the World: Proceedings of the John F. Kennedy School Symposium (Carrboro, North Carolina, 2001, 29–30 March). s.l.: Harvard University, 2001.
37. Schumpeter J. A. The Theory of the Business Cycle // Keizaigaku Ronshu – The Journal of Economics. 1931. Vol. 1. № 4. P. 1–32.
23. Kaulen, M.E. at al. (2009) Slovar' aktual'nykh muzeynykh terminov [Dictionary of Current Museum Terms]. Muzey. 5. pp. 47–68.
24. Tret'yak, V.P. (2006) *Klastery predpriyatij: puti sozdaniya i rezul'tativnost' funkcionirovaniya* [Clusters of Enterprises: Ways of Creation and Performance]. Moscow: Avgust Borg.
25. Russian Federation. (1996) *Federal Law of 26 May 1996 No. 54-FZ: On the Museum Fund of the Russian Federation and Museums in the Russian Federation*. [Online] Available from: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10496/ (Accessed: 20.01.2023). (In Russian).
26. Tsikhan, T.V. (2003) *Klasternaya teoriya ekonomicheskogo razvitiya* [Cluster Theory of Economic Development]. *Teoriya i praktika upravleniya*. 5. pp. 189–190.
27. Shcherbin, V.K. (2010) *Infrastrukturnye sostavlyayushchie innovatsionnoy ekonomiki* [Infrastructural Components of the Innovation Economy]. Minsk: Tsentr sistemnogo analiza i strategicheskikh issledovaniy Nats. akad. nauk Belarusi.
28. Yakovlev, M.M. & Zaplatin, R.A. (2016) *Ratsionalizatsiya upravleniya territoriyey v kontekste realizatsii klasternoy politiki* [Rationalization of territory management in the context of cluster policy implementation]. *Klastery. Issledovaniya i razrabotki*. 1. pp. 13–20.
29. Yalov, D.A. (2003) *Klasternyy podkhod kak tekhnologiya upravleniya regional'nym ekonomicheskim razvitiem* [Cluster approach as a technology for managing regional economic development]. *Kompas promyshlennoy restrukturalizatsii*. 3. [Online] Available from: http://subcontract.ru/Docum/DocumShow_DocumID_17.html (Accessed: 20.01.2023).
30. Yasheva, G.A. (2009) *Formirovanie i realizatsiya klasternogo podkhoda v upravlenii konkurentosposobnost'yu predpriyatij legkoy promyshlennosti Respubliki Belarus'* [Formation and implementation of the cluster approach in managing the competitiveness of light industry enterprises of the Republic of Belarus]. Abstract of Economics Dr. Diss. Minsk.
31. Andersen, T., Bjerre, M. & Wise, E. (2006) *The Cluster Benchmarking Project (Innovation Policy)*. Lund: Nordic Innovation Centre.
32. Batagan, L., Boja, C. & Cristian, I. (2011) *Intelligent Educational Systems. Support for an Education Cluster. Proceedings of the European Computing Conference (ECC '11)*. Paris. 28–30 April 2011. World Scientific and Engineering Academy and Society. pp. 468–473.
33. Chuluunbaatar, E. et al. (2014) *The role of cluster and social capital in cultural and creative industries development. Procedia – Social and Behavioral Sciences*. 109 (4). pp. 552–557.
34. Enright, M.J. (1992) *Why Clusters are the Way to Win the Game. World Link*. 5. pp. 24–25.
35. *The International Council of Museums. (2023) ICOM announces the alternative museum definition that will be subject to a vote*. [Online] Available from: <https://icom.museum/en/news/icom-announces-the-alternative-museum-definition-that-will-be-subject-to-a-vote> (Accessed: 20.01.2023).
36. Rosenfeld, S. (2001) *Backing into Clusters: Retrofitting Public Policies. Integrating Pressures: Lessons from Around the World*. Proceedings of the John F. Kennedy School

Symposium. Carrboro, North Carolina. 29–30 March 2001. Harvard University Press.

37. Schumpeter, J.A. (1931) The Theory of the Business Cycle. *Keizaigaku Ronshu – The Journal of Economics*. 1 (4). pp. 1–32.

Полная библиографическая ссылка на статью:

Микитинец, О. И. Музейный кластер: к возникновению и осмыслению понятия в контексте развития современной музейной терминологии / О. И. Микитинец, В. А. Шилина. – Текст : электронный. – DOI 10.36343/SB.2023.34.2.008 // Наследие веков. – 2023. – № 2. – С. 99–114. – URL: <http://heritage-magazine.com/index.php/HC/article/view/561/457> (дата обращения: ДД.ММ.ГГГГ).

Full bibliographic reference to the article:

Mikitinets, O. I. & Shilina V. A. (2023) Museum Cluster: To the Emergence and Understanding of the Concept in the Context of Modern Museum Terminology Development. *Nasledie vekov – Heritage of Centuries*. 2. pp. 99–114. (In Russian). DOI: 10.36343/SB.2023.34.2.008

МИР ИСКУССТВА: ИСТОРИЯ, ТЕОРИЯ, МЕТОДОЛОГИЯ

WORLD OF ART: HISTORY, THEORY, METHODOLOGY

ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ
СТАТЬЯ

FULL ARTICLE

ЛИ Юе

аспирант департамента искусств и дизайна
Дальневосточного федерального университета,
Владивосток, Российская Федерация

Yue Li

Postgraduate Student,
Far Eastern Federal University,
Vladivostok, Russian Federation

li.yue1@dvfu.ru

УДК: [[551.465.7: 75.047]:75.021.39]:7.071.1(510+592.3)
ГРНТИ: 18.31.31
ВАК: 5.10.1.

DOI: 10.36343/SB.2023.34.2.009

**Жанр марины в технике гохуа
(на примере творчества
Сун Минъюаня)**

**The Genre of Seascape
in the Guohua Technique
(An Example of Song Mingyan's Art)**

Статья посвящена анализу художественных особенностей морских пейзажей китайского художника Сун Минъюаня – основателя данного жанра в национальной живописи – и их эволюции по мере профессионального становления художника и изменения его эстетических предпочтений. Базу исследования составили работы китайских и российских искусствоведов, изучавших творчество китайского мастера в период с середины 1980-х гг. по начало XXI в. Художник стал первопроходцем в использовании художественных средств выразительного языка гохуа, который ранее считался не способным передать в полной мере всю силу и мощь величественной, порой яростной морской стихии. На примере творчества Сун Минъюаня и его серии картин «Ода морю» определяются возможности и перспективы использования традиционной техники гохуа для создания морских пейзажей, осмысливается процесс ее эволюции в начале XXI столетия, а также выделяются специфические черты китайской версии марины в контексте общемирового художественного процесса.

Ключевые слова: марина, китайская живопись, гохуа, Китай, Сун Минъюань, морской пейзаж, морская тема, жанр.

Введение. XXI век — это эпоха глобализации и «морского» столетия для Китая. Внедрение восточной специфики и временных характеристик в живописные сюжеты на морскую тематику, происходящее на основе изучения техники и методов живописи, базирующихся на китайских гуманитарных традициях и духовных особенностях, является одной из значимых тенденций современной национальной культуры. В контексте наступающей эпохи все больше китайских художников начинают уделять внимание морскому искусству.

Происходящие в настоящее время широкомасштабные глобальные изменения бросают вызов традиции как таковой, ставя в том числе и традиционное искусство перед выбором: либо модернизироваться и измениться, став чем-то иным (уже не вполне традиционным), либо найти внутри самой традиции потенциал к усложнению и развитию, но строго в рамках существующих традиционных канонов. Это вопрос жизнеспособности национальной традиции перед лицом усиливающихся глобализационных тенденций, и в данном смысле пример творчества такого художника, как Сун Минъюань, демонстрирует способность традиционного искусства и традиционной культуры развиваться и давать ответ на возникающие вызовы.

Китайская живопись начала XXI в. — это также одна из наиболее изучаемых областей восточного искусства. Интерес к китайскому пейзажу со стороны российских и западных исследователей чрезвычайно высок. История марины входит в число актуальных направлений в искусствоведении, при этом в центре внимания ученых все чаще оказываются «малые жанры» в творчестве художников Поднебесной. Изучение современной китайской морской картины значимо тем, что дает понимание ее художественной и социокультурной ценности для самих китайцев, а также ее роли в мировом арт-процессе.

Сун Минъюань называется китайскими искусствоведами одним из основоположников жанра марины в области традиционной китайской живописи тушью и водными красками. Он окончил факультет национальной живописи гогуа Академии изящных искусств

Гуанчжоу по специальности пейзаж «шань-шуй». Художник работал в разных техниках — гогуа, акварели, гравюры и т.д., непрерывно исследовал принципы изображения горных массивов и воды — морской стихии. На сегодняшний день Сун Минъюань является членом Союза художников Китая, Китайского общества мастеров графического искусства, Сингапурской федерации художественных организаций, а также выступает в качестве почетного председателя и учредителя Наньянского фонда искусств. Он занимает посты президента Наньянской академии изящных искусств (Сингапур), руководителя Исследовательского центра морского пейзажа, председателя правления Пекинского филиала Наньянской академии изящных искусств, главного редактора Художественной комиссии сингапурского журнала «Искусство и коллекции Наньян», вице-президента Китайской академии экологической каллиграфии и живописи, почетного председателя Художественной галереи Сун Минъюаня. По мнению Сюэ Сюаньлиня, который фокусировал внимание на возрождении и использовании традиционных китайских художественных техник и материалов для создания образов моря и морской стихии, именно в этом направлении работал Сун Минъюань [13].

В настоящее время в китайском искусствознании имеется ряд работ, связанных с изучением особенностей современной пейзажной живописи Китая. Комплексную картину развития указанного жанра дал Цзян Дэсай в диссертации «Развитие жанра пейзажа в китайской масляной живописи XX — начала XXI веков» (2017). Однако морской пейзаж лишь упоминался автором в контексте других разновидностей жанра [2]. Внимание именно к морской теме в китайской живописи уделялось такими исследователями, как Ли Чжисюань, рассматривавшим бытование жанра «шань-шуй» [8], Ян И, предлагавшим классификацию марины [14] и Ли Мэн, раскрывавшим сущность понятия «школа морской живописи» [7]. К числу последних по времени трудов следует отнести статью 2022 г. Ли Юе (автора данной работы), которая видит в морской картине «сложный процесс культивации сравнительно нового для культуры Китая объекта изображе-

ния в рамках заимствованной из стран Запада техники масляной живописи» [9].

Указанные исследования в основном посвящены выявлению и характеристике общих черт сложившейся относительно недавно морской разновидности пейзажного жанра в современном искусстве Китая, а также сбору и обобщению ранее неизвестных сведений о творчестве китайских маринистов в целом. Между тем вопросы развития морского пейзажа на уровне деятельности ключевых представителей национальной «школы морской живописи» в контексте эволюции китайского искусства остаются практически неосвещенными.

В данной статье процесс формирования и развития китайской школы морского пейзажа, зародившейся в середине 80-х гг. XX в., исследуется с опорой на анализ эволюции творчества Сун Миньюаня, основателя и главного представителя данной школы. Этот анализ включает изучение особенностей творческой манеры мастера в контексте их эволюции по мере профессионального становления художника и изменения его эстетических предпочтений.

Основными материалами для данного исследования послужили:

1. Произведения в жанре морского пейзажа, выполненные художником Сун Миньюанем на протяжении творческой жизни с 1960-х по 2010-е гг. и представленные в частных коллекциях, а также крупных музейных собраниях КНР.

2. Результаты научных исследований, предпринятых российскими и китайскими учеными и посвященных проблеме специфики марины в китайском искусстве.

Методология настоящего исследования основана на комплексном художественном анализе эволюции образа моря в творчестве китайского художника-пейзажиста. В работе использовался иконографический метод с целью определить основные мотивы, к которым обращался мастер, а также изменения, происходившие в процессе их развития. Художественно-стилистический анализ позволил выявить и специфику выразительных средств, которыми пользовался живописец на том или ином этапе своего творчества.

Первая работа Сун Миньюаня в технике национальной китайской живописи гохуа на морскую тематику «Волнение на море» написана в 1965 г. Она была создана в ряду многих других изображений с самыми разными, не только морскими мотивами. Однако уже в данном полотне отразилось особое отношение художника к этой стихии, которая пока еще только за счет контрастного сочетания светлой бумаги и черной туши показывала свою мощь и удивительное единство с окружающей природой. Художник уже тогда постепенно отходил от шаблонного изображения гор и вод, характерного для китайской живописи. Проявился поиск нового языка художественного выражения, а постоянно меняющаяся морская тематика подходила для этого как нельзя лучше.

Другие работы Сун Миньюаня на морскую тематику раннего периода продемонстрировали постепенное понимание художником того пространства, в котором он мог бы осуществить поиски и эксперименты. Первые результаты этого процесса ярко показывает картина «Чудесная песня», или «Песня души», датированная 1986 г.— временем официального создания круга китайских художников-маринистов во главе с Сюэ Сюаньлинем, так называемой «школы морского пейзажа» [13, с. 209]. С тех пор Сун Миньюань, подобно своим соратникам, в основном использовал океан и море в качестве центральной темы для творчества, выражая великолепие стихии, восхваляя море за переменчивый, но сильный характер, раскрывая отношения между водой и человеком, отчасти намекая на идею вечной борьбы и становления. Последняя прекрасно сочеталась с общим настроением, царившим в китайском обществе того времени, которое жаждало объединения и развития, обновления и модернизации.

В масштабной картине «Чудесная песня» умело сочетается китайское и западное новаторское развитие, проявляются различные художественные стили, величественная и глубокая эстетическая концепция, воплотившая художественные характеристики китайской морской живописи на этапе зрелого творчества Сун Миньюаня. Художник, используя бу-

магу и водные краски, привычную ему тушь, обращается к западной манере живописного воспроизведения морской стихии. Он реалистично показывает опасные скалы на переднем плане, прекрасно воспроизводит их фактуру. Темный цвет контрастно подчеркнут на фоне белой пены от бьющихся об утесы могучих волн. Слегка тонируя бумагу серо-синей краской, но сохраняя участки непрокрашенной бумаги, художник передает буйство холодной воды. Традиционные для китайского искусства надписи красной краской сочетаются с этими неожиданными участками. На примере этой работы видно, как для создания выразительного образа стихии художник гармонично сочетает китайские и западные приемы.

Создаваемые с 1980-х гг. морские картины свидетельствовали о зрелости живописной техники Сун Минъюаня. Однако ощущение недостаточной подготовки в плане знаний и навыков в области академической живописи маслом привело Сун Минъюаня в 1990 г. в Академию изящных искусств Гуанчжоу, где на кафедре живописи в течение двух лет он изучал морскую пейзажную живопись в западной технике [11]. Тогда же была создана целая серия картин, среди которых следует особо отметить «Юланкоу (Гуанчжоу)» (1992). В ней автор более смело использует цвет, удачно подчеркивая им разные фрагменты изображения (рис. 1). Коричнево-серый с небольшим добавлением умбры массив камней

на переднем плане темнеет на фоне всплесков белоснежных гребней волн. На среднем плане беспокойная вода отдает сине-зеленым оттенком, а далекие скалы и небо словно погружены в розоватую дымку.

С 1994 г. художник постепенно отходит от характерной для его раннего творчества композиционной схемы — сочетания скалы и морской стихии [10, с. 686], все чаще обращаясь к изображению безбрежных волн и неба. Например, в «Песне Хайяна» (1994) под нависшими белоснежной ватой облаками, сквозь которые слегка выступает кусочек мрачного темно-синего неба, простирается полоса свинцово-серой воды. Движение волн задается белыми барашками, тянущимися слева направо по диагонали и уходящими вдаль, что создает эффект бесконечного течения. В 1990-е гг. в морских пейзажах Сун Минъюаня появляются стаффажные фигурки людей, которые кажутся песчинками по сравнению со стихией и скалами, ставшими для них постоянным или временным пристанищем. В работе «Море красного солнца» (1996) возникает образ светила, который позволяет художнику смело использовать контрасты теплого и холодного. Примечательно, что Сун Минъюань изображает солнечный диск вдаль, словно тающим в дымке. Порой он и вовсе скрывается в тумане, и лишь розовый отсвет свидетельствует о его присутствии, что, например, видно в работе «Море красного солнца — Часть 2» (1996).

На рубеже 1990-х и 2000-х гг. художник усиливает насыщенность используемой палитры. Любимые им серый, синий, коричневый, красный цвета становятся более звучными, а их роль — более активной. Колорит буквально начинает конкурировать с рисунком. Заметно, что мастер выбирает определенную и наиболее интересную деталь в пейзаже и намеренно усиливает ее цвет в сравнении с другими фрагментами. Получается декоративный эффект, ха-

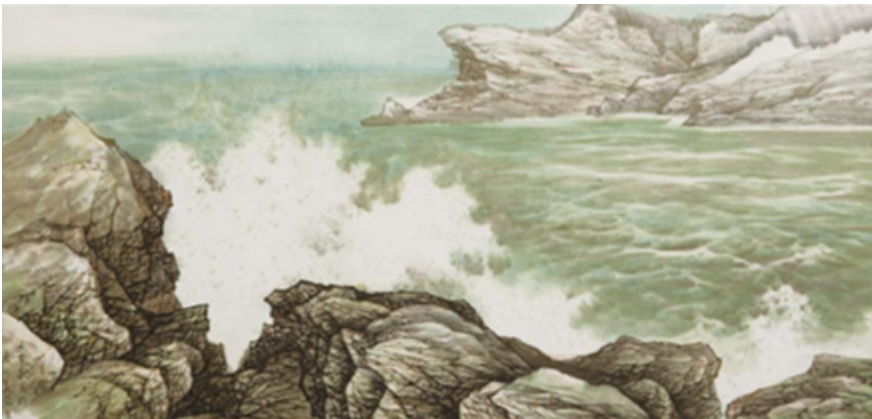

Рис. 1. Сун Минъюань. Юланкоу (Гуанчжоу) (1992).
Из серии работ 1989-1999 гг.

Fig. 1. Song Mingyuan. Yulankou (Guangzhou) (1992).
From a series of works of 1989-1999

Рис. 2. Сун Минъюань. «Морской цветок» (1998).

Fig. 2. Song Mingyuan. Sea Flower (1998)

рактерный для традиционной китайской живописи. Так, в работе «Морской цветок» (1998) художник в достаточно экспрессивной манере посредством быстрых синих и серых мазков изображает прибрежные скалы и теплоту вод (рис. 2). Белые, непрокрашенные участки — гребни бурно бьющихся о берег волн. На темной сетке трещин скал на переднем плане мастер ставит желтые точки цветов. Там, где они контрастируют с белым фоном, бутоны приобретают большую интенсивность и становятся оранжевыми.

Будучи в Сингапуре, в 2002 г. Сун Минъюань основал Наньянскую академию изящных искусств, Школу живописи «Морской камень» (переименованную в 2005 г. в Школу морской живописи), включавшую в себя Научно-исследовательский центр цветного и монохроматического искусства «Морской камень» (переименованный в 2005 г. в Научно-исследовательский центр морского пейзажа) [12]. В тот период автор тяготел к изображению прибрежных вод. Большую часть работы занимали высокие скалистые берега, а волнам отводилось достаточно мало места. Поменялся и ракурс зрения художника. Если ранее автор словно стоял на берегу и изображал непосредственно то, что видел перед собой, то позднее ситуация изменилась. Образы моря и утесов показывались как бы

сверху, будто Сун Минъюань расширил фокус видения и сделал попытку передать единство двух стихий. Даже выделяя интенсивным цветом какой-то элемент, мастер словно обращает внимание зрителя именно на скалы или деревья, а море остается нейтральным.

В 2004 г. Сун Минъюань вернулся домой, чтобы содействовать развитию марины в Китае. Как основоположник данного жанра в стране, Сун Минъюань более полувека своего творческого пути посвятил искусству национального морского пейзажа в технике гохуа [13, с. 689]. Примечательно, но именно на родине художник словно меняет баланс сил и вновь обращается к морской стихии как самодостаточному объекту изображения. Внимательное изучение океана вплоть до сотрудничества с научно-исследовательскими организациями позволяет художнику кардинально поменять свое отношение к нему. Так, по версии российского исследователя А. Ю. Капинуса, живописные изображения океана могут классифицироваться не только по состоянию стихии, но и «с точки зрения пространственных особенностей взгляда художника — с берега или с палубы корабля» [4, с. 69] (см. также: [5] [6]).

Прибрежные скалы вновь уходят на второй план, уступая место буйству вод. Причем изображение становится более динамичным, сложным по цветовой гамме. Сун Минъюань обращается к более богатой палитре, строя рисунок водной поверхности на тонких оттенках синего, голубого, зеленого, фиолетового цветов и их сочетаний. Например, в акварели «Море игры» (2004) художник использует разные оттенки зеленого, то холодные, то теплые, которые виднеются сквозь белые разводы морской пены (рис. 3). Светлые и темные участки рождают ощущение неровности поверхности, вздыбливающихся могучих волн. Над ними беспокойно кружат чайки, что создает достаточно гнетущее, но эпичное зрелище.

Анализируя марину художника, нетрудно заметить, что с конца 1990-х гг. и в течение первого десятилетия XXI в. его живописному стилю была присуща тщательность и реалистичность. Позднее он постепенно обратился к свободному и непринужденному стилю

Рис. 3. Сун Минъюань. «Море игры» (2004)

Fig. 3. Song Mingyuan. Sea of Play (2004)

живописи «се-и»¹. Многие из его работ стали результатами поиска новых форм выражения, попыток воплотить «дух кисти и туши», это можно увидеть, например, на картинах «Чернильное море», «Море раздумий», «Мелодия моря», «Удары волн» и т.д. Они явились образцами свободы, раскованности и высокого мастерства художника в изображении бескрайних морских просторов [10, с. 686]. Так, в акварели «Клятва волны» (2014) Сун Минъюань потрясающим образом, используя только тонкую растяжку синего цвета в совокупности с белизной листа, воспроизвел изображение огромных скал и бьющихся о них мощных волн. Он поднял горизонт очень высоко и использовал ракурс сверху, что создало трехмерный эффект и ощущение того, что стихия вот-вот захлестнет зрителя.

Сун Минъюань необычайно точно и подробно передает великолепие и величественную силу моря, наполняя атмосферу картин

¹ «Се-и» — это направление китайской живописи, ставшее популярным в эпоху Северной Сун (960—1127 гг.). «Се-и» требует, чтобы образ содержал в себе скрытые значения и символику. Художники игнорируют внешнюю реалистичность изображаемого и акцентируют его внутреннюю духовную сущность, что стало в китайской эстетике признаком осознанного смещения акцента на субъективность, особенностью художественного выражения (Прим. авт.).

глубоким лиризмом и эмоциональностью. Для прорисовки текстуры морских скал он создал собственный уникальный метод «штриховки морских скал господина Суна», основанный на очерчивании контура длинными линиями, штриховке и растушевке короткими и косыми линиями. Текстура каменных скал полностью последовательно прорисована кончиком кисти, что в полной мере демонстрирует высокое мастерство художника, строгое и прилежное отношение к работе.

На картинах «Мыс», «Отсутствие страстей — залог устойчивости скал», «Солнце, лодка, пляж», «Молчание морского камня», «Чайки играют на море» и других в полной мере отображены испытания и превратности жизненной борьбы воды и каменных скал.

Для изображения каменных скал и морских волн Сун Минъюань использует и другие уникальные методы и приемы, которые легли в основу его авторской системы художественной выразительности. Обращаясь к полотнам мастера можно заметить, что он весьма гармонично и естественно интегрирует в свое творчество навыки в области гравюры, искусства лубочных картин «няньхуа» и акварели. Этот синтез не только обогащает жизненность замысла и изящество морского пейзажа в традиционном понимании, но и позволяет в полной мере отразить красоту бескрайних просторов моря, усилить выразительность и визуальный эффект картины, сформировать эстетическое своеобразие китайского морского пейзажа — безупречного, величественного, гармоничного и изысканного. Картины Сун Минъюаня, благодаря эстетическому своеобразию его творчества, горячей любви и искренней страсти к морю в сочетании с богатым жизненным опытом и особым философским мировоззрением

Рис. 4. Сун Миньюань. «Ода морю» (Часть 1). Из серии «Ода морю» (2014)
 Fig. 4. Song Mingyuan. Ode to the Sea (Part 1). From the Ode to the Sea series (2014)

нием, являются по сравнению с произведениями западной масляной живописи гораздо более ценным источником для размышлений, обдумывания.

Кроме того, Сун Миньюань расширял сюжетно-тематическое разнообразие своих произведений. На раннем этапе творческого пути художник в большей степени изображал природные ландшафты в виде каменных скал и морских волн. Позднее он стал интегрировать в свое творчество военно-историческую («Морское сражение японо-китайской войны 1894–1895 гг.»), военную («Экспедиция», «Величественная сила») и полярную тематику («Полярный пейзаж»). В последние годы Сун Миньюань полностью посвятил себя морскому пейзажу. Серия акварелей в технике монохроматической живописи «Ода морю» (2014) является венцом тридцатилетнего творческого пути художника, его поисков в области пейзажного искусства [13]. В каждой из акварелей Сун Миньюань словно возвращается в прошлое, к ранним работам тушью. Однако сейчас он безукоризненно владеет приемами передачи красоты морской стихии, делает это не так, как в юности. Все элементы в его работах предстают в свето-тоновом единстве. Изображенные на переднем плане высокие скалы плавно выступают из разбушевавшихся вод (рис. 4). Волны воплощаются мягкими светотеневыми переходами, что придает им эффект движения. Серое свинцовое небо нависает над местностью ровной линией. Интересно то, что в 2000-х гг. Сун Миньюань предпочитал горизонтальный формат бумаги, вытянутый вширь, что позволяет панорамно передать величие и масштаб стихий.

Показательна для позднего периода творческой деятельности Сун Миньюаня серия «Новая глава Шелкового пути», посвященная истории развития Морского пути вплоть до XXI в. Объединяющими мотивами остаются неизменное

синее море, покрытое ажурным кружевом белых вод, а также слегка затянутое облаками спокойное и благожелательное небо. Изменяются в работе только берега, на которых из века в век предстают разные типы построек, по-разному одетые люди. Правда, и волны бороздят разные суда. Нововведением здесь является включение шрифтовых композиций в художественный строй произведений. Иероглифы бережно накладываются мастером на ровную поверхность в районе неба или берегов, вплетаются в морскую пену. Автор тем самым обращается к национальной традиции, в рамках которой выражение идеи полноты и совершенства всего сущего заключалось в синтезе изображений и иероглифических композиций [3, с. 130].

В 2014 г. (год написания серии «Ода морю») художник организовал одноименную художественную выставку. Данный проект стал единственной на сегодняшний день национальной выставкой морской пейзажной живописи Китая [11]. Она ежегодно проводится в рамках Всемирного дня океанов и Национального дня океанов в Китае. Сун Миньюань выступил с речью: «Сегодня день, который стоит запомнить, день, который должен быть вписан в историю школы морской живописи. Функция музея заключается в том, чтобы внести вклад в развитие и популяризацию китайской марины. Я надеюсь, что все будут активно участвовать в мероприятиях музея и повышать уровень морских пейзажей!» (Цит. по: [8]). Основной целью выставки является популяризация на государственном уровне произведений искусства на морскую тема-

тику. Это мероприятие стало эксклюзивным художественным брендом, созданным Сун Минъюанем совместно с Китайской школой морского пейзажа и Ассоциацией художников-маринистов Китая. На выставке демонстрируются работы таких мастеров, как Чжао Сиюнь, Дэн Цзыцзин, Линь Цянь, посвящающих свои картины морской природе, человеческой культуре и мореходству. В них запечатлена восхваляемая художниками эпоха расцвета морской мощи китайской державы, демонстрируются ее отличительные черты и воплощается суть идеологического и художественного характера жанра марины в национальной китайской живописи. Большинству обывателей морская живопись представляется весьма утомительным искусством с однообразным сюжетом в виде изображений моря, пляжей, скал и морских брызг. Это обуславливает еще большее значение выставки «Ода морю» для популяризации, развития и обогащения жанра марины в китайской живописи, которая с каждым годом продолжает демонстрировать возрастающий интерес китайского сообщества к этой теме.

Развитие жанра марины в китайской живописи не стоит на месте. На примере последних работ Сун Минъюаня, выполненных на рубеже 2010–2020-х гг., можно отметить определенные трансформации. Мастер сосредоточил свое внимание на проблеме передачи пластичности водных масс. В его работах ранее море бурлило волнами, которые показывали силу, сталкиваясь с природными преградами в виде горных утесов и скал. Однако в этот период морская стихия на полотнах мастера становится более активной. Художник несколькими длинными линиями изображает движение водных масс, часто закручивает их в водовороты, сложные, но изящные изгибы гребней. Порой он сосредотачивается на одной волне, которая и превращается в главный мотив акварели. Цветовую гамму художник строит на оттенках серого или синего, гораздо реже зеленого, что характерно для китайской живописи в целом [1, с. 7].

Заключение. В рамках предлагаемого исследования был впервые обработан и си-

стематизирован материал, связанный с изменениями в подходах к созданию морского пейзажа в реалистической масляной китайской живописи на примере творческой деятельности Сун Минъюаня. Более того, выявлены трансформации в тематике, композиционных особенностях и художественных методах построения изображений под влиянием эстетических предпочтений мастера и явлений арт-процесса в стране.

Длинный творческий путь художника показывает то, как по-разному можно передавать образ моря посредством различных приемов и мотивов, интересных художественных ходов. Марина Сун Минъюаня начиналась со сбалансированных по присутствию воды и скал работ тушью, в которых морская стихия еще не раскрывала сложное эмоциональное содержание. Затем, уже после знакомства с основами западной живописи, мастер обратился к экспериментам с цветом, оттенками, насыщенностью тона. Однако только с 2000-х гг. море выступило основной темой его акварелей. Причем изображение воды стало более экспрессивным, активным по цвету и тону. В своем позднем творчестве Сун Минъюань вернулся к прежней монохромной гамме, но уже выстроенной на основе глубокого понимания принципов создания изображений стихии, основанных на синтезе традиций китайской живописи гохуа и западной версии морского пейзажа. Более того, за счет активной популяризаторской деятельности художник смог сформировать целую плеяду маринистов, которые продолжают творческие поиски в области морской живописи. В настоящее время под руководством Сун Минъюаня китайское искусство добивается высоких результатов и новых высот в творческой и исследовательской деятельности в области морского пейзажа.

В дальнейшем исследование может быть продолжено за счет сравнения творчества Сун Минъюаня с подходами и эстетическими представлениями других современных китайских художников-маринистов, что даст возможность комплексно представить специфику эволюции и актуального состояния «школы морского пейзажа» в Китае.

Yue LI

Postgraduate Student,
Far Eastern Federal University,
Vladivostok, Russian Federation
li.yue1@dvfu.ru

***The Genre of Seascape in the Guohua Technique
(An Example of Song Mingyuan's Art)***

Abstract. The study examines the emergence of the seascape genre in Chinese art on the example of the works of its main representative, the marine painter Song Mingyuan. The author analyzes the artistic features of his seascapes and their evolution as the artist develops professionally and his aesthetic preferences change. The materials of the study were research of art historians on the works of the Chinese master from the mid-1980s to the early 21st century. The research methods are artistic and stylistic analysis and the iconography of Song Mingyuan's sea paintings at different stages of his creative life, and the study of documentary materials. The author consistently studies Song Mingyuan's early works made in the guohua technique and then those created under the influence of his acquaintance with the principles of Western oil painting. Further, the author analyzes the mechanism of the "birth" of the artist's specific manner in creating maritime paintings through the synthesis of Chinese and Western traditions. The analysis begins with Song Mingyuan's first work, *Unrest at Sea* (1986), which already shows the artist's special attitude to the sea element and manifests his search for a new language of artistic expression. Particular attention is paid to the 1980s – the time of the official formation of the "school of the seascape", when the artist skillfully combines Chinese and Western features, applied innovation in terms of technique and motives, and showed various artistic styles. After acquaintance with oil painting in the 1990s, Song Mingyuan uses color much more boldly and departs from the compositional scheme characteristic of his early works – a combination of rock and sea elements; he increasingly turns to the image of boundless waves and sky. In 2002, Song Mingyuan founds the Sea Stone painting school. During that period, the artist tends to depict coastal waters, but then returns to the sea element again. His image of water becomes more dynamic, complex in color, which is typical for se-i painting. On the example of his works, the artist showed other Chinese painters unique methods and techniques that formed the basis of his authorial system of artistic expression, which absorbed the traditional techniques of Chinese national painting in combination with Western expressive techniques. His students (Zhao Xiyun, Deng Zijing, Lin Qian, and others) now devote their watercolors and oil paintings to the sea and navigation, which reflects the heyday of China's maritime power.

Keywords: marine art, Chinese painting, Guohua, China, Song Mingyuan, seascape, sea theme, genre.

Использованная литература:

1. Белозерова В. Г. О светотени в традиционной китайской живописи // Визуальные стратегии в искусстве. М.: Рос. гос. гуманитарный ун-т, 2008. С. 7–8.
2. Дэсай Ц. Развитие жанра пейзаж в китайской масляной живописи XX – начала XXI века: автореф. дис. ... канд. искусствоведения. СПб., 2017.
3. Иероглиф в мировоззрении китайцев / С. А. Ан, Т. М. Степанская, О. А. Ворсина, Е. В. Песчанская. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2014.
4. Капинус А. Ю. Жанр «марина» и его разновидности в творчестве художников Приморского края // ИКОНИ. 2020. № 4. С. 63–72. DOI: 10.33779/2658-4824.2020.4.063-072.

References:

1. Belozerova, V.G. (2008) [Light and Shadow in Traditional Chinese Painting]. *Vizual'nye strategii v iskusstve* [Visual Strategy in Art]. Conference Proceedings. Moscow: RSUH. pp. 7–8. (In Russian).
2. Desay, Ts. (2017) *Razvitie zhanra peyzazh v kitayskoy maslyanoy zhivopisi XX – nachala XXI veka* [The Development of the Landscape Genre in Chinese Oil Painting of the 20th – Early 21st Centuries]. Abstract of Art History Cand. Diss. St. Petersburg.
3. An, A.S. et al. (2014) *Ieroglif v mirovozzrenii kitaytsev* [Hieroglyph in the Chinese World View]. Barnaul: Altai State University.
4. Kapinus, A.Yu. (2020) *The Genre of Marine Painting and Its Varieties in the Works of the Artists*

5. Капинус А. Ю. Психологический реализм жанра марина на примере наследия Л. Бакхёйзена, И. К. Айвазовского и В. И. Шиляева // Вестник культуры и искусств. 2021. № 2 (66). С. 100–107.
6. Капинус А. Ю. К вопросу о живописной технике мариниста В. И. Шиляева // Известия Байкальского государственного университета. 2020. Т. 30. № 2. С. 185–194.
7. Ли М. «Марина» в живописи современных китайских художников // Искусствознание и педагогика. Диалектика взаимосвязи и взаимодействия: сб. науч. тр. VII Междунар. межвузовской науч.-практ. конф. (Санкт-Петербург, 24 декабря 2019 г.) / науч. ред. С. В. Анчуков, О. Л. Некрасова-Каратеева. Вып. 7. СПб.: Астерион, 2019. С. 140–144.
8. Ли Ч. Морской пейзаж в творчестве современных художников Китая // Искусствознание и педагогика. Диалектика взаимосвязи и взаимодействия: сб. науч. тр. VII Междунар. межвузовской науч.-практ. конф. (Санкт-Петербург, 24 декабря 2019 г.) / науч. ред. С. В. Анчуков, О. Л. Некрасова-Каратеева. Вып. 7. СПб.: Астерион, 2019. С. 154–158.
9. Ли Ю. Морская картина как пространство синтеза традиционного и инновационного в творчестве живописцев современного Китая // Научный аспект. 2022. Т. 4. № 5. С. 482–489.
10. Линь М. Исследования китайской традиционной живописи гогуа XX в. Наньнин: Изд-во изящных искусств провинции Гуанси, 2000. (林木. 20世纪中国画研究. 广西美术出版社, 2000).
11. Сун Минъюань (宋明远) [Электронный ресурс] // Онлайн-энциклопедия «Байду байкэ». URL: <https://baike.baidu.com/item/%E5%AE%8B%E6%98%8E%E8%BF%9C/9320481> (дата обращения: 25.06.2023).
12. Сун Минъюань (宋明远) [Электронный ресурс] // Персональный сайт художника. URL: <https://songmingyuan.artron.net/> (дата обращения: 25.06.2023).
13. Сюэ Сюаньлин. Возрождение концепций и техник китайской живописи. Пекин: Шэньян Пресс, 1986. (薛玄霖. 中国书画观念与技法的复兴. 北京: 沈阳出版社, 1986年).
14. Ян И. Морской пейзаж в традиционном искусстве Китая: традиции и новации // Креативные индустрии Арктического региона: опыт и перспективы развития: материалы II Международного форума (Мурманск, 29 ноября – 1 декабря 2018 г.) / отв. ред. Е. Ю. Терещенко. Мурманск: Мурманский Арктич. гос. ун-т, 2019. С. 202–206.
- of the Primorsky Region. *IKONI*. 4. pp. 63–72. (In Russian). DOI: 10.33779/2658-4824.2020.4.063-072
5. Kapinus, A.Yu. (2020) On the Issue of the Painting Technique of the Marine Artist V.I. Shilyaev. *Izvestiya Baykal'skogo gosudarstvennogo universiteta – Bulletin of Baikal State University*. 30 (2), pp. 195–204. (In Russian). DOI: 10.17150/2500-2759.2020.30(2).195-204
6. Kapinus, A.Yu. (2021) Marina Genre Psychological Realism (On the Example of the L. Backhuysen, I.K. Aivazovskii, V.I. Shiliaev Heritage). *Vestnik kul'tury i iskusstv*. 2 (66). pp. 100–107. (In Russian).
7. Li, M. (2019) ["Marine Art" in Paintings of Contemporary Chinese Artists]. *Iskusstvoznanie i pedagogika. Dialektika vzaimosvyazi i vzaimodeystviya* [Art History and Pedagogy. Dialectics of Interconnection and Interaction]. Proceedings of the VII International Conference. St. Petersburg. 24 December 2019. Vol. 7. St. Petersburg: Asterion. pp. 140–144. (In Russian).
8. Li, Ch. (2019) [Seascape in the Works of Contemporary Chinese Artists]. *Iskusstvoznanie i pedagogika. Dialektika vzaimosvyazi i vzaimodeystviya* [Art History and Pedagogy. Dialectics of Interconnection and Interaction]. Proceedings of the VII International Conference. St. Petersburg. 24 December 2019. Vol. 7. St. Petersburg: Asterion. pp. 154–158. (In Russian).
9. Li, Yu. (2022) Morskaya kartina kak prostranstvo sinteza traditsionnogo i innovatsionnogo v tvorchestve zhivopistsev sovremennogo Kitaya [Marine Painting as a Space for the Synthesis of Traditional and Innovative Aspects in the Work of Painters of Modern China]. *Nauchnyy aspekt*. 4 (5). pp. 482–489.
10. Lin, M. (2000) *Research on Chinese Traditional National Guohua Painting in the 20th Century*. Nanning: Guangxi Fine Arts. (In Chinese).
11. Baidu Baike. (2023) *Song Mingyuan*. [Online] Available from: <https://baike.baidu.com/item/%E5%AE%8B%E6%98%8E%E8%BF%9C/9320481> (Accessed: 25.06.2023). (In Chinese).
12. Songmingyuan.artron.net. (2023) *Song Mingyuan*. [Online] Available from: <https://songmingyuan.artron.net/> (Accessed: 25.06.2023). (In Chinese).
13. Xue Xuanlin. (1986) *Revival of Chinese Painting Concepts and Techniques*. Beijing: Shenyang Publishing House. (In Chinese).
14. Yang, I. (2019) [Seascape in Chinese Traditional Art: Traditions and Innovations]. *Kreativnye industrii Arkticheskogo regiona: opyt i perspektivy razvitiya* [Creative Industries of the Arctic Region: Experience and Development Prospects]. Proceedings of the II International Forum. 29 November – 1 December 2018. Murmansk: Murmansk Arctic State University. pp. 202–206. (In Russian).

Полная библиографическая ссылка на статью:

Ли, Ю. Жанр марины в технике гогуа (на примере творчестве Сун Минъюаня) / Ю. Ли. – Текст : электронный. – DOI 10.36343/SB.2023.34.2.009 // Наследие веков. – 2023. – № 2. – С. 115–124. – URL: <http://heritage-magazine.com/index.php/HC/article/view/540/463> (дата обращения: ДД.ММ.ГГГГ).

Full bibliographic reference to the article:

Li, Y. (2023) The Genre of Seascape in the Guohua Technique (An Example of Song Mingyan's Art). *Nasledie vekov – Heritage of Centuries*. 2. pp. 115–124. (In Russian). DOI: 10.36343/SB.2023.34.2.009

ГУМАНИТАРНАЯ ПАНОРАМА: ОБЗОРЫ, КРИТИКА, ЭССЕ

HUMANITARIAN PANORAMA: REVIEWS, CRITICISM, ESSAYS

НАУЧНЫЙ
ОБЗОР

REVIEW ARTICLE

КОЛЕСНИКОВА Светлана Александровна
кандидат филологических наук,
доцент кафедры иностранных языков № 2
Кубанского технологического университета,
Краснодар, Российская Федерация
Svetlana A. KOLESNIKOVA
Cand. Sci. (Russian Literature),
Kuban State Technological University,
Krasnodar, Russian Federation
ck16@mail.ru

УДК: [821.161.1:792]:7.067(470.62)“312”
ГРНТИ: 18.45.09
ВАК: 5.10.1.

DOI: 10.36343/SB.2023.34.2.010

**Литературное наследие
Николая Канивецкого
в современном театральном
восприятии**

**The Literary Heritage
of Nikolai Kanivetsky
in Modern Theatrical Perception**

Обращаясь к современным опытам театральной интерпретации кубанского фольклора, автор статьи рассматривает заявленную проблему на материале спектакля «Пахлава глупости», поставленного на сцене краснодарского творческого коллектива «Один театр» по рассказам кубанского писателя Николая Канивецкого (1857–1911). Отмечены особенности образного воплощения его прозы – произведений с яркой и колоритной этнографической составляющей. Не ограничиваясь одним примером, статья раскрывает заявленную проблематику в емкой исторической ретроспективе. Прослежена эволюция спектаклей на «местную тему» в краснодарских театрах, начиная с середины XX в. Наблюдения над языковой спецификой текстов и их восприятием зрителем разных поколений позволили автору работы сформулировать комплексное суждение об историзме и социальной обусловленности драматургии и прозы в их сценическом воплощении.

Ключевые слова: Н. Н. Канивецкий, «Один театр», Кубань, Краснодар, кубанский фольклор, этнография, говоры, сценическая интерпретация литературных произведений, зрительское восприятие.

При поддержке Фонда Олега Дерипаски «Вольное дело» молодой режиссер Екатерина Петрова-Вербич поставила в «Одном театре» достаточно смелый по нашим временам спектакль: «Пахлава глупости» по рассказам кубанского писателя Николая Николаевича Канивецкого (1857, Керчь — 1911, Ялта). Уникальна и смела эта постановка прежде всего тем, что актеры играют на так называемой кубанской «балачке» — малороссийском диалекте, смеси русского и украинского языков, разновидности суржика. На нем и написаны были в начале XX в. эти самые рассказы. Для коренных местных жителей — это памятный из далекого детства язык прабабушек и прадедушек, особенно распространенный в станицах. Фонетически он напоминает украинскую мову. От «балачки» на Кубани ныне остался только акцент, по которому представителей этого региона узнают в Москве и других регионах, где господствует литературная норма — московское произношение. Но это не мешает зрителям: юмористические зарисовки не просто понятны, а становятся смешнее от той, далекой правды кубанской речи. Актерам не всегда естественно дается диалект, иногда они забывают исконные пра-слова, заменяя их аналогами современного русского, но все же со сложной задачей справляются под ликующий всплеск эмоций публики.

Речь в этом спектакле — главный герой. Ее природа комедийна, она дает ход сатире в разных ее проявлениях: начиная от пародии и каламбура в названии «Пахлава глупости» (отсылка к «Похвале глупости» Эразма Роттердамского) и жанров, обозначенных режиссером как кубанский детектив и кубанский хоррор, и заканчивая буффонадой и гротеском, характерным для рассказа «Гуси с того света». В первом из двух инсценированных произведений — «Контрабандный чай» — предводители местного казачества атаман Герасим Охримович (Евгений Женихов) и Хома Очерет (Алексей Алексеев) пропускают контрабанду, потому как не понимают слов в письменном донесении. Дешу принес им молодой и совсем уж глупый, несолидный, по их разумению, посланник-казак (Дмитрий Волох). Долго думая над фразой «конфисковать у купца Хваткина контрабандный чай», уважаемые

солидные казаки, не без помощи писаря Демидыча (он же — Доня), приходят к умозаключению, что иностранное слово «конфисковать», должно быть, их казачье «куштовать» (в современном русском «пробовать»).

Купец Афанасий Ираклиевич Хваткин (Виталий Борисов) и его сподвижница Хваткина (Олеся Богданова) предстают в костюмах зайцев — персонажей с трясущимися хвостиками и большими бутафорскими заячьими ушами. Коварные зайцы тащат контрабандные мешки, затем пленяют всех пакетиками современного заморского чая и спаивают присутствующих водкой. «Раскуштовав заморского чаю», казаки отпускают купца. За свою глупость они, должно быть, поплатятся сполна — и волну хохота уже перекрывает надрывная и ироничная песня о «горькой доле казака». Ее исполняет казачка Доня — актриса Дарья Женихова обладает уникальной природой, отличающей ее от других, она балансирует на грани абсурда, гротеска, трагизма, комедии.

Пиршество кубанской речи дополнено экстазом сценографическим, фантазмагорическим. Как в лучших театральных домах Европы, концептуальный театр, смешивая узнаваемые фольклорные символы и перевоплощения с современными деталями, вступает в свои права. В страшном сне Миколаевны из рассказа «Гуси с того света» являются огромные гусиные головы из папье-маше, а ее ненавистная вечная соперница, обаятельная и привлекательная станичная красавица а-ля Мерлин Монро, Хведориха (Дарья Женихова) поет в микрофон и развеивает перья домашней птицы над вентилятором. Актер Асир Шогенов шагает в ботфортах, размахивая брендовой авоськой и красным галстуком-языком: как-никак, он же играет индюка. Гуси — актеры в майках-алкоголичках, напившиеся «спытычки» (здесь — домашней наливки), очнувшись после хмельного обморока, приходят назад к хозяйке уже общипанные (в нижнем белье), попивают воду из пластиковых бутылочек. Большой прямоугольный стол со скатертью забрызган кровью. Сидя за ним, гуси и Миколаевна поют рэп «Жили у бабули два веселых гуся» (аккомпанируют им музыканты Татьяна Голоперова, Татьяна Колоскова, му-

зыкальный руководитель — композитор Евгений Бархатов, звукорежиссер Артем Маров).

Женские образы в спектакле вышли более сильными, да и стоит ли тягаться «с кубанскими бабами»? Их ревность и соперничество приводят к тому, что гуси остаются без перьев, индюк лишается красного галстука-языка. Миколаевна (Олеся Богданова) размахивает топором и так естественно «балакает», что веришь ее задору, боли, одиночеству и зависти к молодой Хведорихе. Ее помощница Христина (Татьяна Голоперова) не отстает: отчаянно пьет наливку и проливает комические слезы над пьяным обмороком гусей, думая, что они мертвы.

Ритм спектакля, сценографический, музыкальный и хореографический ряды (хореограф Любовь Перова), режиссерская работа, свет (художник по свету Мария Панютина) здесь не спорят с прошлым, с традицией. Получилось актуальное комическое действие на языке оригинала, рассказанное фантазматическим языком пост-постмодернистского фарса. «Один театр» остается верен себе: исключает дешевую спекуляцию из работы с любым материалом. Здесь нацелены на осознанный художественный поиск и выбор.

Важные сами по себе составляющие любого творческого процесса в данном случае становятся определяющими. В маленьком камерном спектакле эхом из прошлого отдалась одна из черт театрального процесса Кубани. Появлявшаяся и исчезающая, она имела строгое определение, фиксированное в документах управления культуры, репертуарных справках, прессе как «местная тема». Она была частью советского идеологического дискурса вплоть до 1985 г., то есть года начала «перестройки». Через местную пьесу, считалось, можно воспитать и театры, и авторов. Расчет не был лишен логики. Он работал, и не на один идеологический официоз — а, собственно, на искусство драматической и музыкальной сцены.

Памятные события в прошлом особым образом корреспондируют сегодняшней премьере в «Одном театре» и позволяют сейчас, через полвека и более, выстраивать протяженные линии театральной истории Кубани. Вот чем еще привлекательна премьера — она,

помимо планов создателей, вписывается в более широкий контекст культурного наследия Северного Кавказа.

Целеполагание спектакля на местную тему всегда проистекало из двух базовых концептов: история (как правило, героическая) и язык как продукт слияния двух стихий — русской и украинской. Составленный на этом соединении мелос бытовой речи подхватывала и запечатлевала литература, за ней — театр. В сценической практике, начиная с середины прошлого века, история и язык, как правило, сопутствовали нераздельно, одно в другом выявлялось и одно без другого не существовало. Что в наибольшей степени выразили знаковые постановки Краснодарского краевого драматического театра им. М. Горького: «Плавни» по одноименному роману Бориса Крамаренко (1967, возобновлен в 1970) и «Кочубей» по одноименному роману Аркадия Первенцева (1958, 1977).

«Плавни» воссоздавали эпизод Гражданской войны на Кубани, конкретно, угрозу захвата врангелевским десантом (так называемый Кубанский десант Улагая) района под станицей Староминской. Местный ревком рушил их планы. Сталкивались крутые характеры, понимавшие свою миссию на родной земле по-разному. И в том, быть может, заключалась главная удача спектакля — равноправно (или относительно равноправно) представляли судьбы русских людей, ставших в роковой миг их жизни врагами. У тех и у других свой взгляд на патриотизм. Они в борьбе обретали свой дом, свой двор, свой скот, свое место в Ейских и Челбасских плавнях... К сожалению, в борьбе друг с другом. Режиссер М. А. Куликовский объединил множество лиц в единый актерский ансамбль, в нем равно узнаваемы и колоритны были комбриг Семенной (Е. С. Колчинский), его сподвижник и правая рука Семен Хмель (И. А. Куприянов), Председатель Ейского ревкома (И. Г. Макаревич) и их классовые враги — Гай (Г. В. Пандик), Деркачиха (Л. А. Солнцева), полковник Сухенко (С. И. Шмаков) и др. Из мозаики эпизодов составлялась картина местного эпоса, который одновременно был и общим. Ибо его проживали и проговаривали на едином русском языке — чистом, внятном, ясном сценическом языке национального те-

атра, который сам по себе всегда был и есть произведением изустного творчества. Язык романа «Плавни» органично сочетал этнографию и норму. Это еще более скрепляло замысел — явить людскую правду в кризисный момент яростной схватки в поступках и в напряженном, рвущемся наружу индивидуальном речевом высказывании.

Театр в «Плавнях» был как никогда органичен в своей высокой миссии исторического сказителя и одновременно живого повествователя. Это подкупало и краснодарского зрителя, и московскую критику («Плавни» дважды показывались в Москве в 1967, 1970) [1] [2] [3] [6] [7]. Местная тема зазвучала особенно трогательно, по-домашнему уже на премьере, которую посетил прототип героя — краснодарец Трофим Титович Семенной [1, с. 8].

«Плавни», будучи явлением исключительным в своем времени, утвердились в репертуаре между двумя постановками «Кочубея». Роман опубликован в 1937 г. и уже в следующем достиг сцены Московского камерного театра в постановке Н. П. Охлопкова (он же соавтор инсценировки, сделанной самим автором). На краснодарской сцене «Кочубей» явился в 1958-м, в год экранизации книги на «Ленфильме» (режиссер Ю. Н. Озеров). Постановка В. М. Ипатова (режиссер Т. Д. Гогава) не сохранилась ни в воспоминаниях, ни в критике. Известно, что роман был поставлен по инсценировке самого А. Первенцева (уже без упоминания Н. П. Охлопкова), объем (3 действия, 14 картин), все главные действующие лица, экспонирующие конфликт, были представлены в точности. А трое артистов — А. М. Боздаренко (Петр Журба), С. И. Шмаков (Василий Журба), Г. В. Пандик (Носарь) — сыграли также в следующей постановке «Кочубея», причем А. М. Боздаренко повторил свою же роль, а С. И. Шмаков и Г. В. Пандик получили другие, соответственно — председателя ЦИК Республики Шубина и главкома Ворона.

«Кочубей» вернулся на краснодарскую сцену через 20 лет в 1977 г. как посвящение 60-летию Революции. Постановщик М. А. Куликовский, идя за романом, воссоздавал стилистику классовой борьбы через приподнято-романтический лозунг и опять-таки в активном звучании кубанского говора. Платнировская,

Невинка, Армавир, Тихорецкая... Радость узнавания, тем не менее, не рождала эффекта первозданности. Скорее, давала повтор темы, к тому же старыми средствами, в то время как осмысление итогов Гражданской войны требовало новых средств и гражданской смелости. Необходимо было объяснить трагический путь героя — командира казачьей конной бригады 26-летнего Ивана Кочубея, сознательно идущего на смерть за торжество коммунистической идеи, уже не только с классовых позиций, а с позиции общечеловеческой: сформировать новое отношение современника к нему и к событиям.

«Екатеринодар был оставлен. Кочубей уходил к Армавиру, прорываясь к главным силам. Вслед ему, покидая станицы, на быстрых конях стремились казаки.

— Прима, батько, до своо табору,— просили они.

— Добре, хлопцы, добре,— зорко вглядываясь в новых бойцов, говорил батько.— Не пытаю, шо вы за люди и шо вы до цего робыли, бо я не поп-батюшка, а прося вас порубить вон тех беляков, шо задерживают нас биля того витряка... Пели над головами кадетские пули. Кидались в седла хлопцы, на скаку выхватывая узкие кубанские шашки. Клубилась жестокая рубка у ветряка. Очищалась дорога. Кочубей улыбался, надвигая до самых белесых бровей папаху, скакал к месту боя. Добре рубались, добре... Накрошили капусты... Надо зачислить до части» [12, с. 5].

Эти строки зачина романа «Кочубей» написаны командиром сабельного взвода. Его руки держали не только перо. Его уши впитали не одни казачьи прибаутки да песни — но гул событий и яростных страстей. Они были положены в прозу на плотную этнографическую грунтовку. Но сцене уже нужна была правда другого момента. В общественном сознании вызревало требование трезвого исторического анализа. Краснодарский драматический театр же пребывал в «академической броне» показного понимания исторической и местной тематики.

Критик Рудольф Кушнарёв (важнейшая фигура театрального процесса того времени) отмечал двойственность спектакля, устремленного к благим целям, но увязающего в ил-

люстративном внешнем реализме. Характерно также его следующее замечание: «Это упрек в перегруженности языка элементами так называемого “кубанского колорита”. Такая речевая “этнография” часто выглядит нарочито претенциозной, засоряющей авторский текст, а порой и лишаящей его элементарного смысла» [9, с. 3]. Словом, зал был вправе ожидать обновления интерпретации. Возможна ли она на материале романа? Сроки вызревания новых идей на сцене растянуты, они торжествуют в иную эпоху (как музыка авангардистов становится понятной через 50 лет).

Местная тематика (в основном забота об урожае) находила оригинальное воплощение в Краснодарском театре музыкальной комедии (с 1966 г. — оперетты): «У нас на Кубани» М. Н. Киракосова, (1954), «Любовь Оксаны» Д. В. Фалилеева (1957), «Кубанские ласточки» Д. В. Фалилеева, Г. М. Плотниченко, Я. Л. Верховского (1960) по пьесам С. Н. Ольгина, «Девичья фамилия» Г. М. Плотниченко и Я. Л. Верховского по пьесе В. Х. Мхитаряна на стихи С. Н. Ольгина (1962), «Степные огоньки» В. В. Володина по пьесе В. Г. Дармодехина (1964). К слову прибавлялась музыка, и это оправдывало порой плакатные идеологические конструкции произведений: битва за зерно, пропаганда передового опыта кубанских механизаторов, преимущества социалистического ведения хозяйства перед капиталистическим — сельскохозяйственными практиками американского штата Айова. План пьесы «Кубанские ласточки» надиктовывал режиссеру М. А. Ошеровскому первый секретарь крайкома КПСС Д. С. Полянский, о том сохранились юмористические воспоминания постановщика [8, с. 188].

«Горная ромашка» Е. А. Алабина и Я. Л. Верховского по пьесе В. Б. Бакалдина (1966) повествовала о современной молодежи, нравственных вопросах, подступавших к героям в экстремальной ситуации. Авторы выходили из рамок узконаправленного поиска — неперменной для Кубани сельскохозяйственной тематики. Что было жизненно необходимо: «Хлеб всему голова», но «Не хлебом единым жив человек, но всяким словом, исходящим из уст Божьих». Оппозиция современной цветистой публицистики и ветхозавет-

ного библейского прорицания в театральном искусстве Кубани всегда решалась в пользу профилирующей отрасли народного хозяйства. Пьеса местных авторов появлялась в репертуаре в связи с неким внешним запросом, а не по внутренней необходимости. Ее поводом становился партийно-политический лозунг, памятная дата, юбилей. И никогда — некая нравственная общечеловеческая проблема. Театр вплоть до середины 1980-х продолжал мыслиться во многом идеологическим институтом, но не трибуной эстетических направлений современного искусства.

Мы не стремимся охватить имена всех кубанских писателей и поэтов, чьими стараниями местная тема на сцене все же была представлена, но главный ряд выстраивается так: Н. Г. Винников, В. Х. Мхитарян, В. Б. Бакалдин, В. А. Монастырев, Л. И. Митрофанов, Б. А. Крамаренко, Б. М. Каспаров, Т. Т. Марченко, И. Ф. Варавва.

Прямой рифмой заявленной в статье темы является спектакль Краснодарского драматического театра «Хорош дом, да морочка в нём» по пьесе И. Ф. Вараввы, режиссер К. Н. Мохов (1995). Поэтический сюжет об освоении казаками Кубани, дарованной им Екатериной II, знаменовал новый, уже внецензурный поворот возрождения интереса к казачеству, дискуссий о его прошлом, настоящем и будущем. На историческом фоне возникала любовь юного казака к дочери горского князя, шла подготовка к свадьбе, а кульминацией становилась сама свадьба. Станичные шутки, прибаутки, задорные молодухи, забавные коллизии окружали центральную идею мира с горцами, вольной жизни в сочетании со службой Государыне. Работа театра появилась неожиданно, без предварительных деклараций и привязок к датам. Яркая, лубочная, пародийная, что и отмечала критика, удивительно сближая казачий колорит с гоголевским [4, с. 3]. Публика встретила работу тепло, хотя, по мнению очевидцев, горожанам смотреть ее было трудновато: кубанский говор, более украинский, нежели русский, уже вышел из речевого обихода и в новом поколении не укрепился. (Нам сообщено об этом критиком С. И. Малаховой.)

Что мы видим на спектакле «Одного театра», давшем толчок и повод нашим рассуждениям? Вернемся к «исходному событию», как это называется в действенном анализе драмы. Действительно, «балачка» сегодня не является языковой нормой современника — но она ему понятна! (Генетическая память или влияние старшего поколения кубанцев, сохраняющих отдельные элементы старой лексики и манеры речи.) Текст Николая Канивецкого, казалось бы, давно забытого автора, в школе не изучаемого, в советском репертуаре не состоявшего, воспринимается с юмором. Зал через 100 лет живо откликается на ситуации и отдельные колоритные фразы, давно вымытые из современной нормы. Здесь парадокс, но и закономерность, проявляющая себя периодически в театральной практике независимо от географических привязок. В 1960-х гг. (свидетельство очевидцев!) в Краснодаре ежегодно гастролировали украинские музыкально-драматические коллективы: такие работали практически в каждом городе Украины — Киве, Харькове, Полтаве, Донецке, Одессе, Запорожье, Днепропетровске и т.д. Их репертуар, давно и прочно стандартизированный, состоял из однородных в жанровом отношении сочинений Г. Ф. Квитки-Основьяненко, М. П. Старицкого, М. Л. Кропивницкого, И. К. Карпенко-Карого, приспособленных для музыкальной сцены. «Сватанье на Гончаровке» Г. Ф. Квитки-Основьяненко вызывало в публике неудержимый, неостановимый, почти припадочный хохот; казалось, он был слышен на улице Красной, казалось, рухнут стены театра. Украинские артисты были мастерами этого жанра, несомненно. Но — поверх сюжета, характеров, декораций, оркестра, всего — буквально царил речевая стихия. Она в какой-то момент приобретала самостоятельное и господствующее значение.

Другой пример, удаленный тысячами километров, — диалектальный театр Италии XVIII в. Из него выросла драматургия Карло Гольдони. Некоторые его сочинения — типичная «местная культура», венецианская, в них не все слова понятны любому зрителю. Но его пьеса «Слуга двух господ» в постановке Джорджо Стрелера в Миланском Пикколо-театре (1947) стала общемировой легендой,

как и его же «Il Campiello» («Перекресток») (1975), там же. Этнос и топос в обоих случаях выступали вечными константами, точнее, основой Бытия. Местечки, которые обнаруживаются только при большом увеличении на картах Google, преобразованные сценой, становились пространством многообразных, пластичных общечеловеческих проявлений.

В этом постановочные проблемы любой местной пьесы: узнавание знакомой атмосферы населенных пунктов (Платнировская, Староминская, Сочи, Одесса) окликается «домашней радостью» в сердце зрителя на какое-то время. С другой же стороны, такие точки на карте, как Диканька, Миргород, Вешенская, Гремячий лог, Шепетовка остаются знакомым коллективным духовным переживанием поколений. Мы приходим к выводу о том, что местная пьеса сохраняется в истории искусства тогда, когда, будучи географически определена, замешана на густом национальном колорите и реалиях времени, в какой-то момент устремится от своих корней в сферу общезначимых вопросов. В этой способности к внутреннему росту она и может быть востребована на длительной исторической дистанции. И, что интересно, не потеряет своих исконных этнокультурных черт.

Судьба литературного наследия Николая Канивецкого, благодаря спектаклю «Одного театра», будем думать, привлечет внимание нового поколения театроведов и литературоведов. Да, так бывает: театр подсказывает науке пути новых исследований, ибо обладает способностью воплощать в реальном времени-пространстве, а также в наглядном действенном развитии то, что на бумаге воплотить не удастся. Иначе говоря, театр располагает «надтеоретическим» инструментарием. Яркий пример тому — комедия А. С. Грибоедова «Горе от ума», раскрывающая наглядно именно на сцене многие проблемные аспекты смысла. Иногда бывает и наоборот — научное литературоведческое исследование помогает зрителям и постановщикам полнее понять текст, открыть доселе не прочитанное или не понятое.

Узнавание Н. Канивецкого в новом времени и в новом театральном пространстве совершилось по своей логике. Мог он быть

поставлен в 1960-е гг. в один ряд с М. Шолоховым, Б. Крамаренко, А. Первенцевым? Нет, конечно: в нем не ощущалось требуемого наполнения, если хотите, — социально значимой публицистики. Что за конфликты в рассказах Н. Канивецкого, составивших книгу «Из былого Черноморья» (Екатеринодар, 1899)? Мы выше чуть коснулись реалий его письма в театральном воплощении. Юмористические зарисовки казачьего быта делает живыми игра артистов, окрыленных надеждой на культурно-языковую память зрителя.

Значит ли это, что Н. Канивецкий останется в своей этнографической нише и спектакль — лишь юбилейное ему приношение к исполнившемуся в 2022 г. 165-летию со дня рождения? А этого никто не знает. На это ответит только живой театральный процесс.

Жанр подобного спектакля, составленного из коротких рассказов, у нас вполне закреплён: много лет идут на сценах страны рассказы А. Чехова, А. Аверченко, В. Шукшина, сгруппированные как раз в логике разнообразия, мозаики экстравагантных типов и чудиков. Репортажи Н. Канивецкого в «Кубанских областных ведомостях» могут стать в этот ряд. Все дело в подходе. Ведь и работа «Одного театра» не удержалась от соединения чистых красок кубанской этнографии с элементами постмодерна. Сознание современного режиссера по-другому уже не работает: постановщикам кажется, что психологический реализм как базовый метод русского театра последних двух столетий не удерживает сегодня зрительское

внимание к материалу — нужны энергичные «комментарии от себя». Отсюда — постмодернистские прививки к Н. Канивецкому, баланс между исконно-казачьими и современными ассоциациями, ироническими комментариями. Позиция режиссера вполне в духе времени. Отношение к фольклору сегодня распадается на составляющие. Есть влечение к подлинности, научное ее изучение с учетом первоисточников [5] [10] [11] [13] [14]. И есть присвоение фольклора через сегодняшнее к нему отношение, говоря точнее, его адаптация на эстраде, в бытовом обращении и пр. «Пахлава глупости» демонстрирует оба подхода — два в одном.

Мы видим, что, открывая имя забытого писателя, театр привлекает на сцену не только авторские тексты, но и привычные приемы постмодерна. Подобная практика явно выглядит исчерпавшей свои ресурсы, старая же литература прочитывается сегодня как современная, является чем-то свежим и действительно новым. И это как раз не парадокс — постмодерн должен подпитывать себя. Все, чем он прежде занимался в своем ключе, практически пройдено. И он берет в разработку огромную сферу фольклора, причем в формах действительно не освоенных ни театром, ни литературоведением. Таким смещением приоритетов и замечательна поставленная «Одним театром» инсценировка двух рассказов Н. Канивецкого, попытка по-своему дать отклик на вечные вопросы — наследие веков и правду современности.

Svetlana A. KOLESNIKOVA

Cand. Sci. (Russian Literature),
Kuban State Technological University,
Krasnodar, Russian Federation
sk16@mail.ru

***The Literary Heritage of Nikolai Kanivetsky
in Modern Theatrical Perception***

Abstract. The aim of the article is to consider the problem of theatrical interpretation of Kuban folklore in retrospect. On the example of the play *Baklava of Stupidity*, based on the stories of the Kuban writer Nikolai Nikolaevich Kanivetsky (1857–1911), staged in Krasnodar’s Odin Teatr in 2023, the features of the figurative implementation of Kanivetsky’s prose and its vivid ethnographic component are revealed. The research methodology includes an analysis of a specific work and its correlation with

the broad context of performances on a “local theme”. This shows the evolution of this problem in time, its comprehension in the stage work of a number of theater figures. Their experience logically leads to an understanding of the evolution of folklore as presented on the stage of dramatic and musical theaters, of what it loses and gains when transferred from the natural, everyday environment. The author focuses on the linguistic specifics of literary texts, their perception by the viewer of different generations, gives historical facts of spectator participation in performances with a strong folklore component. Such performances were traditionally warmly received by the public, whose reaction was the joy of recognizing the realities of life. The sound of an almost forgotten speech norm revived historical memory, helped to realize one’s cultural roots. The author also raises the problem of historicism and social conditionality of drama and prose, and their stage embodiment. In this vein, the once resonant performances of the Krasnodar Drama Theater named after Maxim Gorky *Kochubey* (1958, 1977) by A. Perventsev, *Plavni* (1967) by B. Kramarenko, *A Good House, But a Hassle in It* (1995) by I. Varavva are considered. The performances of the Krasnodar Musical Comedy Theater on a local theme or by local authors (*We have in Kuban* (1954) by M. Kirakosov, *Oksana’s Love* (1957) by D. Falileev, and others) are also studied. The author’s main conclusions are connected with a new understanding of folklore in the course of its theatrical interpretation. On the one hand, there is a request for authenticity, a scientific study of primary sources. On the other hand, the development of folklore is obvious through its adaptation on the theater stage and concert stage, as well as in everyday life. The play *Baklava of Stupidity* demonstrates both approaches. Its creators involve the author’s texts and the techniques of theatrical postmodernism in their plan. The staging of Kanivetsky’s two stories is indicative as an attempt to give an answer to eternal questions – the legacy of centuries and the truth of modernity.

Keywords: Nikolay Kanivetsky, Odin Teatr, Kuban region, Krasnodar, Kuban folklore, ethnography, dialects, stage interpretation of literary works, spectator’s perception.

Использованная литература:

1. Балашова Н. Над рекой высокая лоза // Театральная жизнь. 1967. № 15. С. 8–9.
2. Балашова Н. Над седыми плавнями // Огонек. 1967. № 37. Сентябрь. С. 27.
3. Василинина И. Эхо грозových лет // Известия. 1967. 18 авг. № 195. С. 3.
4. Емельянов Н. А. Что вы хотите? Кубань // Театральная жизнь. 1995. № 11–12. С. 2–4.
5. Жиганова С. А. Традиционная народная культура Кубани как предмет исследования фольклорно-этнографических экспедиций Краснодарского государственного института культуры // Культурная жизнь юга России: Социальная память. Актуализация. Модернизация: материалы III Междунар. науч.-практ. конф., 18–19 окт. 2018 г. Краснодар: Краснодар. гос. ин-т культуры, 2018. С. 115–120.
6. Зубков Ю. В поисках своего лица // Советская культура. 1967. 12 авг. № 95. С. 4.
7. Зубков Ю. Именем революции // Правда. 1967. 9 июня. № 160. С. 3.
8. Колесников А. Г. Оперетта в Краснодаре: Летопись творческого пути. Воспоминания. Библиография. М.: Театралис. 2005.
9. Кушнарёв Р. Испытание веры // Советская Кубань. 1977. 29 нояб. С. 3.
10. Матвеев О. В. Кубанское казачество: историко-культурное наследие, судьбы, грани народной памяти. Краснодар: Традиция, 2019.

References:

1. Balashova, N. (1967) Nad rekoy vysokaya loza [A Tall Vine Over the River]. *Teatral'naya zhizn'*. 15. pp. 8–9.
2. Balashova, N. (1967) Nad sedymi plavniami [Over Gray Floodplains]. *Ogonek*. 37. September. p. 27.
3. Vasilinina, I. (1967) Ekho grozovykh let [The Echo of Storming Years]. *Izvestiya*. 18 August. 195. p. 3.
4. Emel'yanov, N.A. (1995) Chto vy khotite? Kuban' [What Do You Want? Kuban]. *Teatral'naya zhizn'*. 11–12. pp. 2–4.
5. Zhiganova, S.A. (2018) [Traditional Folk Culture of Kuban as an Object of Research of Folklore and Ethnographic Expeditions of Krasnodar State Institute of Culture]. *Kul'turnaya zhizn' yuga Rossii: Sotsial'naya pamyat'. Aktualizatsiya. Modernizatsiya* [Cultural Life of the South of Russia: Social Memory. Actualization. Modernization]. Conference Proceedings. 18–19 October 2018. Krasnodar: Krasnodar State Institute of Culture. pp. 115–120. (In Russian).
6. Zubkov, Yu. (1967) V poiskakh svoego litsa [In Search of a Face]. *Sovetskaya kul'tura*. 12 August. 95. p. 4.
7. Zubkov, Yu. (1967) Imenem revolyutsii [In the Name of the Revolution]. *Pravda*. 9 June. 160. p. 3.
8. Kolesnikov, A.G. (2005) *Operetta v Krasnodare: Letopis' tvorcheskogo puti. Vospominaniya. Bibliografiya* [Operetta in Krasnodar: Chronicle of the Creative Path. Memories. Bibliography]. Moscow: Teatralis.
9. Kushnarev, R. (1977) Ispytanie very [Test of Faith]. *Sovetskaya Kuban'*. 29 November. p. 3.
10. Matveev, O.V. (2019) *Kubanskoe kazachestvo: istoriko-kul'turnoe nasledie, sud'by, grani narodnoy pamyati*

11. Мартыненко Л. Б. Черноморский фольклор в произведениях Я. Г. Кухаренко // III кухаренковские чтения: материалы краевой науч.-теоретич. конф. Краснодар: Краснодар. гос. ун-т культуры и искусств. 1999. С. 59–70.

12. Первенцев А. А. Кочубей. М.: Вече. 2019.

13. Ткаченко, П. И. Кубанский говор: балакáчка: Опыт авторского словаря. – 3-е изд., доп. и уточненное. Краснодар. 2012.

14. Ткаченко П. И. Кубанский лад. Традиционная народная культура: вчера, сегодня, завтра. Краснодар: Традиция, 2014.

[Kuban Cossacks: Historical and Cultural Heritage, Fate, Facets of People's Memory]. Krasnodar: Traditsiya.

11. Martynenko, L.B. (1999) [Black Sea Region Folklore in the Works of Ya.G. Kukharenskiy]. *III kukharenskiy chteniye* [III Kukharenskiy Readings]. Conference Proceedings. Krasnodar: Krasnodar State University of Culture and Arts. pp. 59–70. (In Russian).

12. Perventsev, A.A. (2019) *Kochubey*. Moscow: Veche. (In Russian).

13. Tkachenko, P.I. (2012) *Kubanskiy govor: balakáчка: Opyt avtorskogo slovaryá* [Kuban Dialect: Balakachka: Experience of an Authorial Dictionary]. 3rd ed. Krasnodar: Traditsiya.

14. Tkachenko, P.I. (2014) *Kubanskiy lad. Traditsionnaya narodnaya kul'tura: vchera, segodnya, zavtra* [Kuban Mode. Traditional Folk Culture: Yesterday, Today, Tomorrow]. Krasnodar: Traditsiya.

Полная библиографическая ссылка на статью:

Колесникова, С. А. Литературное наследие Николая Канивецкого в современном театральном восприятии / С. А. Колесникова. – Текст : электронный. – DOI 10.36343/SB.2023.34.2.010 // Наследие веков. – 2023. – № 2. – С. 125–133. – URL: <http://heritage-magazine.com/index.php/HC/article/view/554/461> (дата обращения: ДД.ММ.ГГГГ).

Full bibliographic reference to the article:

Kolesnikova, S. A. (2023) The Literary Heritage of Nikolai Kanivetsky in Modern Theatrical Perception. *Nasledie vekov – Heritage of Centuries*. 2. pp. 125–133. (In Russian). DOI: 10.36343/SB.2023.34.2.010

РЕЦЕНЗИЯ

КНИЖНОЕ РЕВЮ: РЕЦЕНЗИИ И БИБЛИОГРАФИЯ

BOOK REVIEWS

BOOK REVIEW

Ольга Владимировна ШЛЫКОВА

доктор культурологии, профессор кафедры ЮНЕСКО
Института государственной службы и управления
Российской академии народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации,
Москва, Российская Федерация

Olga V. SHLYKOVA

Dr. Sci. (Theory and History of Culture), Prof.,
Institute of Public Administration and Civil Service,
Russian Presidential Academy
of National Economy and Public Administration,
Moscow, Russian Federation

olgashlykova@yandex.ru

ORCID: 0000-0002-2568-3624

УДК: [316.774+316.776+791]:[004+008]

ГРНТИ: 13.11.25

ВАК: 5.10.1.

DOI: 10.36343/SB.2023.34.2.011

Культурно-исторические повороты и траектория развития медиалогии

Рецензия на книгу:

Кириллова Н. Б. Медиалогия: Наука
глобализованного мира: уч. пос. М.:

Академический проект, 2022.

ISBN 978-5-8291-3895-0

(Сер. Университетский учебник)

Medialogy: Cultural and Historical Turns and the Development Trajectory

Book Review:

Kirillova, N. B. (2022) *Medialogiya: Nauka
Globalizovannogo Mira* [Medialogy: The Science
of the Globalized World]. Moscow: Akademicheskii
Proekt. ISBN 978-5-8291-3895-0

(University Textbook Series)

Автор рецензии анализирует новое учебное пособие, посвященное медиалогии – формирующейся научной дисциплине, исследующей особенности осмысления медиа в различных областях гуманитарного и социального знания. Отмечается, что наблюдаемое ныне социокультурное разнообразие требует комплексного изучения процессов эволюции науки, техники и информационного социума в аспекте их взаимосвязи. В книге отражена репрезентация медиа в историческом аспекте и прослежен процесс расширения исследовательского поля медиалогии. Последовательно проанализировано содержание всех глав учебного пособия, затронуты

проблемы эволюции медиакультуры, ее социальные аспекты, вопросы медиафилософии и медиаполитики. Определяя основную идею книги, рецензент приходит к мысли о том, что медиалогия представляет собой синтез гуманитарных наук, прошедших процесс трансформации, связанный с глобализацией и развитием информационно-коммуникационных технологий, оказывающих влияние на социализацию личности и общественное сознание.

Ключевые слова: медиалогия, массовая коммуникация, социокультурное пространство, информационно-коммуникационные технологии, медиакультура, медиасреда, управление медиасферой, медиапедагогика.

В настоящее время в условиях трансформации процесса научного познания и его структуры расширяется поле междисциплинарных, интегративных исследований, что влечет за собой возникновение наук, статус которых нуждается в обосновании их научности, продолжительности жизненного цикла, особенно сегодня, в условиях «временно-скоротечных» и темпоральных ценностно-смысловых ориентиров [5].

В связи с этим правомерно возникает следующий вопрос: как изучается и прогнозируется приближающееся будущее? Думается, что обоснованно звучит заключение автори-

тетных культурологов о формировании так называемой «...транзитной методологии в исследовании актуальной культуры (культуры настоящего), нацеленной не на осмысление организованного, осмысленно-рационального социума и его универсальных структур, а на принципиальную изменчивость, относительность и ситуативность действий в состоянии нестабильности и принципиального разнообразия социокультурной реальности» (цит. по: [4, с. 49]).

Это высвечивает устойчивую тенденцию социальных и гуманитарных наук — изучение науки, техники и информационного общества в их взаимосвязи, что неизбежно определяет социальную динамику и перспективу самого человека, особенно в современном стремительно меняющемся медиамире. Рецензируемое учебное пособие, с одной стороны, обобщает монографические исследования и научные труды Н. Б. Кирилловой, которая уже много лет изучает историко-культурные процессы медиатизации общества. С другой стороны, оно является мощным дидактическим наследием, за которым стоит опыт профессора с большой буквы, умеющего сложные научные изыскания преподнести увлекательно, с уважительным отношением к предшественникам и новым хранителям-созидателям медиа как академической науки и предмета преподавания.

В данном университетском учебнике автором, прежде всего, высвечена актуальная проблематизация новой науки XXI века — медиалогии в контексте исторической репрезентации медиа (от наскальных рисунков до гибридных медиа), в процессе смены парадигм культуры и образования, а также формирования новых концепций и векторов развития

медианауки, в расширяющееся исследовательское поле которой постепенно включаются теория и практики медиакультуры, медиафилософия, инфоэстетика, медиасемиотика, медиаменеджмент, медиаобразование и медиапедагогика.

Все эти направления медиалогии, имеющие динамичный характер, анализируются на междисциплинарном уровне, в сравнительной перспективе, с применением комплексных методологий. А в данном учебнике они органично вплетены в логично выстроенную структуру, представленную 9 главами.

Глава 1. «Медиагенезис» посвящена истокам системы массовых коммуникаций, языку медиа как знаковой системы. Опираясь на культуртипологию Г. М. Маклюэна, автор рассматривает отличительные особенности медиа в эпоху дописьменных коммуникаций, эпоху алфавита и письма, период «Галактики Гуттенберга»¹, эпохи электронной культуры (до, если так можно сказать, протогалактики Маркони² и «Галактики Цукерберга»³). При этом, подводя итог относительно эволюции медиатекста и СМИ, Наталья Борисовна убедительно заключает, что «новые медиа возникали каждый раз как способ реализации двух важнейших потребностей человека: они обещали большую свободу выбора и свободу взаимодействия в окружающем человека мире. Таким образом, различные медиа изобретались и совершенствовались с мыслью о доставке разнообразной информации массовой, пространственно рассредоточенной аудитории, поэтому их продукты рассматриваются как продукты масскульта (“аттракционов”, если вспомнить термин С. Эйзенштейна, или “массовых удовольствий”, если воспользоваться термином В. Савчука). Потребность в массовой трансляции эмоциональных смыслов вызвала их

к жизни; задача эта и ныне эффективно ими выполняется» [2, с. 2].

Глава 2. «Эволюция медиакультуры: XX век» охватывает сложный и насыщенный период технической революции эпохи модерна, перехода от печатных и электрических коммуникаций (радио, телефона) к экранным, электронным и цифровым медиаинновациям. В этой главе особое внимание уделено кинематографу «как лидеру, локомотиву всей медиакультуры XX века» [2, с. 81], и кино как действующей метафоре, которая переописывает мир с определенной целью. И, обладая способностью эстетического воздействия на зрителя, оно еще и проявляет качества генерирования, управления зрительскими настроениями, эмоциями, выступает средством могущественных динамических воздействий на подсознание человека, выполняя веер социальных функций: коммуникативной, нормативной, информационной, релаксационной, креативной, посреднической, маркетинговой и интегративной.

Возможности телевидения (удачно названного М. Маклюэном «застенчивым гигантом») раскрыты, как и практически все параграфы пособия, с опорой на имена и ретроспекцию открытий, например, португальского ученого А. ди Пайва и независимо от него русского физика П. И. Бахметьева, сделанные еще в конце XIX в.

Не ограничиваясь историческими экскурсами, Наталья Борисовна выдерживает стиль университетского учебника, не принижая научную планку и умело встраивая в логику излагаемого материала вклад теоретиков медиа. На страницах учебника можно встретить своего рода эссе не только о классике медиа М. Маклюэне, но и о Р. Вильямсе и его работах по анализу риторики телевидения как «потока», В. Саппаке, создавшем первую отечественную работу «Телевидение и мы» об искусстве «голубого экрана» в нашей стране, и многих других.

Глава 3. «Медиакультура как новая мифология» построена на выявлении закономерностей социокультурного развития общества в условиях «идеологизированного» массового сознания, что при этом тонко и в меру продемонстрировано на примерах мифотворчества

¹ Гуттенберг Иоганн (между 1397–1400–1468) — немецкий первопечатник, создатель европейского способа книгопечатания подвижными литерами.

² Маркони Гульельмо (1874–1937) — итальянский радиотехник, используя электромагнитные волны, изобрел беспроводной телеграф и радио как средства связи.

³ Цукерберг Марк Элиот (род. 14 мая 1984 г.) — американский медиамагнат, предприниматель и филантроп.

XX в. В данной главе речь идет не только о мифах как инструменте власти, но и представлена трактовка мифа как коммуникативной системы, рассмотрены мифологизация массовой печати, мифотворчество в кино, телевидение как «фабрика мифов» и виртуальные мифы в постсоветской России.

Автор пособия творчески подходит к осмыслению данной темы, усиливая акценты на художественных образах в мировом кино, на интеллектуальном и философском компонентах киномедиума, «завораживая» и восхищая читателя своей эрудицией и глубоким анализом рассматриваемых медиатекстов.

Глава 4. «Проблемное поле медиафилософии» интересна тем, что в ней многомерность коммуникации автор показывает через разнообразие подходов, существующих в медиафилософии, включая философскую антропологию, онтологию, религию, эстетику и, прежде всего, инфоэстетику.

Богатая и насыщенная историография вопроса, характер поднимаемых проблем позволяют значительно расширить кругозор студентов, осваивающих данную учебную дисциплину, погружая их в самостоятельный поиск ответов на вопросы бытия, со-бытия, реальности-медиа-реальности-виртуальной реальности, «прорыва к реальности — в — себе» и другим нетривиальным вопросам, которые не лежат на поверхности и неизбежно приучают к системной рефлексии медиакультуры.

В главе оригинальны проводимые параллели диалога между людьми и искусственным интеллектом на примере фильмов А. Тарковского «Солярис», американского фильма «Трон», примеры «балансирования» человека между реальностью и виртуальностью, определением его места в современной медиасреде. Особо ставятся вопросы о философии творчества, приоритете ценностей в эпоху нового витка глобальной революции, когда формируется новая коммуникативная культура, формируются новое мышление и новый тип личности.

В Главе 5. «Трансформация медиасреды на рубеже XX и XXI вв.» автор детально останавливается на вызовах глобализации, вопросах «демассификации» печатных медиа.

Достаточно глубоко Наталья Борисовна раскрывает информационно-коммуникативные особенности медиасреды в зависимости от трансформации экрана как зрелищной формы и как средства массовой информации. Будучи в области кино специалистом, получившим основательную подготовку в аспирантуре ВГИКа у самого С. А. Герасимова¹, она по-своему, высокопрофессионально анализирует метаморфозы экранной культуры, влияние цифровых технологий на модификации экрана, а также тенденции развития нового типа коммуникативных отношений в современном социокультурном пространстве.

В Главе 6. «Медиа и общество. Социальный психоанализ» не менее познавательно и академично рассмотрены парадоксы взаимодействия медиа и общества — от драмы идей «диалогизма» и интеграции в мировом медиапространстве до информационных войн, которые сегодня уже наглядно, с позиции «жесткой силы» проявляются в «культуре отмены культуры».

Как справедливо отмечает автор, «демократические реформы в России за три десятилетия продемонстрировали поразительные результаты: страна сделала мощный рывок от тоталитарной системы к современному гражданскому обществу, в котором очевидно возрастание роли медийной культуры как катализатора многих социальных процессов, ее влияние на модернизацию российской медиасреды, более открытой и свободной, что позволило нашему обществу войти в информационное и социокультурное пространство глобализованного мира» [2, с. 3].

Погружаясь в новые виртуальные миры, общество и человек обретают новые смыслы, в том числе смысл бессмыслицы, эффект самоцензуры человека в культуре повседневности, наедине с собой [2, с. 253].

Исследователи отмечают манипулятивный потенциал техногенного тренда,

¹ Герасимов Сергей Аполлинариевич (1906–1985) — советский кинорежиссер, актер, сценарист, драматург и педагог, профессор ВГИКа. Академик АПН СССР, Герой Социалистического Труда, Народный артист СССР, лауреат Ленинской премии, трех Сталинских премий, Государственной премии СССР и премии Ленинского комсомола.

подчеркивая совмещенность аналогового и цифрового миров, в котором человек обретает свое «иное» информационное бытие, где ценность реального мира постепенно перетекает в сторону виртуального, усиливая иллюзорность в отношении к бытию. Активизируется процесс трансформации человека, который становится все более контролируемым и управляемым компьютерными программами субъектом, чья творческая и созидательная активность приглушается за счет привлечения потенциала искусственного интеллекта [1] [3].

В этой связи сложно не согласиться с доводами автора учебного пособия, что стремительная трансформация существующих угроз и вызовов «новой нормальности» требует интеграции медиаполитики в структуру государственной культурной политики, усиленного внимания к созданию гибкой, адаптивной, мобильной и эффективной стратегии безопасности, способной оперативно реагировать на них.

Более подробно эти вопросы освещаются в *Главе 7. «Медиаполитика»*. Несмотря на отсутствие в политологии данного понятия, автор вводит его в научный оборот, понимая под медиаполитикой «совокупность всех политических и социокультурных факторов, влияющих на развитие медиатехнологий, экономики медиа, способствующих формированию новой медиасреды», «процесс перемещения содержания политической деятельности в символическое пространство массмедиа» [2, с. 269].

В главе рассматриваются возможные модели медиаиндустрии в России, показаны взаимосвязь медиаполитики и социокультурной модернизации, основные этапы преобразований в издательской системе, расширение теле- и радиопространства, организация новой системы государственного телерадиовещания, появление медиахолдингов, развитие рекламного рынка в первой четверти XXI в.

Глава 8. «Медиаменеджмент» посвящена науке и искусству управления в медиасфере, его нормативно-правовой основе, сделан акцент на феномене электронного менеджмента, «электронного правительства» в современном информационном об-

ществе. Обращается внимание на сетевые коммуникации и журналистику онлайн, процессы конвергенции, электронной коммерции, интернет-маркетинга и рекламы в медиапространстве.

Познавательными и продуктивными являются не только теоретические послы параграфа о фестивальном менеджменте, но и примеры кейсов престижных международных фестивалей (Берлинского, в Карловых Варах, Лос-Анджелесе, российских кинофорумов «Кинотавр», «Киношок» и многих других), особенностей фестивального продюсерства, спонсорства и инвестирования, что наращивает культурологическое знание студентов, позволяет распознавать успешные медийные практики и осваивать алгоритм их проведения.

Закольцовывает учебное пособие *Глава 9. «Медиапедагогика: отечественный и зарубежный опыт»*, в которой говорится об активизации медиаобразовательной компоненты в медиакультуре, о типах медийных ментальностей (евроамериканском, евразийском-российском, азиатском), информационной идентичности, прежде всего молодежи, творческом потенциале медиаобразования в его различных формах существования (от традиционных — оффлайн-форматов до дистанционных и онлайн-форматов).

Рассматриваются различные теории в медиаобразовании: 1) теория развития критического (демократического) мышления аудитории, 2) культурологическая теория медиаобразования, 3) социокультурная теория медиаобразования, 4) семиотическая теория медиаобразования, 5) эстетическая теория медиаобразования, 6) «практическая» теория медиаобразования, 7) идеологическая теория медиаобразования, 8) медиаобразование как теория «потребления и удовлетворения», 9) «инъекционная» теория медиаобразования, 10) этическая теория медиаобразования, которые направлены на развитие медиаграмотности аудитории, ее социокультурного развития и адаптации к новым реалиям жизни. Значительное место в главе занимают характеристика научных школ и образовательных программ в области медиаобразования и электронной культуры, специфика про-

грамм и медиапроектов, роли медиатек и библиотек в цифровую эпоху.

Основная мысль автора рецензируемого учебника состоит в том, что медиалогия — это синтез гуманитарных наук, трансформировавшихся в условиях эпохи глобализма и интенсивного развития информационно-коммуникационных технологий (ИКТ), влияющих на общественное сознание и процесс социализации личности.

Так, концепция цифровой гуманитаристики, связанная с использованием в исторических, лингвистических, культурологических исследованиях методов машинного анализа текста, обработки больших массивов данных, цифрового картографирования и 3D-моделирования, активно входят в современное социокультурное пространство. Все больше smart-институты начинают не только интегрировать потоки научной ин-

формации, но и выступать координационной структурой для гуманитарных исследований и проектных практик, в том числе онлайн-взаимодействия ученых, то есть становятся хранителями культурного наследия, включая и цифровое наследие, и провайдерами научной коммуникации, центрами организации и распространения знаний, цифровой грамотности. Безусловно, новым научным направлением медиаисследований становится и изучение логики изменения когнитивных процессов под воздействием новой цифровой среды.

Выход учебника всегда особое событие в академической среде. Это инструмент для познания и освоение нового, расширение горизонтов познания в столь многогранной и стремительно развивающейся науке — медиалогии. Огромная признательность автору Наталье Борисовне Кирилловой за ее уникальный и бесценный труд.

Olga V. SHLYKOVA

Dr. Sci. (Theory and History of Culture), Prof.,
Institute of Public Administration and Civil Service,
Russian Presidential Academy
of National Economy and Public Administration,
Moscow, Russian Federation
olgashlykova@yandex.ru
ORCID: 0000-0002-2568-3624

Medialogy: Cultural and Historical Turns and the Development Trajectory

Abstract. The reviewer analyzes a new textbook on medialogy, an emerging scientific discipline that studies the peculiarities of media comprehension in various fields of humanitarian and social knowledge. She notes that the currently observed socio-cultural diversity requires a comprehensive study of the evolution of science, technology and the information society in terms of their relationship. According to the reviewer, the book reflects the representation of media in a historical aspect and traces the expansion of the research field of medialogy. The reviewer consistently considers the content of all the chapters of the book. She positively evaluates the author's conclusions that new media arose every time as a realization of the needs of the individual for freedom of choice and freedom of interaction, and notes the author's high-quality analysis of the 20th-century media culture's evolution, which is considered in the unity of the development of technical innovations and an almost simultaneous theoretical understanding of the possibilities of invented new means of communication. The reviewer also notes the author's creative approach to the analysis of the mythologization and myth-making in the field of media culture, her desire to show the multidimensionality of communication through the variety of approaches that exist in the philosophy of media, and her deep study of the features of the media environment depending on the transformation of the screen as a spectacular form and as a mass media. The author's analysis of the paradoxes of interaction between media and society from the ideas

of integrating the global media space to information warfare is cognitive and simultaneously academic. The reviewer agrees with the author, who proves the need to integrate media policy into the structure of state cultural policy. The reviewer positively evaluates the examples of successful media practices considered in the context of managing the media sphere. The reviewer characterizes in detail the content of the section on the problems of media education. According to the reviewer, the main idea of the book is that mediology is a synthesis of the humanities that have been transformed in the era of globalism and the intensive development of information and communication technology that affects public consciousness and the individual's socialization.

Keywords: mediology, mass communication, sociocultural space, information and communication technology, media culture, media environment, media sphere management, media pedagogy.

Использованная литература:

1. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура / Пер. с англ. Под науч. ред. О.И. Шкаратана. М.: Гос. ун-т Высш. шк. эк-ки, 2000.
2. Кириллова Н. Б. Медиалогия: Наука глобализованного мира: уч. пособие. М.: Академический проект, 2022.
3. Луман Н. Реальность массмедиа / Пер. с нем. А. Ю. Антоновского. М.: Праксис, 2005.
4. Шлыкова О. В. Гуманитарные науки: глобальные вызовы эпохи // Исторические трансформации культуры: концепты, смыслы, практики: материалы Междунар. науч. конф. XVI Колосницынские чтения (Екатеринбург, 19–20 ноября 2021 г.) / под ред. Н. Б. Кирилловой, И. Я. Мурзиной. Екатеринбург: Б. и., 2021. С. 46–51.
5. Шлыкова О. В. Культурология в структуре научного знания: прогнозы статуса и перспектив // Наука в инновационном процессе: материалы Междунар. науч.-практ. конф. (Москва, 1–2 декабря 2021 г.). М.: Ин-т проблем развития науки Рос. акад. наук, 2021. С. 320–325.

References:

1. Castells, M. (2000) *Information Age: Economy, Society and Culture*. Moscow: Gos. un-t Vysch. shk. ek-ki (In Russian).
2. Kirillova, N.B. (2022) *Medialogiya: Nauka globalizovannogo mira* [Medialogy: The Science of the Globalized World]. Moscow: Akademicheskii projekt.
3. Luhmann, N. (2005) *The Reality of the Mass Media*. Moscow: Praxis (In Russian).
4. Shlykova, O.V. (2021) [The Humanities: Global Challenges of the Era]. *Istoricheskie transformatsii kul'tury: kontsepty, smysly, praktiki* [Historical Transformations of Culture: Concepts, Meanings, Practices]. Proceedings of the XVI Kolosnitsyn Readings International Conference. Yekaterinburg. 19–20 November 2021. Yekaterinburg: [s.n.], pp. 46–51. (In Russian).
5. Shlykova, O.V. (2021) [Culturology in the Structure of Scientific Knowledge: Forecasts of the Status and Prospects]. *Nauka v innovatsionnom protsesse* [Science in the Innovation Process]. Proceedings of the International Conference. Moscow. 1–2 December 2021. Moscow: ISS RAS. pp. 320–325. (In Russian).

Полная библиографическая ссылка на статью:

Шлыкова, О. В. Культурно-исторические повороты и траектория развития медиалогии / О. В. Шлыкова. – DOI 10.36343/SB.2023.34.2.011. – Текст : электронный // Наследие веков. – 2023. – № 2. – С. 134–140. – URL: <http://heritage-magazine.com/index.php/НС/article/view/555/460> (дата обращения: ДД.ММ.ГГГГ). – Рец. на кн.: Кириллова Н. Б. Медиалогия: Наука глобализованного мира: уч. пос. М.: Академический проект, 2022.

Full bibliographic reference to the article:

Shlykova, O.V. (2023) *Medialogy: Cultural and Historical Turns and the Development Trajectory*. *Nasledie vekov – Heritage of Centuries*. 2. pp. 134–140. (In Russian). DOI: 10.36343/SB.2023.34.2.011

НАСЛЕДИЕ ВЕКОВ

№ 2 (34)
2022

НАУЧНЫЙ ЭЛЕКТРОННЫЙ ЖУРНАЛ

ISSN 2412-9798

16+

ЮЖНОГО ФИЛИАЛА ИНСТИТУТА НАСЛЕДИЯ

Сетевое издание

Выходит четыре раза в год

Учредитель: АНО Центр духовного развития и патриотического воспитания
«Родные традиции»

Издатель: Южный филиал ФГБНИУ «Российский институт культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачева»

Главный редактор: Горлова И. И., e-mail: ii.gorlova@gmail.com

Адрес редакции: 350063, г. Краснодар, ул. Красная, д. 28, оф. 5

Телефон: +7 (861) 268-22-98

E-mail: heritage.krasnodar@gmail.com

Издание зарегистрировано в Роскомнадзоре.

Регистрационное удостоверение: Эл № ФС 77 - 76198 от 19 июля 2019 г.

Присланные в редакцию материалы публикаций рецензируются в соответствии с Порядком рецензирования рукописей и не возвращаются авторам.

Все права на любые материалы, опубликованные в настоящем издании, защищены в соответствии с российским и международным законодательством об авторском праве и смежных правах.

Использование материалов, размещенных в настоящем издании, допускается при условии обязательного указания точной гиперссылки на журнал «Наследие веков». Гиперссылка делается на оригинальный адрес публикации (URL). При воспроизведении материалов не допускается искажение смысла используемого текста.

Название журнала на русском языке: Наследие веков

Транслитерация названия журнала: Nasledie vekov

Название журнала на английском языке: Heritage of Centuries

При изготовлении обложки был использован фрагмент цифровой копии полотна Н. А. Ярошенко «Пятигорск. Этюд», 1893. Дерево, масло. 24,5x36,5 (Мемориальный музей-усадьба Н.А.Ярошенко, Кисловодск).

Дизайн сайта <http://heritage-magazine.com>:

Т. В. Коваленко, А. В. Крюков

Верстка html-версии журнала:

А. В. Крюков

Дизайн pdf-версии журнала:

Т. В. Коваленко, А. В. Крюков

Компьютерная верстка pdf-версии журнала:

А. В. Крюков

Дизайн обложки: А. В. Крюков, Т. В. Коваленко

Редактура текстов статей:

М. В. Шаройко

Редактура пристатейных списков литературы на русском языке:

М. В. Шаройко, А. В. Крюков

Редактура пристатейных списков литературы на английском языке: В. В. Кашпур

Редактура аннотаций на английском языке:

В. В. Кашпур

Издание индексируется:

- в Российском индексе научного цитирования (РИНЦ), (договор 714-11/2015).

Страница издания: http://elibrary.ru/title_about.asp?id=56593

- в системе Google Scholar.

Ссылка: https://scholar.google.ru/scholar?start=10&q=heritage-magazine.com&hl=ru&as_sdt=0,5

Распоряжением Минобрнауки России от 12 февраля 2019 г. № 21-р электронный журнал «Наследие веков» включен в **Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук.**

Номер сверстан: 29. 06. 2023

Размещен в сети Интернет: 30. 06. 2023

Гарнитура: Cambria

Формат: 210x297 (60x84/8)

Усл. печ. л.: 14,7

Уч.-изд. л.: 12,4

Размер файла: 16,6 Mb

© Наследие Веков

© АНО ЦДРПВ «Родные традиции»

© Южный филиал ФГБНИУ «Российский институт культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачева»